

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Костромской государственный
университет имени Н. А. Некрасова»

РАБОЧИЕ – ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ – ВЛАСТЬ В XX ВЕКЕ

Материалы III Международной научной конференции
Кострома, 22–23 сентября 2005 года

Часть II

Кострома
2005

ББК 63.3(2)6-2я431

Р 134

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ГОУВПО КГУ имени Н. А. Некрасова

Редакционная коллегия:

А. М. Белов (отв. редактор), Н. Н. Бобков,
Л. И. Бородин, А. В. Новиков, Н. М. Рассадин,
Е. А. Чугунов (зам. отв. редактора)

Р 134 Рабочие – предприниматели – власть в XX веке: В 2 ч. /
Отв. ред. А. М. Белов. – Кострома: ГОУВПО КГУ имени
Н. А. Некрасова, 2005. – Ч. 2. – 212с.

ISBN 5-7591-0667-8

В сборник вошли материалы III Международной научной конференции «Рабочие – предприниматели – власть в XX веке», посвященной столетию Первой российской революции 1905–1907 гг., состоявшейся 22–23 сентября в Костромском государственном университете им Н.А. Некрасова. Авторами материалов освещены актуальные проблемы взаимодействия власти, политических партий, предпринимательского корпуса и рабочих в контексте российской истории конца XIX – начала XX вв. Издание адресовано научным работникам, аспирантам, учителям и студентам, всем интересующимся проблемами отечественной истории новейшего времени.

ББК 63.3(2)6-2я431

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 05-01-14039 г)*

ISBN 5-7591-0667-8

© ГОУВПО КГУ им. Н. А. Некрасова, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Власть и политические партии в России	5
<i>Беседина Е. А.</i> Российские социал-демократы в рабочей среде: повседневная революционная практика 1905–1907 гг.	6
<i>Репников А. В.</i> Рабочий вопрос в «зеркале» монархической публицистики	14
<i>Бахтурина А. Ю.</i> Государственная власть Российской империи и политические партии Великого княжества Финляндского в 1905 г.	21
<i>Баранов А. Н.</i> Создание и деятельность Рождественского клуба кадетской партии в период первой российской революции ...	32
<i>Павлов Л. Г.</i> Интеллигенция Западной Сибири в период первой русской революции 1905–1907 гг. (историография проблемы)	43
<i>Овсянников И. А.</i> Элементы анархизма в общественной жизни Ярославля 1909–1912 гг.	58
<i>Иерусалимский Ю. Ю., Глазов Ю. В.</i> Образование Ярославского народного фронта – Движения содействия перестройке в 1988 г.	70
Раздел II. Новые подходы в изучении «рабочей истории» в XX веке	81
<i>Ушаков А. В.</i> Рабочее движение в Москве накануне первой русской революции	82
<i>Володин А. Ю.</i> Жалоба рабочего как явление фабричной жизни	97
<i>Ашмарина С. В.</i> Социальное страхование рабочих в России в период первой русской революции 1905–1907 гг.	105
<i>Белова Т. В.</i> Бюджет рабочего-текстильщика в годы первой мировой войны	109
<i>Федюк В. П.</i> Рабочий вопрос в политике денкинского правительства	111
<i>Ульянова С. Б.</i> Кампании по заключению коллективных договоров в системе трудовых отношений в советской промышленности 1920-х гг.	119
<i>Мирясов А. В.</i> Жилищные условия как фактор мотивации труда рабочих в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии)	135

<i>Волков Д. А.</i> Рабочие как объект социального эксперимента руководства большевиков по формированию новых управленческих кадров в начале НЭПа	152
<i>Шитлов С. А.</i> Народнонаселение уездных городов Костромской губернии во 2-й половине XIX – начале XX в.	156
<i>Рябинцев Р. В.</i> О проекте реорганизации фабричной полиции в 1901 году	168
<i>Шильникова И. В.</i> «Женщины стоворчивее мужчин и ладить с ними легче»: к вопросу об оплате труда и положении на производстве женщин-работниц в начале XX в. (на материалах Ярославской Большой мануфактуры)	173
<i>Александров Н. М.</i> Помещики Лугинины и ветлужское крестьянство	184
<i>Панурина Н. В.</i> Проблема применения труда несовершеннолетних рабочих в фабрично-заводской промышленности России в конце XIX – начале XX в. в отечественной историографии	195

РАЗДЕЛ I

Власть и политические партии в России

Е. А. Беседина
РОССИЙСКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ В РАБОЧЕЙ
СРЕДЕ: ПОВСЕДНЕВНАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ
ПРАКТИКА 1905–1907 ГГ.

Революционизм начала XX в. представлял достаточно сложный конгломерат идеальных схем и практической деятельности. Если на уровне теоретических концепций еще можно было говорить об определенной градации революционистских представлений, то практика в силу значительного удельного веса стихийных элементов, как правило, соединяла самые разнородные варианты и методы борьбы. Ни одна из политических партий не пыталась всерьез переубедить другую в абсолютной ценности своих способов противостояния режиму, так как они сами с трудом поспевали за стихийным ходом событий. Главной задачей для радикальных партийных образований было внесение организованности в движение сил, втягивавшихся в революционную борьбу. На этом фоне для социал-демократии, как и для других левых партий, становилась актуальной проблема определения своего места и «лица» в протестном движении. Важным было не только организовать массовое движение, в чем едва ли можно было действительно преуспеть, но и маркировать, обозначить свое партийное присутствие в этом потоке. Достижению данной цели способствовало бы коллективное представительство в форме лингвистических, визуальных и обрядовых символов, ведь знаки и образы создают и укрепляют коллективную идентичность. Методом воздействия на бушующую революционную стихию могло стать формирование массовых ритуальных форм, приобщаясь к которым участники данных событий приобретали определенный социальный и политический опыт.

Ведущую роль в формировании ориентационного пространства политического, в том числе и революционного дискурса, играет оппозиция «свой – чужой». Определить свое место в политическом поле значит знать с кем и против кого, за что и против чего бороться. Революционная пропаганда старательно формировала определенные стереотипы в восприятии «чужого» (от царя

до мастера цеха), исходящая от него угроза со временем становилась настолько очевидной, что уже не нуждалась в излишних доказательствах.

Вместе с тем повседневная революционная практика требовала усилий, направленных на объединение, интеграцию «своих», формирование их коллективной идентичности. В этом смысле серьезное значение приобретает участие народа в ритуализированных действиях, которые можно рассматривать как яркие формы протестного движения.

Кто «свой»? Это, прежде всего, рабочие. Социал-демократы вне зависимости от своей фракционной принадлежности рассматривали эту сторону противостояния в русле известной градации: «сознательный» рабочий, «организованный» рабочий, «массовый» рабочий. Сознательность рассматривалась через призму сознания социал-демократического, и представители обоих течений РСДРП, несмотря на различное отношение к роли партии в деле его формирования у рабочих, толковали это понятие в схожем контексте.

«Сознательному» рабочему, помимо политического соответствия, присуще и иное восприятие жизни: «Некоторые рабочие наших мастерских уже начали думать и жить по-иному: они стали уклоняться от дедовских обычаев, старались просветить себя и помочь товарищам осознать свое тяжелое положение. На этих рабочих вся темная масса смотрела косо, подозрительно и даже сторонилась их; их преследовали издевательством, насмешками, а иногда вредили, донося на них начальству.

Если замечали, что кто-нибудь перестал пить, ходить в церковь, не бьет жену и детей, а читает газету и книги, то решали, что это – «скубент» и «сицилист», нужно глядеть за ним в оба и, чуть что, донести попу, уряднику или жандарму Истукану»¹. Известное подозрение вызывало и то, что «сознательные» избегали женитьбы до 26–30 лет.

Совершенно очевидно, что «рабочее движение, а тем более весь пролетариат в целом никогда не были и не могли быть охвачены социал-демократизмом в целом. Более того, сознательность различных слоев рабочего класса или отдельных его представителей могла быть ориентирована на другие

идейные течения, а могла быть и неполитизированной: высококвалифицированный, хорошо оплачиваемый, грамотный, довольно культурный для своей среды рабочий, посещавший театры, библиотеки и музеи, но стоявший вне политики»².

«Организованный» рабочий – вовлеченный в орбиту партийной работы, постоянный участник партийных кружков, тот, через кого социалисты намеревались распространить свое практическое влияние на рабочую среду. При этом, привлекая его к партийной деятельности, комитетчики часто выдвигали преувеличенно высокие требования к уровню теоретических знаний и личных качеств кандидата, что, наряду с другими причинами, провоцировало конфликты в местных организациях. Среди профессиональных партийцев обсуждался вопрос о том, стоит ли освобождать партийных рабочих от работы на фабрике или заводе, создав для их деятельности более «удобные и конспиративные условия». Одни считали, что «лучшие рабочие, пользующиеся наибольшим влиянием в рабочей среде, будут из нее вырваны и будут лишены возможности продолжать оказывать это влияние каждый день, каждую минуту, другие – что это «влияние по окончании работы станет гораздо интенсивнее (он – рабочий) будет являться с несравненно большим запасом идей, планов, проектов, связей, листов и т. д.), а также и интенсивнее (на это у него будет больше времени, чем раньше)»³. Как представляется, эту проблему каждая социал-демократическая организация решала исходя из своих местных условий. Немаловажным аргументом в пользу постоянной работы на производстве можно считать состояние «кассы» комитета – подчас содержание «освобожденных» партийцев для нее было обременительным. Кроме того, следует особо отметить то, как могли воспринимать рабочие деятельность пришедших агитаторов. А встречали последних отнюдь не гостеприимно. Известно множество случаев, когда рабочие, узнав, что агитатор не работает на их заводе, изгоняли того под угрозой физической расправы, хотя до этого внешне проявляли лояльность и сочувствие к его речам.

«Массовые» рабочие – те, кто готов принять и принимает участие в публичных акциях, организуемых комитетчиками,

выражает намерение в любой момент примкнуть к движению. Поверхностная теоретическая подготовка, незнание ими положения дел в партии обесценивали значение принимаемых на массовых собраниях партийных резолюций: «Кто из местных работников не согласится, что на таких массовках можно проводить все, что угодно, если не встретит оппонентов другого направления?»⁴

Голубев И. М., вспоминая период между третьим и четвертым съездами, отмечал что большевики «в то время дрались с меньшевиками из-за каждого рабочего, из-за каждой связи на заводе, пускали в ход различные средства. И на этой почве у нас, практиков, отношения между фракциями сильно обострялись»⁵. Тем более, что «каждая организация стремилась послать большее количество делегатов на съезд и часто давала ложные цифры о количестве членов партии. Для того, чтобы проверить эти цифры, мы установили контроль друг за другом – стали устраивать совместные собрания. Но и это не помогало, на собрания часто созывались такие люди, которые не имели представления о партии, а приходили лишь для голосования»⁶. Кроме того, сведения о количестве приобщенных к фракционным делам рабочих представлялись необходимым доказательством значимости своего течения в революционном движении и в свете предстоящих разделов возможных финансовых поступлений от европейской социал-демократии.

Издательская деятельность комитетов, распространение социал-демократической литературы в рабочей среде было важнейшим направлением работы комитетов РСДРП в период первой российской революции. В отечественной историографии нашло свое отражение тщательное изучение данного вопроса, прежде всего в отношении литературы, распространявшейся большевиками: тираж и названия периодических изданий, брошюр, листовок, изданных комитетами и полученными из-за рубежа, их содержание, агитационное значение. Особое внимание уделялось изучению проблем издания произведений В. И. Ленина – их тиража, географии распространения и т. д. Следует особо отметить, что в повседневной революционной практике имело большое значение так называемое «количественное» содержание

вопроса. Объем издаваемой и распространяемой комитетом литературы символизировал реальную силу, жизнеспособность организации, служил тем критерием, благодаря которому сторонники радикальных революционных организаций определялись со своим партийным или фракционным выбором. Содержательная сторона дела оказывалась во многом вторичной, тем более что сам жанр листовок и прокламаций предполагал определенные пропагандистские штампы, их содержание страдало однообразием, что не позволяло серьезно и глубоко воспринимать заложенные в них идеи. Партийные организации вынуждены были корректировать свои лозунги в соответствии с интересами рабочих, только при этих условиях они могли рассчитывать на успех в рабочей среде⁷. Тем не менее, печатное (наряду с митинговым) слово способствовало распространению лозунгов и девизов, выполняющих интегрирующую функцию в определении «своих». Эти вербальные средства, выражая руководящую идею, цель политической борьбы, были призваны сплотить приверженцев идеи, дать им возможность испытать и выразить чувство социальной солидарности, сориентироваться в поле политики. В этой связи в процессе изучения семиотики политического дискурса высказывалось мнение о справедливости предположения Т. М. Николаевой о том, что «именно пролетарская революция потребовала такого обилия лозунгов, так как городской пролетариат еще не приобрел своей сплывающей системы клише, в отличие от давно имевшего эту систему крестьянства – так называемой «народной мудрости»⁸.

События Кровавого воскресенья внесли свою лепту в формирование особого эмоционального настроя, присущего российской революционности, ее «этики и нравственности, иррациональной по своей сути»⁹. Это пафос героической жертвенной смерти, ставший основой историко-революционной агитации российских радикалов, обращенной к глубинным основам человеческой психики. В процессе повседневной революционной практики жертвенность становилась все более одним из важных социально значимых символов. Смерть утратила свое личностное, человеческое качество и стала служить идеям. Вольно или невольно у участников движения вырабатывалось

«привыкание к смерти», формировалась готовность пожертвовать собой ради выполнения революционного долга. В одно и то же время В. И. Ленин призывал беречь рабочих, готовых к битве, и воспитывать презрение к смерти, ибо «массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу»¹⁰.

К осени 1905 г. «в среде революционно настроенных рабочих завершилось формирование нового похоронного обряда (похороны-демонстрации), позднее получившие название «красные похороны»¹¹. Эти процессии стали заметным проявлением общественной жизни города. Инициатива проведения похорон-демонстраций обычно исходила от партийных кружков и комитетов. Буквально в каждом номере социал-демократической прессы обоих направлений, да и в других радикальных изданиях, помещались корреспонденции, присланные в редакции из различных городов России с описаниями таких событий. Сопоставляя тексты этих сообщений, можно выявить определенный алгоритм в подаче информации. Столь скорбное событие представлялось как величественное, сродни театральному, действо, указывалось примерное количество людей, принимавших участие в процессии, маршрут движения, оговаривалось то, какие лозунги его сопровождали, какие надписи были на лентах венков, исполнялись ли революционные песни, принимали ли участие в процессии священнослужители. Как правило, непосредственно перед погребением устраивался митинг, на котором выступали представители различных оппозиционных партий, профессиональных организаций. Корреспонденты указывали количество таких выступлений, их продолжительность, партийную принадлежность ораторов, то, какие вопросы политической жизни были затронуты в речах. Почти всегда особо отмечалось то, насколько эмоционально и убедительно в этом хоре партийных голосов звучало слово представителя социал-демократии или того ее течения, к которому принадлежал автор сообщения.

В ходе революции произошло переосмысление назначения траурной процессии. Ее стали воспринимать как общественный обряд, призванный не только выразить скорбь по безвременно

погибшим, но и продемонстрировать готовность продолжить дело павших. Превращение траурной процессии в политическую демонстрацию уже в дни репрессий, последовавших за Манифестом 17 октября, как и клятва продолжить дело павших, были характерны для похорон не только рабочих и революционеров, но и других жертв (и не только репрессий) вне зависимости от сословной принадлежности и социального статуса. На второй план уходило проявление естественных человеческих чувств скорби, печали по умершему, его смерть становилась абстрактным символом жертвенности. И совершенно неважно, каковы были причины смерти. По «красному» обычаю хоронили и убитых в ходе прямых вооруженных столкновений с властями, самоубийц, погибших от употребления опиума, наконец, случайных жертв трагических обстоятельств. Все они рассматривались как «жертвы кровавого режима». Так, «Искра» опубликовала корреспонденцию о самоубийстве гимназиста-пятиклассника, застрелившегося из-за полученной «двойки»: «Отец самоубийцы протестовал против красной ленты, но ему ответили, что у демонстрантов могут быть свои соображения насчет смерти его сына»¹².

Похоронные процессии можно рассматривать как массовые акции повседневной революционной практики, как стандартизированное действие с вполне определенной знаковой функцией, в них проявляется чувство солидарности, ощущение причастности самых разных людей к чему-то важному. Человек чувствует себя одиноким, слабым, в коллективе же возникают совершенно иные представления о своей роли в происходящих событиях. Участие в таком массовом действии помогает выстраивать и укреплять общую идентичность.

Кроме того, похороны представляли собой способ утверждения своей значимости, революционные партии получали возможность доказательства собственной легитимности, поскольку власти, как правило, не чинили препятствий на пути участников процессии. «Красные похороны» были акцией, способной оказать сильное эмоциональное воздействие не только на те слои населения, которые и без того весьма отзывчивы к революционной пропаганде, но и на обывателя, среднего

горожанина, который в массе своей консервативен, не ждет новых социальных и моральных выгод от перемен, а нацелен на сохранение имеющихся или возврат потерянных, тем самым заручиться сочувствием к своей борьбе.

С началом революции среди российских рабочих получил распространение и обычай коллективного поминовения жертв царизма, завершавший большинство собраний и митингов рабочих¹³. Как и похороны-демонстрации, «рабочие панихиды» бытовали в сочетании с церковным ритуалом и, чаще, без него. По окончании панихиды по «царем невинно убиенным», в толпе нередко поднимался красный флаг, иногда произносились соответствующие речи, в заключение пели «Похоронный марш». Как и «красные похороны», совместное поминовение не родных, не друзей, даже не знакомых, а безвестных соратников по общему делу можно рассматривать как форму совместной деятельности, укреплявшей коллективную идентичность, развивавшей групповое сознание, солидарность, чувство принадлежности к единому социальному целому.

Примечания

¹ Жабко М. Из далекого прошлого. Воспоминания старого рабочего. – М., Иваново, 1930. – С. 34.

² Мухин Ю. А. Рабочее движение и российская социал-демократия 1883–1907 гг. Автореф... дисс. д-ра ист. наук. – М., 1993. – С. 15.

³ Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905–1907 гг. – М., 1979. – Т. 1(1). – С. 235.

⁴ Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905–1907 гг. – М., 1991. – Т. 4. – С. 162.

⁵ Голубев И. М. От стачек к восстанию. Воспоминания рабочего-большевика. 1896–1907 гг. – М.; Л., 1931. – С.158.

⁶ Там же. – С. 158.

⁷ Новиков А. В. Рабочее движение в 1905 г.: причины, формы, содержание (по материалам Владимирской, Костромской,

Ярославской губерний). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Кострома, 1997. – С. 17.

⁸ Цит. по Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004. – С. 118–119.

⁹ Тяжельникова В. С. «Вы жертвою пали в борьбе роковой...». Генезис и эволюция революционной жертвенности коммунистов // Социальная история. 1998–1999. – С. 412.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 13. – С. 376.

¹¹ Полищук Н. С. Обычаи и нравы рабочих России (к. XIX – н. XX в.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861–февраль 1917. – СПб, 1997. – С. 127.

¹² Искра. – № 96. – С. 5.

¹³ Полищук Н. С. Обычаи и нравы... – С. 128.

А. В. Репников

РАБОЧИЙ ВОПРОС В «ЗЕРКАЛЕ» МОНАРХИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

В последние годы историками неоднократно затрагивалось отношение правых партий¹ и публицистов (Л. А. Тихомиров², М. О. Меньшиков³ и др.) к рабочему вопросу. Практически все исследователи отмечали, что отсутствие у монархистов четкой программы решения этого вопроса приводило к тому, что их идеи зачастую не находили позитивного отклика в рабочей среде. Ведущие правые публицисты оставались непоколебимыми сторонниками аграрной России. Вместе с тем они пытались по-своему отреагировать на вызовы времени, хотя их реакция, как правило, сильно запаздывала. Это хорошо видно на примере публицистов, которым посвящен данный материал: А. Г. Щербатова, К. Н. Пасхалова, С. Н. Сыромятникова и А. Д. Нечволодова. Поскольку вышеперечисленные консерваторы не принадлежат к числу общеизвестных фигур, существует необходимость кратко осветить их биографии.

Князь Александр Григорьевич Щербатов (1850–1915) был активистом Союза Русских людей, общественным деятелем,

автором многочисленных работ на политические и экономические темы, большинство из которых недавно переиздано⁴. Клавдий Никандрович Пасхалов (1843–1924), по словам А. Я. Авреха, «для черносотенцев был примерно тем же, кем был князь П. А. Кропоткин для анархистов: патриархом и теоретиком одновременно»⁵. В постсоветской историографии имя Пасхалова и его наследие были открыты Ю. И. Кирьяновым написавшем о нем энциклопедическую статью и опубликовавшим часть его переписки⁶. Однако ни одна из работ Пасхалова так и не была переиздана⁷. Сергей Николаевич Сыромятников (1864–1933) был видным публицистом, общественным деятелем, путешественником и разведчиком⁸. Его сборники и статьи, выходявшие до революции, еще ждут своего издателя. Самой неизвестной фигурой остается Александр Дмитриевич Нечволодов (1864–1938) – правый публицист, генерал, участник Первой мировой войны и белого движения; затем – эмигрант. Его «Сказания о русской земле» неоднократно переиздавались в последние годы⁹, но экономическая и политическая публицистика остается неизвестной широкому читателю.

То, что правые понимали необходимость развития промышленности, видно на примере Щербатова, выведившего из этого развития залог государственной независимости и державной мощи России. В 1910 г. князь утверждал: «В настоящее время война ведется промышленными государствами не из-за славы, не из-за вопросов религиозных и династических, а из-за приобретения новых рынков для сбыта своих товаров, из-за уничтожения торговой организации соперников, из-за завоевания свободного доступа своих товаров в страны, препятствующие ввозу иностранных товаров», поскольку современная война это «торговое предприятие... столкновение вооруженных армий и победа на поле сражения есть только один из его придатков»¹⁰. Поддерживая и развивая промышленность, государство поддерживает свою политическую и экономическую независимость, а военная сила является лишь подспорьем промышленной организации. Однако Щербатов, подобно другим правым, настороженно относился к формируемому рабочему классу и не мыслил себе проведения социальных реформ, направленных на улучшение жизни рабочих, считая, что рост заработной платы зависит от роста производства.

По сути, те слова, о патриотизме, независимости и величии России, которые он обращал в своих статьях к рабочим, могли быть обращены к кому угодно. Он и его единомышленники (за редким исключением) не выделяли рабочих отдельно и подчеркивали аграрный характер отечественной экономики. К. Н. Пасхалов и С. Ф. Шарапов в написанной совместно брошюре утверждали, что «главный и до сих пор непоправимый ущерб причинен земледелию внезапным, колоссальным развитием промышленности, потребовавшим громадного количества рабочих рук, сплошь отнятых у земледелия. Сельскохозяйственный промысел не может конкурировать ни с каким фабрично-заводским, находясь в более тяжелых и неустрашимых условиях», поскольку земледелец при малейшей возможности меняет свой труд на труд рабочего; «все стремятся в города, на фабрики и заводы... и деревня положительно оголела»¹¹. Между тем время диктовало свои условия, и «большинство консервативных теоретиков, выражая недовольство практикой выкачивания средств из сельского хозяйства, все же было склонно принимать промышленный протекционизм как некую данность»¹².

С. Н. Сыромятников также отвергал капитализм, наносящий, по его мнению, ущерб аграрному сектору экономики, и призывал сохранить доминирование деревни над городом. Причем под «городом» он подразумевал все негативно-космополитическое, считая, что «городские представления» проникли во все сферы жизни. Именно крестьянин-националист виделся им в качестве главной опоры самодержавия: «Русский национализм заключается в борьбе с городом, с городскими представлениями и интересами в области права, религии, искусства, философии...»¹³ Консерваторы считали, что государству (в первую очередь, самодержцу), должен принадлежать приоритет в решении споров между хозяевами и работниками. Сыромятников признавал «в государстве Царя-плотника, исповедующего веру Христа-ремесленника, труд не может быть отдан в жертву капиталу», и «русский рабочий такой же русский гражданин, как и заводчик, помещик, и его интересы так же дороги Государю, как и интересы каждого из нас»¹⁴.

Характеризуя положение российской промышленности в начале XX в., Нечволодов отмечал, что:

а) она очень незначительна по своим размерам, сравнительно с размерами промышленности государств Западной Европы и Соединенных Штатов;

б) стоит совершенно отдельно от сельского хозяйства и носит вполне капиталистический характер;

в) вследствие своего капиталистического характера, несмотря на свою незначительность, она создала многочисленный рабочий пролетариат, оторванный от земли и подверженный всем кризисам капиталистического производства;

г) ввиду значительно более высокого учетного процента в России сравнительно с таковым же за границей, она не только не может конкурировать на внешнем рынке с иностранной промышленностью, но благодаря торговым договорам ей трудно конкурировать с ней и на внутреннем рынке;

д) в виду того что она имеет только один рынок – внутренний, она всецело от него зависит; малая его емкость, вследствие общей бедности, не дает ей развиваться до тех размеров, в каких развиты промышленности в других странах, а «ненормальные условия» российского государственного хозяйства, приведшие к аграрному кризису, «отражаются в ней целиком»¹⁵.

Нечволодов приходил к выводу о необходимости проведения реформы денежной системы (переход на бумажные деньги), аграрной реформы и реформы промышленности. При этом он даже цитировал с одобрением А. В. Пешехонова, отмечавшего, что «экономическая политика отживающего строя» держалась за счет покровительства городу в ущерб деревни и покровительства немногим «удачникам» в ущерб всей трудящейся массе. Нечволодов предлагал осуществить поворот русской промышленности с капиталистического пути на путь коллективного труда и тесной кооперации с сельским хозяйством. Этот поворот, по мнению публициста, можно было сделать при широком предоставлении дешевого кредита всем представителям производительного труда, что, в свою очередь, было возможно только после того, как в России будут «свои народные бумажные деньги вместо современных чужих золотых». Предполагалось заменить политику экономической централизации политикой самого широкого создания мелких экономических центров.

При такой экономической политике, полагал Нечволодов, излишек сельского населения, вследствие увеличивающейся покупательной способности последнего, которая явится результатом подъема сельского хозяйства, всегда найдет себе выход в промышленность. Это должно стать альтернативой положению, когда промышленность, имеющая для сбыта только внутренний рынок, вследствие слабости сельскохозяйственной культуры должна находиться в застое и весь прирост сельского населения должен оставаться «прикованным к земледелию». Обращение части сельского населения России к промышленной деятельности должно было благотворно повлиять на сельское хозяйство; а промышленность, при правильной постановке всего народного хозяйства и увеличении покупательной способности нации, будет нуждаться в большом количестве рук. Таким образом, Нечволодов решал вопросы развития отечественного сельского хозяйства и промышленности, а заодно и вопрос о заселении окраин. Он также предлагал учредить Торгово-промышленный банк с капиталом для ссуд на облегченных условиях под возникающие торгово-промышленные предприятия, преимущественно менее крупные, основанные на артельных началах. Вся прибыль этого банка должна была пойти на устройство быта престарелых фабрично-заводских рабочих, их вдов и сирот, что положило бы начало разрешению вопроса об обеспечении рабочих даже «полнее, чем это было сделано в Англии».

Большая роль консерваторами отводилась и частной благотворительности, не случайно некоторые из них (И. Восторгов, Е. Никитин и др.) неоднократно взывали к христианским чувствам. На практике же консервативные проекты разрешения рабочего вопроса оказывались утопичными. Л. А. Тихомиров с грустью отмечал, «что в требованиях рабочих *много справедливого* и что отношение к их нуждам как со стороны правительства, так и думы очень неискреннее и надувательское»¹⁶.

Примечания

¹ См.: Бойко Т. В. Русские рабочие и культура (Полемика на страницах консервативной и либеральной периодики начала XX века). – М., 1997; Елисеев А. В. Социально-экономические

воззрения русских националистов начала XX века // Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1997; Степанов С. А. Рабочие и черносотенные организации. 1905–1917 // Рабочие и интеллигенция в эпоху реформ и революций. 1861–февраль 1917. – СПб, 1997; Степанов В. Л. «Национальная» экономика в России: консервативная утопия или реальная цель? // Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения. («Круглый стол») // Отечеств. история. – 2001. – № 3; Репников А. В. Рабочий вопрос в концепциях русских консерваторов начала XX века // Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. – М., 2001; Его же. Правые партии и рабочий вопрос в 1905–1907 гг. // Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. Материалы международ. науч. конф., посвященной памяти профессора Ю. И. Кирьянова. – Кострома, 2003. – Ч. 1; Его же. Российские традиционалисты и рабочий вопрос в конце XIX – начале XX вв. // Рабочий класс и рабочее движение России: теория, история, современность. – М., 2003; Степанов С. А. Черная сотня. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 2005.

² Сухоруких А. В. Рабочий вопрос в России: монархическая альтернатива Л. А. Тихомирова // Страницы истории и историографии отечества: Сб. науч. тр. – Воронеж, 1999. – Вып. 2; Попов Э. А. Рабочий вопрос в неоконсервативной доктрине Л. А. Тихомирова // Науч.-теорет. конф. «Вторые межрегиональные научные чтения по актуальным проблемам социальной истории и социальной работы». Тезисы докл. и сообщ. – Новочеркасск, 2001; Репников А. В. Л. А. Тихомиров о рабочем вопросе // Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX века. Материалы международ. науч. конф., посвященной памяти профессора М. Н. Белова. – Кострома, 2001. – Ч. 1; Милевский О. А. Тихомиров и рабочий вопрос в России // Консерватизм в России и мире: В 3 ч. – Воронеж, 2004. – Ч. 2.

³ Шлемин П. И. М. О. Меньшиков: мысли о России. – М., 1997; Репников А. В. М. О. Меньшиков о рабочем вопросе // Рабочий класс и рабочее движение в России: история и современность. – М., 2002.

⁴ Щербатов А. Г. «Обновленная Россия» и другие работы. – М., 2002.

⁵ Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. 1912–1914 гг. – М., 1981. – С. 231.

⁶ Кирьянов Ю. И., Пасхалов К. Н. // Политические партии России. Энциклопедия. – М., 1996; Правые в 1915 – феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам // Минувшее. – М.; СПб., 1993. – Вып. 14; «Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К. Н. Пасхалова 1914–1917 гг. // Источник. – 1995. – № 6.

⁷ См.: Пасхалов К. Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Март 1905 – август 1906 г. – М., 1906. – Т. I; Его же. Сборник статей, воззваний, записок, речей, писем и пр. 1906–1909. – М., 1909. – Т. II; Его же. Из иной страны чудесной. – М., 1907; Его же. Землеустроительное разорение России. – М., 1909; Его же. Русский вопрос. – М., 1913 и др.

⁸ См.: Сыромятников Б. Д. Странные путешествия и командировки «СИГМЫ» (1897...1916 гг.): Историко-документальная повесть-расследование. – СПб., 2004; Чернавский М. Ю. Консервативные идеи в воззрениях С. Н. Сыромятникова / Консерватизм в России и мире: В 3 ч. – Воронеж, 2004. – Ч. 2.

⁹ Нечволодов А. Сказания о русской земле. – М., 1997. – Кн. 1–2 и др. переизд.

¹⁰ Щербатов А. Г. «Обновленная Россия»... – С. 127.

¹¹ Пасхалов К., Шарапов С. Землеустроение или землеразорение? (По поводу закона 9 ноября 1909 года). – М., 1909. – С. 34–35.

¹² Лукьянов М. Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. – Пермь, 2001. – С. 130.

¹³ Сыромятников С. Н. Опыты русской мысли. – СПб., 1901. – Кн. 1. – С. 74.

¹⁴ Цит.: Лукьянов М. Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. – С. 132.

¹⁵ См.: Нечволодов А. От разорения к достатку. – СПб., 1906; Его же. Русские деньги. Из журнала «Море». – СПб., 1907.

¹⁶ 25 лет назад. (Из дневника Л. Тихомирова) // Красный архив. – М.; Л., 1930. – Т. 3. – С. 77.

А. Ю. Бахтурина

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ФИНЛЯНДСКОГО В 1905 г.

Великое княжество Финляндское в составе Российской империи обладало особым статусом. Попытки российского самодержавия ограничить финскую автономию способствовали активизации общественно-политических движений в Финляндии и росту антиправительственных настроений. Политика Российской империи в отношении Финляндии в годы первой русской революции существенно образом изменилась. Особую проблему, на наш взгляд, представляет вопрос о влиянии политических партий Финляндии на развитие политического курса самодержавия в названный период.

К началу XX в. в Финляндии действовали следующие основные партии: шведоманская (или шведская), в которую входили наиболее крупные землевладельцы, промышленники и финансисты, преимущественно шведы по национальности. Представители этой партии занимали в княжестве ряд важных государственных постов. Вторая крупная партия – старофинская – объединяла финскую буржуазию, крестьянство, интеллигенцию. Поддержка российским правительством развития финского языка, предоставление ему равных прав со шведским в течение второй половины XIX в. оказали существенное влияние на политическую ориентацию старофинской партии. Ее члены склонялись к проведению лояльного курса в отношении российского самодержавия и поискам компромиссных решений. Старофинская партия придерживалась тактики компромисса и дипломатических соглашений с российским правительством. Представители старофинцев занимали лидирующее положение в управлении княжеством, составляя к 1905 г. большинство Императорского Финляндского сената.

В 80-х годах XIX в. выдвинулось третье направление – младофинская партия, которая была образована либеральным крылом старофинской партии. Шведская и младофинская партии заняли враждебную позицию в отношении к российскому

© Бахтурина А. Ю., 2005

политическому курсу и сформировали конституционный блок. Он пропагандировал тактику так называемого пассивного «сопротивления» в отношении требований российских властей. Раскол в финском политическом движении и создание конституционного блока были во многом следствием политического курса Н. И. Бобрикова, под влиянием которого «масса партиотов, покинув старые знамена старофинской партии, присоединилась к... младофинской партии, более либеральной, но не отказывавшейся идти рука об руку со шведами против общего врага»¹. В 1904 г. из нее выделилась партия «активного сопротивления» (активисты) во главе с Конни Циллиакусом. Партия состояла из крайних националистов, которые ставили своей задачей отделение Финляндии от России. В 1902 г. в результате объединения «Рабочих социалистических обществ» была образована финляндская социал-демократическая рабочая партия.

6 декабря 1904 г. начал свою работу финский сейм. На его рассмотрение было передано предложение императора о расширении избирательных прав городского и сельского сословий². Однако проект, также как и другие вопросы, внесенные на обсуждение сейма, остался нерассмотренным. Представители партии конституционалистов заявили, что для нормальной работы сейма в Финляндии нет достаточных «законных условий» и составили петицию «О восстановлении положения вещей, согласно с основными законами». В ней они требовали отмены или пересмотра 36 законодательных актов, изданных для Великого княжества Финляндского с 1899 г. До получения ответа от императора решено было к работе на сейме не приступать.

Одновременно предложения императора относительно расширения избирательных прав населения Финляндии были подвергнуты критике со стороны социал-демократов, которые начали активную кампанию за проведение избирательной реформы на основе всеобщего равного избирательного права.

Эта петиция не была полностью отвергнута. Высочайшим повелением от 13(26) января 1905 г. поручено было финляндскому генерал-губернатору князю Оболенскому сделать надлежащие представления о способах удовлетворения ходатайства сейма³.

16 (29) марта 1905 г. последовал ответ императора на большую петицию сейма, где говорилось, что «окончательное разрешение ходатайства не может последовать ранее завершения трудов особо учрежденной комиссии по разграничению особенностей общегосударственного и местного финляндского законодательства». Но при этом была сделана существенная уступка требованиям сейма: было приостановлено действие закона 1901 г. о воинской повинности⁴. Хотя эта мера полностью финнов не удовлетворила, так как вместе с отменой действия Воинского устава на территории Финляндии финляндские войска не были восстановлены, но после получения ответа Николая II работа сейма возобновилась⁵. 14 марта депутаты каждого из сословий, представленных в сейме, обсудили вопрос об избирательном праве. Депутаты от духовенства одобрили проект о предоставлении избирательного права всем гражданам мужского пола. Крестьянские депутаты высказались за предоставление избирательного права также и женщинам. Представители дворянского и городского сословий решили отложить вопрос до следующего сейма, мотивируя свое решение ранее высказанным мнением об отсутствии «законных условий».

По мере нарастания революционного движения в России в конце сентября – начале октября 1905 г. финские государственные и общественные деятели попытались восстановить особые права Великого княжества, утраченные в годы генерал-губернаторства Н. И. Бобрикова. Ряд депутатов Финляндского сейма решили обратиться непосредственно к С. Ю. Витте. По воспоминаниям доктора А. Тёрнгрена, 10 (23) октября 1905 г. он и губернатор Вааса Ф. Бьёрнберг, знавший Витте лично, встретились с премьер-министром. Суть требований, предъявленных финнами, сводилась к отмене большинства постановлений периода Бобрикова, а также к необходимости назначать на ответственные должности в Великом княжестве финнов, облеченных народным доверием. Витте заметил, что всегда выступал против политики угнетения Финляндии. В конце беседы он спросил: «Если мне удастся сейчас представить государю то, на что вы надеетесь, и меня выслушали бы, можете ли вы заверить, что восстановится спокойствие? Смогли бы вы

воздержаться от того, чтобы последовать примеру Норвегии, и не провозглашать независимость?»⁶ Тёрнгрэн и Бьёрнберг ответили, что подобные планы не входят в программу конституционной партии, к которой они принадлежат, однако есть в стране и другие, хоть и немногочисленные, силы.

Витте предостерег финнов от вмешательства в российские дела, от суггрудничества с русскими революционерами. Бьёрнберг ответил на это: «Я гарантирую это»; а Тёрнгрэн добавил: «Мы испытываем симпатию к российскому освободительному движению...»⁷.

На следующий день парламентарии вернулись в Хельсинки, однако, поскольку всеобщая забастовка разрасталась, было решено в качестве наблюдателей на случай непредвиденных событий направить в Петербург Тёрнгрэна и государственного советника Алексиса Грипенберга. Они прибыли в Петербург 15 (28) октября, и 17 (30) октября состоялась их новая встреча с Витте. Витте спросил их, смогут ли они поручиться, что, если он вынудит государя уступить и выполнить их требования, в Финляндии будет сохраняться спокойствие и она не будет вмешиваться в российские беспорядки. Однако, как указывает Тёрнгрэн, начало «большой забастовки» в Финляндии 17 (30) октября сильно охладило отношение Витте к идее переговоров с финнами⁸.

Одновременно С. Ю. Витте пытался урегулировать положение в княжестве, достигнув договоренности с лидером конституционалистов Л. Мехелиным. 14 (29) октября 1905 г. Витте пригласил Мехелина в Петербург, где, видимо, произошла их встреча. О ней Витте упомянул в «Воспоминаниях». Он писал, что «главные политические деятели Финляндии во главе с Мехелином» дали ему слово, что «Финляндия успокоится, будет вести себя совершенно корректно, забудет все сделанное в последние годы, если русское правительство вернется к прежней политике и будет добросовестно исполнять льготы, ей дарованные императорами»⁹. Витте поддержал конституционалистов перед императором, сказав о необходимости вернуться к прежней политике, поскольку «опасно создать вторую Польшу под Петербургом»¹⁰. Последующее поведение конституционалистов

позволяет предположить, что после согласия императора удовлетворить их требования они пытались в свою очередь стабилизировать обстановку в княжестве.

В связи с угрозой распространения всеобщей забастовки на финские железные дороги 15 (28) октября 1905 г. Витте телеграфировал Мехелину: «Вам хорошо известна моя позиция относительно финского вопроса. Ради блага Финляндии прошу Вас решительно использовать всю Вашу власть и влияние, чтобы оставить в покое финские железные дороги и вообще дать финскому народу возможность действовать лояльно и в соответствии со степенью его культуры»¹¹.

Но, несмотря на попытки С. Ю. Витте урегулировать ситуацию, 16 (29) октября началась забастовка финских железнодорожников. 16 (29) октября вечером, как только стало известно об объявлении забастовки, в здании городской ратуши Гельсингфорса собралось около 30–40 наиболее видных представителей конституционалистов¹² во главе с лидером, сенатором Л. Мехелиным. Он отметил, что в случае распространения забастовки на всю Финляндию конституционалисты должны быть готовы направить ее ход по такому руслу, которое обеспечило бы прежде всего сохранение законности.

Собрание приняло программу, которая сводилась к трем пунктам. Во-первых, конституционалисты требовали отстранения незаконно назначенных русских чиновников от занимаемых должностей, отставки сената и министра статс-секретаря, а также немедленного созыва сейма¹³. Эти требования показывали, что основной политической задачей конституционалистов в октябре 1905 г. было отстранение старофиннов от власти, которые занимали лидирующее положение в Финляндском сенате. Последний в период генерал-губернаторства Н. И. Бобрикова был тесно связан с генерал-губернатором, который председательствовал на его заседаниях и рассматривался конституционалистами как орган, занимавший пророссийскую позицию. На этом же совещании был создан комитет из восьми человек для совместной деятельности с представителями рабочих.

Одновременно у вице-президента Хозяйственного департамента сенатора Стренга собрались члены департамента.

На этом заседании сенаторы приняли решение о том, что они оставляют свои должности.

Вечером 17 (30) октября состоялись переговоры конституционалистов с забастовочным комитетом рабочих. Представители рабочих готовы были принять первые два пункта программы конституционалистов, но не могли согласиться с требованием созыва сословного сейма. Вместо этого забастовочный комитет выдвинул требование созыва национального (учредительного) собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного прав. Это требование легло в основу программы Центрального забастовочного комитета. Национальное собрание должно было создать конституцию и урегулировать отношения с Россией. Проект программы был одобрен в тот же день на 20-тысячном митинге рабочих. В Гельсингфорсе. Программу Центрального забастовочного комитета собрание дополнило пунктом, требовавшим немедленной отставки «приспешников бобриковской системы»¹⁴.

Таким образом, первая часть требований Центрального забастовочного комитета была следствием широкого социально-политического движения в Финляндии, тогда как требование отстранения Сената от власти, выдвигавшееся представителями всех без исключения партий и течений, отражало национальные стремления, движение за укрепление автономии княжества.

Генерал-губернатор И. М. Оболенский попытался урегулировать ситуацию. На следующий день 18 (31) октября он предложил Сенату обсудить вопрос о ходатайстве перед императором о распространении действия Манифеста 17 октября на Финляндию. Он пригласил к себе представителей двух различных политических партий – А. Р. Вреде и Даниельсона. Оболенский сказал, что он готов ходатайствовать о немедленном распространении и на Финляндию прав, дарованных русскому народу и полагает, что Сенат может выработать проект высочайшего манифеста¹⁵. На втором совещании по этому же вопросу вечером 18 (31) октября помимо Даниельсона и А. Р. Вреде присутствовали Л. Мехелин, Доннер, Гротенфельд, Ребгардт, Брандт. Оболенский просил представителей конституционалистов и старофиннов «указать на те меры,

которые, по их мнению, могли бы послужить к успокоению страны и к распространению на нее» начал Манифеста 17 октября¹⁶. 19 октября (1 ноября) старофинны заявили Оболенскому о том, что они попытались выработать совместную программу с конституционалистами, но это не удалось. При этом представитель старофиннов профессор Даниельсон отметил, что, «по их убеждению, в настоящее время одна только партия конституционалистов имеет возможность внести успокоение в крае». Таким образом, 19 октября (1 ноября) лидеры конституционалистов разработали проект манифеста. В него были включены пункты об отмене цензуры, о подготовке проекта о свободе печати, а также о замене в Великом княжестве чиновников русского происхождения уроженцами Финляндии.

В этот же день Оболенскому были представлены требования рабочих, активистов и социал-демократов, которые сводились к предоставлению свободы слова, печати, собраний, союзов и созыв учредительного собрания на основе всеобщего равного избирательного права для «разработки новой формы правления Финляндии»¹⁷.

Разработанная 19 октября (1 ноября) 1905 г. программа конституционалистов, автором которой был Л. Мехелин, была представлена Оболенским Николаю II. В своем рапорте императору он охарактеризовал конституционалистов как представителей наиболее консервативного крыла, «силою и авторитетом» которых «в настоящее время следует воспользоваться, с целью затормозить слишком быстро несущиеся передовые течения социалистов и демократов»¹⁸. Оболенский считал, что требования, выдвинутые конституционалистами, не противоречат духу Манифеста 17 октября. С целью привлечения влиятельной партии на сторону правительства, Оболенский просил Мехелина составить список будущего Сената.

До того как Мехелин представил Оболенскому программу конституционалистов, утром 19 октября (1 ноября) 1905 г. генерал-губернатор рассматривал вопрос о привлечении гарнизона Гельсингфорса для прекращения беспорядков. Командир и начальник штаба 22-го армейского корпуса на вопрос генерал-губернатора о том, может ли гарнизон справиться с населением

города, ответили, сил гарнизона недостаточно, чтобы заменить забастовавшую полицию и организовать патрулирование города войсками¹⁹.

Несмотря на то, что генерал-губернатору удавалось поддерживать контакты в конституционалистами и руководителем Национальной гвардии Коком, которые обеспечивали порядок в столице Финляндии, возникла угроза отправки в Гельсингфорс поездов с рабочими, которыми руководили социал-демократы из Або и Таммерфорса. Поэтому Оболенский и все русские чиновники, опасаясь начала вооруженных выступлений, переехали в Свеаборгскую крепость. После этого генерал-губернатор Оболенский отправил телеграмму в Кронштадт с просьбой об отправке в Гельсингфорс военной эскадры. 21 октября (3 ноября) на рейд Гельсингфорса прибыла эскадра составе двух броненосцев и одного крейсера. 22 октября (4 ноября) к ней присоединился еще один крейсер. По свидетельству Оболенского, приход эскадры был необходим, чтобы предотвратить угрозу вооруженного восстания и нападения на сухопутный гарнизон Гельсингфорса.

22 октября (4 ноября) 1905 г. в Гельсингфорсе был получен подписанный императором манифест и грамота о созыве чрезвычайного сейма. Проект манифеста был составлен статс-секретарем по делам Великого княжества Финляндского Константином Линдером и представлен через С. Ю. Витте императору²⁰. Содержание манифеста полностью отражало требования представителей партии конституционалистов, а текст документа был составлен при их непосредственном участии. Столь активное влияние конституционалистов стало возможным вследствие активных антиправительственных выступлений и всеобщей забастовки в княжестве в конце октября–начале ноября 1905 г.

Манифестом приостанавливалось действие основных положений манифеста 3 февраля 1899 г., а также отменялся ряд постановлений, изданных на основании этих правил. Вместе с манифестом была обнародована грамота императора об открытии чрезвычайного сейма 7 (20) декабря 1905 г. для рассмотрения проекта нового основного закона о народном представительстве

в Финляндии на началах всеобщего и равного избирательного права, с установлением ответственности местных правительственных органов перед народными представителями края.

Общественно-политические круги Великого княжества Финляндского по-разному отнеслись к появлению манифеста. Конституционалисты настаивали на прекращении забастовки и были готовы применить для этого силу²¹. 24 октября (6 ноября) в Таммерфорсе состоялся митинг, на котором решено было прекратить всеобщую забастовку. В этот же день 24 октября (6 ноября) императорский манифест был тождественно зачитан на митинге на Сенатской площади²².

Генерал-губернатор Оболенский ходатайствовал о своем уходе в отставку 13 ноября 1905 г. На его место Витте предложил кандидатуру члена Государственного совета Н. Н. Герарда. В своих воспоминаниях Витте отмечал, что он «совсем не знал Герарда и не имел с ним никаких личных отношений», а рекомендовал его только потому, что во время работы в царстве Польском по введению там общероссийской судебной системы Герард «оставил о себе в царстве Польском как у русских, так и у поляков, самую лучшую память»²³. Одна из финских газет писала: «...Витте предложил в генерал-губернаторы Финляндии тайного советника Герарда как лицо, наиболее удовлетворяющее финский народ. Это признается наилучшим и наиболее удовлетворительным разрешением финского вопроса. Герард почитается выдающимся юристом. Он умеренный либерал, и назначение его должно бы быть доказательством, что русское правительство желает дать финскому кризису такое разрешение, которое могло бы рассчитывать на общее одобрение»²⁴. Герард был назначен генерал-губернатором Великого княжества Финляндского 9 (22) ноября 1905 г., а 23 ноября (6) декабря прибыл в Гельсингфорс. Появление Герарда в качестве генерал-губернатора Финляндии было встречено с энтузиазмом²⁵.

К моменту прибытия Герарда в Финляндию был полностью изменен состав хозяйственного и судебного департаментов Финляндского сената. Ведущее положение в нем заняли представители партии конституционалистов. Основной задачей Герарда была стабилизация обстановки в княжестве. Для ее

выполнения он избрал путь максимального удовлетворения требований конституционалистов. Герард считал, что новый состав Императорского Финляндского сената пользуется большим авторитетом и является единственной силой, способной организовать управление княжеством. Герард отдавал себе отчет в том, что Сенат, в который вошли конституционалисты, имеет ярко выраженную партийную окраску, поэтому его требования преимущественно направлены на то, чтобы ослабить позиции старофиннов²⁶. В числе недостатков конституционалистского Сената Герард называл «чрезмерное политиканство и крайне националистическое направление»²⁷. Но при этом осенью 1905 г. он не видел другого пути стабилизации обстановки в Великом княжестве Финляндском, кроме максимально полного удовлетворения требований «шведоманов».

Приступив к исполнению своих обязанностей, Герард счел необходимым провести кардинальную смену губернаторов и других чиновников русского и частично финского происхождения. Герард инициировал смену 6 губернаторов русских и двух финнов. Смена губернаторов финнов была мотивирована их принадлежностью к старофинской партии, «высшие представители которой в лице сенаторов, – как отмечал позднее Герард, – заявили о том, что они не пользуются доверием страны»²⁸. Фактически Герард в ноябре 1905 г. был поставлен перед необходимостью пойти на удовлетворение требований конституционалистов и провести назначение новых губернаторов, согласуя кандидатуры с Сенатом и лично с Лео Мехелиным и Акселем Рабе Вреде²⁹. Параллельно были уволены русские чиновники в других органах управления в Финляндии. Самое большое число уволенных приходилось на долю полицейских и жандармов, а также железнодорожных служащих³⁰. Помимо замены чинов администрации, Сейм инициировал смену министра статс-секретаря. Герард поддержал мнение Сейма, и министром статс-секретарем по финляндским делам 24 января 1906 г. был назначен финн по национальности, генерал-майор Лангоф, бывший офицер русского генерального штаба. Впоследствии Герарда активно критиковали за эти действия в «Новом времени» и других газетах националистического

направления, но он считал, что эта мера была безусловно необходима для водворения порядка в крае, а возвращение русских чиновников после забастовки привело бы к ее возобновлению³¹.

События в Финляндии в октябре 1905 г. показали, что российская администрация оказалась не в состоянии урегулировать ситуацию в княжестве. Действия самодержавного правительства в отношении Великого княжества Финляндского оказались в полной зависимости от требований представителей партии конституционалистов, которые приняли непосредственное и самое активное участие в разработке императорского манифеста 22 октября (4 ноября) 1905 г. Кроме этого, на отношение Финляндии к Российской империи существенное влияние в конце XIX – начале XX в. оказывала влияние межпартийная борьба внутри княжества.

Примечания

¹ Толстой И. И. Мемуары графа И. И. Толстого. – М., 2002. – С. 150.

² Финляндская газета. – 1905. – 1 (14) янв.

³ ГАРФ. – Ф. 499. – Оп. 2. – Д. 27. – Л. 3–4.

⁴ Финляндская газета. – 1905. – 19 марта (1 апр.).

⁵ ГАРФ. – Ф. 499. – Оп. 2. – Д. 27. – Л. 4.

⁶ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. – СПб., 2003. – Т. 2. – С. 514.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. – С. 70.

¹⁰ Там же. – С. 70.

¹¹ Там же. – С. 539.

¹² В работе заседания принимали участие А. Нюрберг, В. Шауман, К. Ф. Игнациус, Ф. Рейн, В. Седергельм, Ф. Хомен, О. Ашан, О. Донер, П. Свинхувуд, и др.

¹³ Власова М. Н. Пролетариат Финляндии в годы первой русской революции (1905–1907). – Петрозаводск, 1961. – С. 80.

¹⁴ Там же. – С. 83–87.

¹⁵ Майков П. М. Финляндия. История и культура, ее прошедшее и настоящее. – СПб., 1911. – С. 535.

¹⁶ Революция 1905 г. и самодержавие: Сб. док. – М.; Л., 1928. – С. 144.

¹⁷ Там же. – С. 147.

¹⁸ Там же. – С. 148.

¹⁹ Там же. – С. 145.

²⁰ Из архива С. Ю. Витте... – С. 388.

²¹ Революция 1905 г. и самодержавие... – С. 157.

²² Финляндская газета. – 1905. – 26 окт. (8 нояб.).

²³ Из архива С. Ю. Витте... – С. 389.

²⁴ Там же. – С. 539.

²⁵ Там же.

²⁶ ГАРФ. – Ф. 499. – Оп. 2. – Д. 27. – Л. 21.

²⁷ ГАРФ. – Ф. 499. – Оп. 2. – Д. 27. – Л. 22.

²⁸ ГАРФ. – Ф. 499. – Оп. 2. – Д. 27. – Л. 18–19.

²⁹ ГАРФ. – Ф. 499. – Оп. 2. – Д. 27. – Л. 19.

³⁰ ГАРФ. – Ф. 499. – Оп. 2. – Д. 27. – Л. 19.

³¹ ГАРФ. – Ф. 499. – Оп. 2. – Д. 27. – Л. 19.

А. Н. Баранов

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОЖДЕСТВЕНСКОГО КЛУБА КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

На третьем съезде конституционно-демократической партии, проходившем 21–25 апреля 1906 г. накануне открытия I Государственной думы особо обращалось внимание на необходимость установления прочной живой связи народных избранников с народом, постоянных взаимных отношений между парламентом и нацией, что было особенно важно в такой стране, как Россия, где парламентский строй устанавливался впервые и где еще не существовало прочных гарантий неприкосновенности прав и привилегий самого народного представительства. Отмечалось, что не только на депутатах,

но и на всех членах партии, не участвующих непосредственно в парламентской деятельности, лежит несомненная обязанность поддержать и развить интерес народа к деятельности парламента.

Для осуществления этой задачи признавалось необходимым максимально широкое развитие партийной организации и создания таких органов, которые обеспечивали бы проникновение конституционно-демократических принципов в глубь народных масс. Подчеркивалось: «...[если кадеты] действительно демократическая партия, нам надо идти в народ; наши принципы ему не могут быть чужды; если мы будем искренни, если мы твердо и до конца захотим осуществить нашу программу, народ будет на нашей стороне. Мы не смогли бы и называться демократической партией, если бы не верили, что наша программа и наши руководящие принципы идут навстречу истинным народным нуждам и истинной народной воле»¹.

Член ЦК кадетской партии, историк А. А. Корнилов в своем докладе «О внепарламентской деятельности партии» среди главных задач внепарламентской деятельности кадетов назвал:

1) подготовку народа к сознательному участию в политических и муниципальных выборах, основанных на всеобщем избирательном праве, и к усвоению народными массами нашей программы и основанной на ней избирательной системы;

2) образование постоянной живой и деятельной связи между народными представителями, работающими в Думе, и населением страны. Следует организовывать и развивать кадры лекторов, ораторов и пропагандистов, устраивать везде в городах и деревнях клубы, кружки для политического самообразования, усилить издательскую деятельность².

Анализируя доклад А. А. Корнилова, председательствовавший на заседании съезда член ЦК партии юрист М. М. Винавер указал, что тезисы доклада сводятся к ряду предложений, в числе которых одним из наиболее интересных является об образовании «в интересах общения и единения на местах партийных клубов и т. п. учреждений»³.

Данное предложение вызвало оживленную дискуссию, в которой представитель г. Вильна Г. Д. Ромм отметил, что устройство клубов имеет огромное значение, поскольку они дадут

возможность обходить многочисленные стеснения администрации, а главное значение имеет образование народа, без чего партия существовать не может⁴.

Член комитета костромской группы кадетов Н. В. Голованов предположил, что устройство политических клубов в уездах окажется едва ли возможным и можно отчасти приспособить для этой цели чайные, снабдив их подходящими газетами⁵.

Учитель Майдановской ремесленной школы, председатель царско-майдановской группы кадетов Юрьевоцкого уезда Костромской губернии П. Е. Юницкий⁶ предложил резолюцию: «Для организационной и агитационной работы в деревне я, житель деревни, предлагаю на летний сезон следующий практический прием: всякий, желающий работать в деревне, пусть найдет точку отправления. На каждой завалине, под каждым окном, по окончании дневных работ, он может открыть и найти клуб»⁷.

В Санкт-Петербурге 25 апреля 1906 г. был открыт первый партийный политический клуб под названием «Клуб Народной Свободы» («Конституционно-Демократический Клуб»). Вопрос об учреждении политического клуба в Санкт-Петербурге поднимался давно, и особенно остро эта проблема возникла по окончании предвыборной кампании в I Государственную думу. В конце марта из состава Санкт-Петербургского комитета конституционно-демократической партии был выделен особый «комитет по устройству клуба»⁸, во главе которого встал князь Д. И. Бебутов. Данному комитету были предоставлены самые широкие полномочия с одним непременным условием – максимально ускорить открытие клуба, по возможности приурочив его ко дню открытия Государственной думы. Поскольку открытие клуба в регистрационном порядке (с правом юридического лица) было сопряжено со значительной потерей времени, было решено открыть клуб явочным порядком на основании временного правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г.

Градоначальнику Санкт-Петербурга 5 апреля 1906 г. профессором Н. И. Кареевым и гласным Санкт-Петербургской думы М. П. Федоровым было подано заявление об учреждении (на основании временных правил об обществах и союзах от 4 марта 1906 г.) общества под названием «Конституционно-

Демократический Клуб». Впоследствии клуб часто называли Рождественский клуб кадетской партии, поскольку он находился в д. 22 по 6-й Рождественской улице.

Учредителями был выработан четкий устав клуба:

1. «Конституционно-Демократический Клуб» имеет целью содействовать сближению его членов на почве совместного обсуждения общественно-политических вопросов путем устройства докладов, чтений и бесед.

2. Учредителями клуба считаются лица, подписавшие настоящее заявление.

3. Клуб учреждается для общения на вышеназванных началах членов его, проживающих в Санкт-Петербурге.

4. Делами клуба управляет избираемое общим собранием на срок не менее одного года из числа членов клуба правление, состоящее не менее, как из трех лиц. Состав первого правления определяется учредителями, а последующие общим собранием. Правление находится в Санкт-Петербурге в помещении, занимаемом для цели клуба.

5. Общее собрание состоит из членов клуба.

6. Лица, заявляющие о своем желании вступить в члены клуба, избираются до созыва первого общего собрания учредителями, а затем общим собранием, но не иначе, как по предложению правления.

7. Члены клуба, совершившие поступки, противоречащие нравственности, задачам и целям клуба, могут быть исключены из числа членов клуба, но не иначе, как по предложению не менее 10 членов, выносимому с согласия правления на разрешение общего собрания, в последнем случае решается не иначе, как большинством 2/3 голосов⁹.

Заявление, содержащее устав клуба, было подписано 25 лицами, ставшими учредителями клуба, в числе которых были видные представители Санкт-Петербургской либеральной интеллигенции и общественные деятели, – профессора Н. И. Кареев, В. М. Гессен, Э. Д. Grimm, П. Б. Струве, депутаты I Государственной думы И. И. Петрункевич, В. И. Родичев, гласные Санкт-Петербургской думы Н. П. Федоров, Е. И. Кедрин, князь Д. И. Бебутов и др.¹⁰

Всю дальнейшую работу по устройству клуба продолжил организационный комитет. В разного рода циркулярах и обращениях от лица организационного комитета по устройству клуба отмечалось, что выборы в Государственную думу повсеместно приходят к концу, и организованное конституционно-демократической партией общественное мнение страны посылает в Думу многочисленных сторонников. В то же время «избранием борцов за народную свободу отнюдь не исчерпывается деятельность лиц, их пославших, более, чем когда-либо, необходимо продолжать организацию общественного мнения для поддержания авторитета наших представителей в Думе»¹¹. С другой стороны, для того, чтобы члены кадетской партии в российском парламенте могли каждую минуту осознавать себя действительными представителями народа, истинными выразителями его желания и нужд, необходимо постоянное и живое общение между избирателями и избранными, между посылавшими и посланными, необходимо создание такого учреждения, где между членами Думы и членами партии мог бы происходить постоянный обмен мыслей, взглядов и желаний. «На Западе это достигается тем, что каждая организованная партия имеет свой партийный политический клуб»¹².

Поскольку кадетская партия, израсходовав большие суммы на предвыборную кампанию, не располагала свободными средствами, необходимыми для открытия партийно-политического клуба, образованный из членов конституционно-демократической партии организационный комитет по устройству клуба обратился к членам партии просьбой оказать посильную материальную помощь для учреждения клуба, необходимость которого «должна быть признана всяким, кто в деле достижения конечных задач партии “Народной свободы” не желает остановиться на полпути»¹³.

В короткое время были собраны значительные средства, было снято и обставлено помещение для клуба, и 25 апреля в нем смогла собраться для обсуждения насущных проблем парламентская фракция партии «Народной Свободы».

27 апреля 1906 г. – день открытия первого российского парламента – стал памятным днем и в истории Рождественского

клуба. Именно в «Клуб Народной Свободы» многотысячная толпа, провожавшая депутатов I Государственной думы из Таврического дворца, собралась на площади перед клубом. Обращаясь к собравшимся с балкона здания, депутаты сообщили, что в первом своем заседании Государственная дума постановила потребовать общеполитической амнистии. С этого дня «Конституционно-Демократический Клуб» становится признанным центром политической жизни и популярным в широких слоях населения. В течение нескольких последующих дней в члены клуба записалось свыше тысячи человек.

Первое собрание учредителей, состоявшееся 1 мая, избрало правление из состава учредителей. Председателем правления единогласно был избран князь Д. И. Бебутов. Отмечалось, что его «трудом и энергией клуб больше всего обязан скорым открытием»¹⁴. Кроме того, собрание учредителей единогласно постановило выразить князю Д. И. Бебутову глубокую благодарность и поместить его портрет в зале заседания правления. ЦК кадетской партии также постановил выразить благодарность князю Д. И. Бебутову как основателю первого в России партийного политического клуба, по образцу которого были открыты клубы в Москве и других городах. Собрание учредителей постановило принять в члены клуба всех желающих до 1 мая и выработало порядок принятия новых членов:

1. Никто не может быть членом клуба, не будучи членом партии «Народной Свободы».

2. Всякий член партии может быть членом клуба при условии рекомендации его двумя членами клуба.

3. Постоянные гости (на год и полгода) допускаются в клуб на тех же основаниях (кроме обязательной принадлежности к партии).

4. Разовые гости допускаются в клуб по рекомендации одного из находящихся в клубе его членов.

5. Принимаются без рекомендации членами клуба члены Государственной думы и Государственного совета, Конституционно-демократической партии и те члены партии, которые сделали пожертвования на устройство клуба; и гостями – члены Государственной думы других партий.

6. Представители печати допускаются беспрепятственно в клуб, если они состоят корреспондентами от газеты при Государственной думе или Совета, или если они аккредитованы редакцией в «Конституционно-Демократический Клуб»¹⁵.

Организацию первой серии докладов и бесед, прошедших в клубе, взял на себя ЦК Конституционно-демократической партии, предметом их обсуждения стали наиболее интересующих общество вопросы, связанные с общим ходом парламентской деятельности партии. Членам ЦК партии В. Д. Протопоповым, А. С. Ломшаковым и А. В. Тырковой было поручено организовать совместно с правлением клуба периодические доклады, лекции и беседы. Доклады было решено устраивать 3 раза в неделю для обсуждения стоящих на очереди вопросов в связи с деятельностью в Государственной думе парламентской фракции партии. Докладчиками, главным образом, выступали члены Государственной думы или Центрального комитета партии, как лица, стоявшие у начала парламентской деятельности партии. После докладов, как правило, проходил обмен мнениями по затронутым в докладе вопросам. Члены клуба и постоянные (годовые и полугодовые) гости имели право входа на эти доклады бесплатно, разовые гости допускались по рекомендации одного из находящихся в клубе членов. Плата взималась следующим образом: с членов партии и учащихся 20 копеек, со всех остальных – 50. Необходимо отметить, что рабочие с разрешения дежурного члена правления допускались в клуб бесплатно.

Финансы клуба содержались в порядке, и хорошим примером этого может служить представленная членам клуба кассовая отчетность за период с 30 марта по 27 октября 1906 года (табл. 1).

Неоплаченных счетов имелось на сумму 716.07 р. (Розенбергу за мебель – 316.07 и Сцесивцеву за белье – 400 р.). За освещение счет не предъявлен обществом «Гелеос». Ревизионная комиссия удостоверяет, что все записи в книгах согласны со счетами и оправдательными документами и что в кассе 27 октября 1906 г. показанная в балансе наличность в рублях (3 354.38) имелась полностью.

Члены ревизионной комиссии: М. Миланов, В. Штейнгер, Е. Маленберг¹⁶.

Таблица 1

Приход	Расход
Годовые члены – рубли 4 542.00	Служащие – 2 534.28
Полугодовые члены – 1 851.00	Квартира – 9 863.60
Гости годовые – 140.00	Права – 1 271.35
Гости полугодовые – 465.00	Инвентарь – 7 544.24
Разовые посетители – 897.00	Мясо и рыба – 1 668.60
Кухня и буфет – 4 053.15	Сухие продукты – 1 451.18
Добровольные взносы – 16 656.40	<i>Общий итог – 3 199.78</i>
Разные поступления – 1 242.01	Вино, пиво, воды и квас – 357.19
	Административные расходы – 638.93
	Разные расходы – 1 150.41
	Мелкие расходы – 12.40
	<i>В итоге – 1 162.81</i>
	Итого расход – 2 6492.18
	Кассовая наличность – 3 354.38
Баланс в рублях – 29 846.56	Баланс – 29 846.56

Несмотря на то, что учредители стремились перевести клуб на самоокупаемость, данная отчетность наглядно показывает, что более 50 % доходов клуба складывалось из добровольных взносов его членов.

«Кадетский клуб, – как подчеркивала член ЦК кадетской партии А. Тыркова-Вильямс, – пользовался большой популярностью. Русский человек любит поговорить, поспорить, послушать. Приятно было в клубе слушать элегантного Набокова, учиться тонкостям иностранной политики от Милюкова, загораться от вспышек Родичева. Переживалось то расширяющее мысль и чувство общение с единомышленниками, которое составляет одну из приманок политической жизни и общественной деятельности»¹⁷. В клубах рядовые кадеты могли встречаться с лидерами партии, и это общение приносило пользу обеим сторонам.

Двери Рождественского клуба были открыты не только для кадетов, но и для представителей других политических партий России. В клубе часто устраивали публичные собрания, вход на которые был открыт для любого, кто купит билет. Правые появлялись редко, а чаще приходили социалисты, которым было трудно получить от полиции разрешение на собрание, и они «пользовались кадетскими митингами, чтобы разоблачать кадетскую буржуазную сущность»¹⁸. Нередко это вводило

в заблуждение даже сотрудников департамента полиции. В записке отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице сообщалось, что из числа клубов Партии народной свободы, существующих в Санкт-Петербурге, наиболее серьезное внимание обращает на себя Рождественский клуб, «члены которого, судя по произносимым ими речам на собраниях членов клуба, принадлежат не к.-д., а к социал-демократам, а многие из них по имеющимся сведениям поддерживают тесные отношения с социалистами-революционерами»¹⁹. Отмечалось, что помещаемые в газетах отчеты о лекциях, докладах и рефератах, происходящих в помещении Рождественского клуба, не согласуются с действительностью. Примером служит напечатанный в газете «Речь» отчет о прочитанном 28 мая 1906 г. в помещении клуба В. В. Геренштамом докладе «Военные суды». В отчете не упомянуто о том, что оратор, говоря о террористических актах, сказал следующее: «Вспомните все эти акты – почти ни один из них не остался без последствий, почти после каждого такого убийства или покушения министры или губернаторы были вынуждены хотя бы на время действовать менее сурово и уменьшить свое насилие и свой произвол»²⁰. Особо подчеркивалось, что на этом же собрании во время чтения доклада собирались «пожертвования для преступных целей, в шапки деньги клали с воззваниями РСДРП, циркулировавшие среди собравшихся, а именно: 1) «на пропаганду среди солдат»; 2) «в пользу арестованных»; 3) «в пользу амнистированных»; 4) «в пользу безработных»; 5) «в пользу ссыльных»; 6) «в пользу железнодорожного союза» с воззванием от союза; 7) «в пользу военной организации» – тоже от РСДРП»²¹. В помещении клуба также производилась продажа нелегальной литературы (книг, брошюр, газет и воззваний, издаваемых с.-д. и с.-р.), также продавались газета «Казарма» и рекламация от РСДРП к солдатам л.гв. семеновского полка. На данный доклад была наложена резолюция министра внутренних дел: «Срочно обратить внимание градоначальника»²².

Особый интерес полиции вызывали собрания, на которых обсуждалось соотношение революционных и мирных форм борьбы. Так, на собрании 26 мая 1906 г. развернулась бурная

дискуссия по данному вопросу. Выступавший с позиции «Трудовой группы» студент Левин заявлял, что нет никаких шансов на то, чтобы можно было обойтись без революции. Только путем революции можно победить, она неизбежна и если даже Государственная дума сможет дать какой-либо положительный эффект, то это все равно не поможет, поскольку этого будет недостаточно, а уступки правительства будут незначительными, потому что правительство не уничтожит само себя. Конституционные демократы только отодвигают революцию, так как полагают, что она не победит.

Аргументы возражавшего ему А. Р. Ледницкого сводились к следующим пунктам: во-первых, революция не только неизбежна, но она уже существует; во-вторых, конституционные демократы революции не боятся; в-третьих, идти к поставленной цели необходимо планомерно, поскольку «там, где начинается и кончается революция, – там тоже начинается анархия, которая может вызвать опять тот же старый режим. Революция не цель, а только средство»²³. Депутат I Государственной думы Н. А. Гредескул также доказывал, что прежде революционных необходимо использовать все мирные средства.

К сожалению, необходимо отметить, что царская полиция значительную часть информации о клубе получала практически из первых уст, так как после Февральской революции 1917 года выяснилось, что князь, чиновник Департамента уделов министерства императорского двора, бывший председателем правления клуба, Д. И. Бебутов был секретным агентом полиции. Он пожертвовал на устройство клуба 10 000 рублей, что было значительной по тем временам суммой. После революции выяснилось, что эти деньги дала охранка, чтобы ввести Д. И. Бебутова в кадетские верхи. Он был уверен, что за такой щедрый дар его выберут в ЦК, но этого не случилось. «Его хвастовство, по мнению А. В. Тырковой-Вильямс, его политическое фанфаронство, необразованность, глупость совсем не подходили к стилю нашего комитета»²⁴. Д. И. Бебутов прославился еще тем, что, когда член I Государственной думы адвокат Е. И. Кедрин, исполняя наказ выборгского воззвания, отказался платить налоги, и суд постановил продать с аукциона

его мебель, первую пущенную в продажу вещь купил Д. И. Бебутов. Он заплатил за дешевую деревянную пепельницу 1 000 рублей, что сразу покрыло всю сумму взыскания. Впоследствии в партии задавались вопросом: «Неужели и эту тысячу, истраченную ради выполнения выборгского воззвания, дала ему охранка?»²⁵ Когда его имя нашли в списках охранного отделения, Д. И. Бебутов сильно испугался, пробовал отбросить от себя обвинение, но документы были налицо. От страха его разбил паралич, и он вскоре умер. Это был редкий случай агента-провокатора в рядах конституционно-демократической партии.

По образцу Рождественского клуба клубы кадетской партии были открыты во всех районах Москвы, в большинстве районов Петербурга, Владимире, Саратове, Киеве, Одессе и многих других городах. Политические клубы кадетской партии приняли активное участие в агитационной кампании в Государственную думу. В клубах читались лекции, устраивались диспуты, проходили совещания, были созданы библиотеки-читальни и консультационные пункты по разного рода правовым и иным вопросам. Само создание клубов явилось комплексной формой не только пропаганды конституционно-демократических взглядов и агитации за кадетскую партию, но и средством политического просвещения народных масс, к чему активно стремились лидеры российской либеральной интеллигенции.

Примечания

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3-х т. Т.1. 1905–1907 гг. – М., 1997. – С. 269.

² Там же. – С. 270–271.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 275.

⁵ Там же. – С. 276.

⁶ П. Е. Юницкий был депутатом II Государственной Думы от Костромской губернии.

⁷ Съезды и конференции конституционно-демократической партии... – С.277.

⁸ ГАРФ. – Ф. 1771. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 6.

⁹ Там же. – Л. 4–5.

- ¹⁰ Там же. – Л. 5.
¹¹ Там же. – Л. 2.
¹² Там же.
¹³ Там же.
¹⁴ Там же. – Л. 7.
¹⁵ Там же. – Л. 7–8.
¹⁶ Там же. – Л. 11.
¹⁷ Тыркова-Вильямс А. Кадетская партия // Российские либералы: кадеты и октябристы. – М., 1996. – С. 204.
¹⁸ Там же.
¹⁹ ГАРФ. – Ф. 102. – ДП. ОО. 2отдел. – 1906. – Д. 642. – Л. 6.
²⁰ Там же.
²¹ Там же.
²² Там же.
²³ Там же. – Л. 1.
²⁴ Тыркова-Вильямс А. Указ. соч. – С. 203.
²⁵ Там же.

Л. Г. Павлов

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД
ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.
(ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)**

Целью данного исследования является освещение проблемы участия интеллигенции Западной Сибири в первой российской революции 1905–1907 гг. в исторической литературе. К интеллигенции, как особому социальному слою, автор относит всех лиц, занимающихся умственным трудом, в том числе и «полуинтеллигенцию», т. е. людей, не имеющих высшего образования, но в общественной деятельности связанных с интеллектуальным трудом. Географические рамки исследования обозначены территорией Западной Сибири, куда в начале XX в. входили Акмолинская область с административным центром в Омске, Томская губерния с административным центром в Томске и Тобольская губерния с административным центром в Тобольске.

Сведения о численности и размещении интеллигенции на территории Западной Сибири на начало первой российской революции дают работы таких исследователей, как И. Г. Мосиной и А. Е. Плотникова. По данным А. Е. Плотникова, в Западной Сибири численность интеллигенции составляла 19 835 человек или 56,15 % от общего количества интеллигенции в Сибири. Наибольшее количество интеллигенции по Западной Сибири было в Томской губернии – 96 00 человек¹.

Участие интеллигенции в событиях первой российской революции 1905–1907 гг. является одной из центральных тем в изучении общественного движения в Сибири начала XX в. В то же время данная тема в историографии интеллигенции Сибири в течение долгого времени оставалась почти не затронутой исследователями данного периода. В советской историографии Сибири до середины 1970-х гг. не было специальных работ, посвященных интеллигенции в целом, и участию ее в событиях первой русской революции в частности. Главная причина заключается в том, что в советской исторической науке сложилось в целом негативное отношение к интеллигенции, так как большая ее часть придерживалась либеральных взглядов и не разделяла позицию левых сил, прежде всего РСДРП. Поэтому, если в советской историографии до определенного времени и затрагивалась тема интеллигенции, то, как правило, исследования были по отдельным группам интеллигенции, принадлежавшим к низшим слоям российского общества, так называемой «полуинтеллигенции». В историографии проблемы интеллигенции в целом, и проблемы участия интеллигенции в событиях первой российской революции 1905–1907 гг. в частности, принято делить интеллигенцию на либеральную часть, с одной стороны, и демократическую – с другой.

В историографии проблемы участия интеллигенции Западной Сибири в первой российской революции можно определить следующий круг вопросов, поднимаемых исследователями. Во-первых, влияние политических сил на интеллигенцию Западной Сибири и определение политической платформы различных групп интеллигенции. Во-вторых, организационное оформление интеллигенции Западной Сибири в профессиональные союзы

и политические организации. Процесс организации интеллигенции Западной Сибири в профессиональные союзы характерен для начального этапа первой российской революции, так как большая часть интеллигенции Западной Сибири в начале первой русской революции, во-первых, еще не определилась со своими политическими предпочтениями, во-вторых, была организационно не оформленной. Данный вопрос был рассмотрен в работах А. Е. Плотникова, И. Г. Мосиной, Г. А. Порхунова, В. И. Зиновьевой. Данные о создании и деятельности профессиональных союзов интеллигенции Западной Сибири в годы первой русской революции присутствуют в исследованиях и других авторов. В-третьих, методы борьбы, которыми пользовалась интеллигенция Западной Сибири для реализации своих политических требований в первой российской революции и которые получили довольно широкое освещение в исторической литературе.

Рассмотрение именно этих вопросов авторами объясняется прежде всего той политической обстановкой, которая сложилась в Западной Сибири на начало революции 1905–1907 гг. Кроме того, значительная часть интеллигенции на начало революции еще не определилась со своими политическими предпочтениями, поэтому как левые, так и правые политические силы вели агитационную борьбу за привлечение в свои ряды этой части интеллигенции Западной Сибири. В то же время Манифест от 17 октября 1905 г. давал более широкое поле для политической деятельности, чем не преминула воспользоваться интеллигенция Западной Сибири. Революционные события в европейской части Российской империи всколыхнули передовую общественность Западной Сибири, к которой несомненно принадлежала и интеллигенция. Более того, многие авторы признавали ведущую роль интеллигенции в ходе первой российской революции. Естественно, что без досконального изучения вопросов, касающихся участия интеллигенции в первой российской революции, невозможно понять роли этого социального слоя в общественно-политическом движении.

На начальном этапе развития советской исторической науки (1920–1930-е гг.) исследования по данной проблеме носили, во-первых, мемуарный характер²; во-вторых, исследователи,

обращаясь к проблеме участия интеллигенции в первой российской революции, обычно изучали отдельные группы интеллигенции, которые восприняли идеи левых политических сил (в основном РСДРП) и принимали непосредственное участие в революционных событиях 1905–1907 гг. В дальнейшем за этой частью интеллигенции в советской историографии устойчиво закрепился термин «демократическая интеллигенция».

Следующий этап советской историографии интеллигенции Сибири (середина 1950-х – начало 1970-х гг.) ознаменовался появлением работ, посвященных участию интеллигенции в событиях 1905–1907 гг. Связано это прежде всего с тем, что стали появляться общероссийские научные труды, посвященные данной проблематике. Среди них следует выделить работы видных специалистов по российской интеллигенции начала XX в.: Л. К. Ермана, В. Р. Лейкиной-Свирской и др. В Западной Сибири также начинают появляться труды, посвященные участию отдельных групп интеллигенции в событиях 1905–1907 гг. Данные работы носили, в отличие от работ 1920–1930-х гг. научный подход, основанный на обработке фактического исторического материала.

Однако нужно отметить, что данные работы были посвящены участию в первой российской революции отдельных групп демократической интеллигенции, которая восприняла идеи большевиков. В частности, в многотомной «Истории Сибири» среди всех групп интеллигенции авторы затрагивают вопросы участия в революционных событиях студенчества. В то же время дается резко отрицательная оценка интеллигенции, придерживающейся либеральных взглядов и стоящей близко к позициям буржуазии. В частности, подвергнута критике деятельность «Союза Союзов». Среди работ этого периода следует выделить труды Д. И. Копылова, А. П. Панчунова, В. Поднивалова, где приводятся многочисленные свидетельства участия в революции 1905 г. учителя. Также большой интерес для изучения участия интеллигенции в революции 1905 г. представляет работа М. Матвеева «Студенты Томска в революционном движении», где рассматриваются вопросы участия студентов Томска в революционных событиях 1905–1907 гг.

«Большой размах революционной работы в городе [Томске. – *Л.П.*] в немалой степени определялся и наличием в городе высших учебных заведений, значительная часть студентов которых с большей или меньшей активностью участвовала в борьбе с самодержавием»³. В то же время автор явно переоценивает роль студентов в революционном движении, а также степень влияния на студенчество большевиков. Более поздние исследования, посвященные участию студентов и учащейся молодежи в целом, показывают, что на эту группу интеллигенции гораздо большее влияние имели эсеры.

В то же время данный период характеризуется отсутствием специальных работ, посвященных интеллигенции в целом. Связано это прежде всего с тем, что в советской исторической науке преобладало в целом негативное отношение к интеллигенции, которая, как считалось, препятствовала революции.

Большой вклад в изучение участия интеллигенции в первой русской революции внесли работы исследователей 1970–1980-х гг. Историография интеллигенции данного периода характеризуется новым подходом к изучению проблемы. Связано это прежде всего с тем, что появляются работы о буржуазии и буржуазных партиях, вследствие чего были затронуты вопросы, связанные с либеральной и буржуазной интеллигенцией, которые составляли значительную часть буржуазных партий. Здесь следует выделить работы И. Г. Мосиной, которая занималась разработкой проблемы буржуазии в Сибири начала XX в. В ее трудах были затронуты также вопросы отношения и участия буржуазной интеллигенции в первой русской революции. В своей монографии И. Г. Мосина показала отношение буржуазной интеллигенции к революции 1905 г., а также формы участия буржуазной интеллигенции в ходе первой русской революции⁴. И. Г. Мосина в своем исследовании⁵, касаясь вопроса об организационном оформлении интеллигенции, акцентирует свое внимание на возникновение и социальную структуру «Союза Союзов», так как именно это объединение профсоюзов в дальнейшем явилось одной из основ формирования кадетской партии в Сибири. В то же время слабо затронут процесс создания других профессиональных союзов либеральной

интеллигенции, вследствие чего не совсем ясна социальная структура либеральной интеллигенции.

Также в этой работе показана роль либеральной интеллигенции Западной Сибири в формировании партийных организаций. Либеральная интеллигенция была в основном ориентирована на Конституционно-демократическую партию, поэтому либеральная интеллигенция не только составила основу партии кадетов в Западной Сибири, но и явилась организатором отделений партии на местах⁶. В ноябре 1905 г. в Томске состоялось учредительное собрание губернской кадетской организации. В состав комитета вошли представители либеральной интеллигенции. В том же месяце оформилась кадетская организация в Тобольске.

Также либеральная интеллигенция приняла активное участие в формировании отделений партии «Союз 17 октября». В декабре 1905 года в Томске прошло учредительное собрание отдела партии октябристов. В бюро отдела вошли различные представители интеллигенции (врачи, профессора, чиновники, священник).

В целом к либеральной части интеллигенции можно отнести и областников. Проблемой участия областников в первой российской революции на данном этапе развития исторической науки занимались М. Г. Сесюнина, М. В. Шиловский, Л. А. Жадан. Ими были рассмотрены как формы участия областников в событиях революции 1905–1907 гг., так и сама деятельность областничества. Были затронуты и вопросы, касающиеся политической ориентации областников во время первой российской революции. Нужно отметить, что областники занимали активную гражданскую позицию и поэтому в либеральном движении Западной Сибири играли важную роль, хотя оценки авторов, даваемые областничеству, были прямо противоположными. Если М. Г. Сесюнина в своих работах дает резко отрицательную оценку областничеству в целом, выделяя «контрреволюционный» характер этой группы интеллигенции, то исследования М. В. Шиловского, наоборот, приписывают областничеству ведущую роль в либеральном движении в Сибири в начале XX в. Причина такого разнообразия мнений заключается, по-видимому, в том, что в 1980-е гг. меняется оценка деятельности различных групп интеллигенции, в том числе и областничества.

Также при изучении участия интеллигенции Западной Сибири в первой российской революции невозможно не уделить внимание вопросу об участии в революционных событиях политических ссыльных. Разработкой данной проблемы занимались Э. Ш. Хазиахметов, Л. К. Островский и другие авторы⁷. По свидетельству Э. Ш. Хазиахметова, доля интеллигенции среди политических ссыльных к началу 1906 г. составила 28,4 %⁸. Связано это было в основном с тем, что произошел значительный приток политических ссыльных, связанный с репрессиями царского правительства против участников революционных выступлений на европейской части Российской империи. В Сибири политические ссыльные составили одну из наиболее революционно настроенных групп интеллигенции. Об этом свидетельствуют многочисленные факты участия политических ссыльных в стачках, митингах, издания нелегальной литературы⁹. Объясняется это тем, что интеллигенция в составе политических ссыльных состояла в основном из представителей демократической интеллигенции (студенты, служащие, учащиеся), которые разделяли политические взгляды левых партий (эсеры и РСДРП).

В 1980-е гг. происходит нарастание интереса исследователей к проблеме интеллигенции в Сибири в начале XX в. вследствие того, что исследователи, обращаясь к проблеме участия интеллигенции в первой российской революции, поднимали вопросы участия тех групп, о которых раньше умалчивалось. В то же время давалась более объективная оценка участия интеллигенции в первой российской революции.

Проблема участия демократической интеллигенции в ходе первой российской революции поднималась в работах Г. А. Порхунова, А. Е. Плотникова. Исследователи к демократической интеллигенции причисляют такие социальные группы: студенты, врачи, учителя, учащаяся молодежь, почтово-телеграфные работники. Наиболее революционную часть демократической интеллигенции составляло студенчество. Сведения об участии учительства Сибири в первой русской революции содержатся и в работах, посвященных участию российского учительства в целом¹⁰.

Исследователи проблемы участия интеллигенции Западной Сибири в первой российской революции обращают внимание на усиление активности различных групп интеллигенции в период революционного подъема. Особенно это было характерно для левой и крайне правой части интеллигенции Западной Сибири. Но если для интеллигенции, расположенной на левом политическом фланге (имеются в виду представители демократической интеллигенции), это было усиление революционной деятельности, то для интеллигенции, находящейся на крайне правом политическом фланге и входящей большей своей частью в монархические и черносотенные организации (духовенство, чиновничество, военные), это было, наоборот, усиление противодействия развитию революции. Подтверждением этого служит волна погромов, прокатившаяся по городам Западной Сибири в октябре–декабре 1905 г.¹¹

В целом представители демократической интеллигенции активно участвовали в событиях первой российской революции. В исторической литературе данный факт объясняется тем, что на демократическую интеллигенцию большое влияние имели левые политические силы (эсеры и РСДРП). Методы влияния большевиков на демократическую интеллигенцию в годы первой русской революции рассмотрены в статье Г. А. Порхунова. Среди них можно выделить такие методы, как выступления большевиков на собраниях и митингах, создание профсоюзов среди интеллигенции Западной Сибири¹².

Демократическая интеллигенция приняла самое непосредственное участие во всероссийской октябрьской стачке. Выступления демократической интеллигенции в октябре–ноябре 1905 г. прокатились по всем крупным городам Западной Сибири¹³. Здесь особо следует выделить Томск, где революционные выступления демократической интеллигенции были особенно многочисленны. Студенты, учащаяся молодежь, учителя, почтово-телеграфные работники во время стачки наряду с экономическими требованиями предъявляли и политические. Во главе революционного движения демократической интеллигенции стояли организации эсеров и РСДРП. Причем на данном этапе революции социал-революционеры и РСДРП в Западной Сибири

выступали одним фронтом, и в этом исследователи видят причину того, что революционное движение интеллигенции приняло такой размах. В исследовании Г. А. Порхунова рассмотрены отношение демократических средних городских слоев населения к революционным событиям первой российской революции¹⁴. Также значительный интерес для изучения интеллигенции в первой русской революции имеют работы О. А. Харусь, где приведены данные об интеллигенции в октябристских и кадетских организациях в Сибири начала XX в. Таким образом, охватывался более широкий политический спектр интеллигенции.

Современный этап историографии Сибири характеризуется наличием, во-первых, специальных исследований об интеллигенции в целом, во-вторых, данные работы затрагивают более широкий круг вопросов, связанных с проблемой участия интеллигенции в революции 1905–1907 гг. Наконец, историография современного периода характеризуется разработкой вопросов участия в первой российской революции интеллигенции Западной Сибири, находящейся на различных политических флангах.

Здесь прежде всего хочется выделить работы А. Е. Плотникова, который, занимаясь проблемой интеллигенции Сибири в начале XX в., показал, что интеллигенция как особый социальный слой российского общества была представлена как на левом политическом фланге, так и входила в состав либеральных и буржуазных партий¹⁵. Исследователь представил полную картину создания и деятельности профсоюзов интеллигенции Западной Сибири в период первой русской революции¹⁶, в частности рассмотрел состав и деятельность томского отделения Академического союза – одного из первых профессиональных объединений российской интеллигенции. Автор выделяет либеральный характер данной организации, которая находилась под влиянием кадетов. Однако это не мешало профессорско-преподавательскому составу открыто выражать сочувствие освободительному движению¹⁷. Кроме того, автор приводит сведения о существовании в Томске и других профессиональных союзах интеллигенции, а также об их политической ориентации.

Проблемой участия в первой русской революции буржуазной интеллигенции занимается О. А. Харусь. Ею были рассмотрены вопросы политической деятельности буржуазной интеллигенции в годы первой русской революции, проблема политической ориентации буржуазной интеллигенции¹⁸. Наиболее полно идеология либеральной части интеллигенции Сибири изложена в работе «Либерализм в Сибири начала XX века». Либеральная интеллигенция выступала за конституционное устройство страны, где бы действовал принцип разделения властей, но монарх оставался во главе страны. Также в данной работе проведен сравнительный анализ политических программ главных либеральных партий, действующих в период первой российской революции на территории Западной Сибири, – кадетов и октябристов. Также в работах О. А. Харусь поднимается вопрос о численном составе интеллигенции в партийных организациях либерального характера. В апреле 1906 г. созданы отделы партий октябристов и кадетов в Омске. По данным О. А. Харусь, из 9 членов омского комитета партии кадетов 6 принадлежало буржуазным интеллигентам, из 10 членов томского комитета партии кадетов – 9. В целом по Сибири в составе кадетской партии было 177 буржуазных интеллигентов, что составляло 44,7 % от общего количества членов кадетской партии в Сибири¹⁹. Такая же картина наблюдалась и при организации отделений октябристской партии. Однако надо сразу отметить, что октябристы не пользовались поддержкой у населения Западной Сибири. И наоборот партия кадетов стала одной из наиболее влиятельных партий. По мнению О. А. Харусь²⁰, причиной такой ситуации могло стать то, что октябристы, являясь сторонниками консервативного либерализма, в своих программных документах недостаточно четко прописывали положения как по аграрному, так и по рабочему вопросам, старательно обходя острые моменты, например наделение крестьян землей, переселенческий вопрос и вопрос о 8-часовом рабочем дне, ограничиваясь лишь туманными формулировками. Кадеты, не боясь использовать в своей программе идеи неолиберализма, уделяли большое внимание насущным проблемам сибирского населения, выступая в том числе и за 8-часовой день, и за решение аграрного вопроса

в пользу сибирского крестьянства. Выборы в I и II Государственную думу показали, что программа кадетов пользовалась гораздо большей поддержкой населения Западной Сибири, нежели программа октябристов. В этот же период наметился отход части либеральной интеллигенции от партии октябристов, которая заняла явную проправительскую позицию.

По мнению большинства авторов, либеральная интеллигенция, исходя из стремления повысить свое влияние в массах, в целом поддержала забастовочное движение. Главным средством борьбы за массы либеральной интеллигенции на данном этапе стала широкая пропагандистская работа, выражавшаяся в публикациях статей, выступлениях на различного рода собраниях, дискуссиях на политические темы в учебных заведениях²¹.

В это же время поднимаются вопросы участия духовенства – интеллигенции, находящейся на крайне правом политическом фланге в общественном движении в начале XX в., которыми занимался А. П. Толочко. В своей работе он показал, какую политическую позицию занимало духовенство в начале XX в.²² Кроме того, в его работах рассмотрено участие духовенства в процессе создания крайне правых политических организаций, поскольку монархически настроенная часть интеллигенции сыграла важную роль в организации и формировании монархических и черносотенных организаций Западной Сибири. Рассмотрение социального состава монархических организаций позволяет выделить наиболее реакционную часть интеллигенции, куда входили священнослужители, представители чиновничества и военных. В ноябре 1906 г. в Томске организовано «Русское народное общество – за веру, царя и отечество» – монархическая организация, на базе которой впоследствии создан Томский губернский отдел Союза русского народа.

В литературе отмечается, что большое влияние на демократическую интеллигенцию Западной Сибири имели социал-революционеры. Особенно это было заметно в Томске, где на начало первой российской революции существовала единственная в Западной Сибири оформленная эсеровская организация. Вопрос о вхождении интеллигенции Западной Сибири в состав эсеров затронут в работе Н. П. Курускановой

«Эсеровские организации в Западной Сибири в период первой российской революции». По данным Н. П. Курускановой, значительную часть эсеровского подполья в городах во время первой российской революции составляли представители демократической интеллигенции. Естественно, что при таких условиях влияние эсеров на средние городские демократические слои населения было очень велико. Данный факт подтверждает в своем исследовании и Г. А. Порхунов²³. К концу 1905 г. количество оформленных эсеровских организаций в Западной Сибири достигло шести при общей численности членов в 150 человек. В крупных городах (Омске и Томске) действовали комитеты эсеров. Основу партии составляли представители мелкобуржуазной и демократической интеллигенции²⁴. К весне 1907 г. в состав томской организации ПСР входили 300 студентов и 75 учащихся. По мнению Н. П. Курускановой, приток в партию эсеров именно этой части интеллигенции объясняется тем, что молодежь больше интересовалась боевыми операциями эсеров, численность которых возросла на втором этапе революции, нежели собственно политическая программа эсеров²⁵.

Кроме эсеров, влияние на демократическую часть интеллигенции имели и социал-демократы. Об этом говорят многие исторические исследования, посвященные проблеме участия интеллигенции в первой русской революции. Банкет в Томске 18 января 1905 г., где собралась либеральная интеллигенция, был практически сорван из-за того, что на него пришли около 200 неприглашенных студентов и рабочих, требующих от собрания решительных действий, а не принятия резолюций. Данная акция прошла при непосредственном участии социал-демократов.

В заключение хочется остановиться на следующих моментах. Проблема участия интеллигенции Западной Сибири в первой российской революции нуждается в дальнейшем серьезном изучении. Прежде всего, это касается вопросов, связанных с участием в первой российской революции либеральной и буржуазной частей интеллигенции. Долгое время в советской историографии обходили вопросы участия данной части интеллигенции в первой российской революции. Только на

последнем этапе советской историографии (1970–1980-е гг.) появились серьезные исследования, посвященные участию данной части интеллигенции в событиях первой российской революции. В то же время авторы в этих работах оценивали участие либеральной и буржуазной интеллигенции исходя из ленинского взгляда на историю первой российской революции, где буржуазии, а также тем социальным группам, которые по политическим взглядам были к ней близки, в том числе либеральной и буржуазной интеллигенции, отводилась роль сил, противостоящих развитию революции.

В то же время в последние годы стали появляться работы, которые, отступая от ленинской концепции истории, имеют более объективный взгляд на участие в первой российской революции той или иной группы интеллигенции. При этом используются новые методологические подходы, основанные на объективном изучении фактического материала. Это прежде всего работы А. Е. Плотникова, О. А. Харусь и других авторов. При этом происходит переосмысление роли интеллигенции в событиях первой российской революции. Также обращают на себя внимание исследования по тем группам интеллигенции Западной Сибири, которые в советской историографии вообще не подвергались изучению. Прежде всего имеются в виду представители интеллигенции, которые находились на крайне правом политическом фланге (духовенство, военные, чиновничество). Исследования по этой части интеллигенции также нуждаются в более объективном освещении.

Примечания

¹ Плотников А. Е. Численность, состав, территориальное размещение интеллигенции Сибири // Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябристского периода. – Омск, 1990. – С. 102.

² На данный факт обращают внимание М. В. Шиловский в работе «Первая русская революция в Сибири» (Новосибирск, 1983) и А. В. Ремизов в статье «Советская историография 1920-х – середины 1930-х годов демократической интеллигенции Сибири в первой русской революции» (Омск, 1990).

³ Матвеев М. Студенты Сибири в революционном движении. – Томск, 1966. – С. 119.

⁴ Мосина И. Г. Формирование буржуазии Сибири в политическую силу. – Томск, 1978.

⁵ Мосина И. Г. Указ. соч. – С. 56.

⁶ В Сибири партия кадетов была известна под названием «Партия Народной Свободы».

⁷ Хазиахметов Э. Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. – Томск, 1978; Островский Л. К. Польские политические ссыльные в Сибири (сер. XIX в. – февраль 1917 года). – Новосибирск, 1987; Курусканов П. З. Ссыльные большевики в Сибири накануне и в годы первой русской революции (1904 – июнь 1907 гг.). – Томск, 1975.

⁸ Хазиахметов Э. Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. – Томск, 1978.

⁹ Там же. – С. 46–53.

¹⁰ Паничин Ф. Г. Учителство и революционное движение в России (XIX – нач. XX вв.). – М.: Педагогика, 1986.

¹¹ Толочко А. П. Хроника черносотенно-монархического движения в Сибири. 1905 – февраль 1907 гг. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. – Томск, 1994. – С. 49–51.

¹² Порхунов Г. А. Борьба большевиков Сибири против либерально-буржуазного влияния на демократическую интеллигенцию в годы первой российской революции (1905–1907 гг.) // Революция 1905–1907 гг. и борьба трудящихся Сибири против царизма. – Омск, 1985.

¹³ Плотников А. Е. Хроника выступлений учащихся средних учебных заведений Сибири в период первой российской революции // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. – Томск, 1994. – С. 65–66; Матвеев М. Студенты Сибири в революционном движении. – Томск, 1966. – С. 124–138; Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX века – начала XX века. – Новосибирск, 1995.

¹⁴ Порхунов Г. А. Городские демократические слои населения Сибири 1905–1917 гг. – Омск, 1993.

¹⁵ Плотников А. Е. Профессионально-политические союзы интеллигенции в Сибири в 1905–1907 гг. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Вып. 2. – Томск, 1995.

¹⁶ Плотников А. Е. Профессионально-политические союзы интеллигенции Сибири в 1905–1907 гг. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири 1895–1917 гг. – Томск, 1994.

¹⁷ Там же. – С. 105.

¹⁸ Харусь О. А. Либерализм в Сибири начала XX века. – Томск, 1996.

¹⁹ Харусь О. А. Сибирская буржуазная интеллигенция: опыт политической деятельности в годы первой российской революции // Интеллигенция в политической истории XX века. – Иваново, 1992.

²⁰ Харусь О. А. Либерализм в Сибири начала XX века. – Томск, 1996. – С. 184–188.

²¹ Харусь О. А. Сибирская буржуазная интеллигенция: опыт политической деятельности в годы первой российской революции // Интеллигенция в политической истории XX века. – Иваново, 1992. – С. 50.

²² Толочко А. П. Участие православного духовенства в черносотенно-монархических организациях в Сибири в начале XX века // Сибирь: XX век. Вып. 2. – Кемерово, 1999.

²³ Порхунув Г. А. Городские демократические слои населения Сибири. – Омск, 1993.

²⁴ Курусканова Н. П. приводит такие данные: в Томской организации ПСР в конце 1905 г. из 80 членов около половины составляли служащие, учителя, юристы, врачи, а остальную – студенты и учащиеся. В состав Омской организации ПСР в это же время входили служащие, несколько студентов и учащиеся (Курусканова Н. П. Эсеровские организации Западной Сибири в период первой российской революции (1905–1907 гг.). – Омск, 1995. – С. 54).

²⁵ Курусканова Н. П. Эсеровские организации Западной Сибири в период первой российской революции (1905–1907 гг.). – Омск, 1995. – С. 86.

И. А. Овсянников
ЭЛЕМЕНТЫ АНАРХИЗМА В ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ Я РОСЛАВЛЯ 1909–1912 гг.

Политическая жизнь Ярославля и губернии начала XX в., казалось бы, хорошо изучена. Однако по известным причинам в поле зрения советских историков и краеведов попали, главным образом, события и документы, касавшиеся деятельности РСДРП. Так, в сборнике «Ярославль. История города в документах и материалах» (Ярославль, 1990), Партия Социалистов-Революционеров упоминается всего 2 раза. Не освещались в исторической литературе и факты, свидетельствовавшие об анархистских настроениях, возникших среди рабочих, близких к социал-демократии в межреволюционные годы.

Анархистские тенденции, заметные в рабочем и революционном движении начала XX века, представляют собой интересную и относительно слабо изученную страницу политической истории России. Долгое время в отечественной историографии доминировали упрощенные взгляды и оценки, определявшие анархизм как сугубо «мелкобуржуазное», полукриминальное, не имеющее корней в пролетарских массах движение. Подобные характеристики, прямо восходящие к Сталину и Е. Ярославскому, и особенно ярко выраженные в работах советского историка Канева, базировались на одностороннем подборе фактов и были поставлены под сомнение новейшей историографией проблемы (В. Кривенький, А. Шубин, В. Ермаков и др.). По нашему мнению, куда более объективной представляется точка зрения, согласно которой анархизм, во всей гамме своих разновидностей, был проявлением крайних, экстремистских и утопических тенденций, характерных для демократических слоев российского общества в целом, включая рабочий класс. Этот вывод подтверждают как данные о социальном составе анархистских групп, приводимые современными исследователями, так и анализ архивных материалов, положенных в основу нашей работы, посвященной анархистским проявлениям в рабочем движении Ярославля межреволюционного периода.

В период 1905–1907 гг. анархическое движение в Ярославской губернии себя практически не проявило. Наиболее активны были социал-демократы и эсеры (к 26 ноября 1905 г. в Ярославле действовали боевые дружины ПСР – 67 человек, РСДРП – 80 человек, земская дружина – 32 человека, еврейская дружина – 25 человек, студенческая – 45 человек и дружина рабочих станции «Ярославль» – 40 человек¹.

Вместе с тем, участие в движении, по-видимому, принимали и отдельные анархо-коммунисты. Так, в 1908 г. во время ликвидации самарской федеративной группы анархистов-коммунистов в числе других ее членов был арестован рабочий-переплетчик Алексей Арсеньевич Степанов, служивший в 1905 г. при рабочей библиотеке на фабрике товарищества Ярославской Большой Мануфактуры и уволенный впоследствии за подлог. 21 марта 1909 г. в Самаре был обыскан и арестован анархо-коммунист Петр Афанасьевич Шаляпин, при котором было найдено зашифрованное письмо (его так и не удалось расшифровать) с адресом: «г. Рыбинск, губ. управ. 1й ст. Димитриевичу»². Поиски «Димитриевича» в Рыбинске результатов не дали, было установлено, что Шаляпин никогда не бывал в г. Рыбинске. Тогда же при обыске, сделанном у проживающей в Рыбинске «вдовы» Августы Михайловны Востоковой в тайнике обнаружены несколько брошюр, переплетенных в одну книгу, в том числе «сочинения Вольского [псевдоним печально известного анархиста В. Махайского. – *И. О.*] об анархизме, социализме и проч.»³. Тем не менее, 5 мая 1909 г. Ярославская охранка рапортует об отсутствии «во вверенном районе» (Ярославль, Рыбинск и Ростов) организаций и групп анархистов-коммунистов.

Элементы анархизма в Ярославле проявились в период, последовавший за спадом «революционной волны» в 1906–1907 гг. Данный этап развития социалистического движения ознаменовался своего рода «переоценкой ценностей», произошедшей тогда, когда рухнула вера в то, что «революция продолжается» и поражение лагеря левых стало очевидно. «Массы отходили от партий, а партии, как отпущенные воздушные шарики, взмывали в пустоту, уменьшаясь в размерах, но оставаясь в пределах видимости», – пишет, комментируя ситуацию того периода, О. В. Волобуев⁴.

Среди анархистов усиливаются как объединительные, так и сектантские настроения. При этом большинство анархистских лидеров находится либо на каторге и в ссылке, либо за границей. На фоне общего разгрома возникает ревизионистское течение, критически пересматривающее как «основы» кропоткинианства, так и организацию и практику анархо-коммунистов. Радикальной альтернативой коммунистической утопии П. Кропоткина становится анархо-индивидуализм (именно это направление проявило себя в Ярославле), ведущими русскими теоретиками которого были Алексей Алексеевич Боровой и Лев Черный (Турчанинов).

Взгляды Борового сформировались под влиянием идей Маркса, Ницше, Бакунина, Бергсона и Штирнера. Критикуя рационализм и позитивизм Кропоткина, его отрицание философского наследия идеализма. Боровой видел анархизм «романтическим учением, опирающимся на реалистическую тактику». Анархо-индивидуалисты настаивали на непримиримости «антиномии личного и общественного начал», т. е. отрицали общинный идеал традиционного анархизма. Вместе с тем, в отличие от божемного штирнерианства, провозглашавшего идеал абсолютного эгоизма, русские анархо-индивидуалисты восприняли более мягкий бакунинский коллективизм. На смену элитаризму в духе брюсовского «...никому не сочувствуй, сам же себя возлюби беспредельно...» приходит пролетарский синдикализм. Боровой пишет: «Если в плане отвлеченной мысли сильнейший удар по рационализму в наши дни был нанесен философией Бергсона, то в плане действительном сильнейшим врагом его стал синдикализм, сбросивший догматические путы партий и программ и от символики представительства перешедший к самостоятельному творчеству. <...> Первоначально стихийный, непосредственно выросший из жизни, синдикализм в наши дни становится сознательным классовым протестом против рационализма – против слепой веры в непогрешимость теоретического разума. <...> Синдикализм утверждает автономию личности, утверждает волю творческого и потому революционного класса. В синдикалисте живут рядом: «страстный индивидуализм», ревниво оберегающий свою свободу, и напряженное чувство «пролетарского права»⁵. Это

парадоксальное сочетание индивидуализма и ориентации на рабочее движение заметно в деятельности и социальном составе «Мякотинского кружка» в Ярославле.

Другой разновидностью анархо-индивидуализма стал «ассоциационный анархизм» Льва Черного, разработанный им в книге 1907 г. «Новое направление в анархизме». Ориентированный на труды зарубежных классиков: П.-Ж. Прудона, М. Штирнера, Б. Такера, анархо-ассоционизм также имел много общего с анархо-синдикализмом.

Особое место в спектре анархистских учений, получивших распространение в начале XX века, занимает непротивленческая религия Льва Толстого. Однако мы не будем подробно останавливаться на ее изложении, так как она, в отличие от других анархистских направлений, широко известна. Как пишет В. Д. Ермаков (ссылаясь на статистические данные и мемуарные источники), к 1908 г. анархическая активность фактически прекращается: «Исследователям о существовании анархистских групп в 1908–1914 годы практически ничего неизвестно»⁶. Однако тот же В. Д. Ермаков позволяет себе не согласиться с мнением В. В. Кривенького и других исследователей о «длительном, затяжном, многолетнем сне российских анархистов». Так или иначе, несомненен вывод о том, что межреволюционные годы были «темными» для русского анархического движения, оказавшегося полностью разгромленным и деморализованным. Именно к данному периоду относятся документы, касающиеся анархистских проявлений среди ярославских рабочих. В период 1908–1909 гг. возрождается организация РСДРП в Ярославле. Тогда же возникает так называемый Мякотинский кружок анархистов-индивидуалистов.

В 1906 г. активность Ярославских социал-демократов идет на спад, что было связано с репрессиями, предпринятыми против рабочих-революционеров в правление консервативного губернатора А. А. Римского-Корсакова⁷. Некоторое оживление партийной работы происходит через год, в январе 1908.

Согласно «Выпискам из дневников агентурных наблюдений за деятельностью РСДРП относительно съорганизования кружка “анархистов-индивидуалистов”» от 25 ноября 1909 г.,

«возвратившийся из ссылки Григорий Николаевич Мякотин, бывший с.д. стремится образовать кружок анархистов-индивидуалистов. Он имеет небольшую библиотеку с книгами преимущественно анархистского направления, довольно ценными и получает из-за границы газету “Пролетарий” [незаконная газета большевиков, выходившая с 21 августа 1906 по 28 ноября 1909 гг. под редакцией В. И. Ленина. – *И. О.*]»⁸. Последнее обстоятельство представляется интересным, так как «Пролетарии» периодически печатались корреспонденции и статьи о положении дел в Ярославле⁹. Это свидетельствует о весьма близком сосуществовании ярославских «с.-д.» и «бывших с.-д.»-анархистов (приведенные ниже документы только подтверждают это). Возможно, при остром дефиците «интеллигентных сил» среди Ярославских социал-демократов (о чем пишет все тот же «Пролетарий» в мае 1908 г.), разница между большевиками и анархистами была не столь заметна.

О составе и намерениях новообразованного кружка полицейский агент Филин сообщает: «...попутно с образованием кружка предполагается увеличение библиотеки путем членских взносов в размере копеек 40 с человека. Предполагается на эти деньги выписывать наиболее ценные книги. С целью распропагандирования этого кружка Мякотин составил для отпечатывания на гектографе или типографским способом воззвание к рабочим. Не обладая никакими средствами, Мякотин добывает таковые у своих товарищей и знакомых и, конспирируясь, посещает их в качестве уличного продавца селедок. Летом 1909 года он побывал в Санкт-Петербурге, Москве и Нижнем Новгороде. Цель его поездок неизвестна»¹⁰. Полицейские наблюдения не дают нам прямых сведений о теоретических установках Мякотина и других членов кружка, однако, исходя из его явно пролетарской ориентации (намерение выпустить «воззвание к рабочим» и пр.), мы можем предположить, что это были взгляды, близкие к концепциям А. Борового и Льва Черного (см. выше).

Помимо самого Мякотина, большую роль в деятельности кружка играли братья Алексей и Павел Флягины (в 1909-м – 18-ти и 21 года), из крестьян Костромской губернии. По данным

наблюдения, именно на квартире Флягиных по Мышкинской улице происходили собрания кружка, в которых участвовали также «Федотов Иван, рабочий Свинцово-белильного завода Вахрамеева, из крестьян. Ранее «проходил по партии с.д.»; Иван Александрович Петров (20-ти лет), конторщик на Карзинкинской фабрике, «брат одного из убийц рабочего Павлова ...по делам отделения (Охранного. – *И. О.*) не проходил»; Павел Иванович Чистяков, бывший ткач. Привлекался к суду «за оскорбление Его Величества на митинге в 1905 году», отбывал ссылку в Архангельской губернии. «7 ноября 1909 года ... отправлен по месту приписки в г. Углич для учреждения особого полицейского надзора», однако, судя по всему, находился там недолго; Босаев (в других источниках – Басаев. – *И. О.*) Павел, рабочий Карзинкинской фабрики; Плотников (имя неизвестно), переписчик театральных ролей; Карцев (18–20-ти лет), рабочий»¹¹. В январе 1910 г. Г. Мякотин покидает Ярославль и поселяется в Костроме. Кружок, однако, не распадается (хотя его наименование больше не встречается в полицейской переписке). На первые роли теперь выдвигаются, по-видимому, Павел Флягин и Иван Федотов.

О роли братьев Флягиных в деятельности кружка стоит рассказать особо. В деле содержится информация о том, что «при ликвидации 18 октября 1908 года фабричной группы с. д. (Флягины) были обысканы без результатов»¹². На самом деле, при ликвидации социал-демократического кружка на Ярославской Большой Мануфактуре, 17-летний Алексей Флягин был не только обыскан, но и заключен в тюрьму, где пробыл около 10-ти дней. В донесении полицейского ротмистра Гривина (весьма тенденциозном, где кружковцы именуются не иначе, как «социал-демократы-фанатики») роль А. Флягина определяется так: «Флягин – представитель от кружка рабочих спичечной фабрики Дунаева для участия в собраниях представителей кружков фабричных организаций»¹³. Таким образом, семнадцатилетний Алексей Флягин уже выполнял достаточно ответственную партийную работу.

Старший Флягин, Павел также был скомпрометирован в результате повальных обысков в ночь на 18 октября 1908 г. В примечании к описи вещественных доказательств значится:

«В Охранном отделении оставлена конспиративная записка в конверте на имя Павла Флягина для разработки»¹⁴. Имя Павла Флягина не раз встречается в документах Охранного Отделения. Скупая полицейская переписка дает нам некоторые интересные данные о мировоззренческих исканиях рабочих-революционеров, а также ставит перед исследователем ряд загадок.

В ночь с 30-го апреля на 1 мая 1910 г. (т. е. уже после отъезда Мякотина из Ярославля), в целях предотвращения политических выступлений в городе, полиция провела обыски и аресты предполагаемых «смутьянов». При этом «указаний на существование между этими лицами партийной связи в Отделении не имелось»¹⁵, т. е. упреждающие действия полиции направлялись против потенциально опасных лиц. Из шести обысканных были арестованы (на три дня) лишь двое: – Павел Флягин и рабочий Иван Федотов (оба – члены Мякотинского кружка). Причем первый характеризуется следующим образом: «Принадлежал к социал-демократическому кружку рабочих Дунаевской спичечной фабрики, является наиболее активным партийным работником и сторонником забастовки»¹⁶. Данная фраза представляется довольно странной. Под партийной работой подразумевается, очевидно, работа в РСДРП. Однако о принадлежности к социал-демократическому кружку говорится в прошедшем времени, тем более что полиция Флягин был давно известен как член кружка анархистов-индивидуалистов. Объяснений подобным противоречиям может быть несколько: либо охранка не делала разницы между разными цветами и оттенками революционеров, либо различия в действительности были размыты. Последнее более вероятно, так как вряд ли догматические споры имели первостепенное значение в рабочей среде (за исключением, наверное, лидеров, подобных Мякотину и Флягину).

Характеристика Федотова: «На одной из массовок, имевших место праздниками пасхи на разливе р. Которостли, выступал в качестве оратора и в своей речи призывал рабочих сорганизоваться для выступлений «на борьбу» с правительством и капиталом»¹⁷.

Итак, мы видим, что даже после отъезда лидера кружка – Мякотина – деятельность его членов продолжается (вероятно,

в составе с.-д. групп). Не исключено, что Мякотинский кружок изначально представлял собою объединение крайних радикалов (рабочих-интеллигентов?), созданное в целях революционизирующего действия на массу, близкую эсдекам. Каковы же были взгляды П. Флягина и его товарищей? О том, что они значительно расходились с марксистской ортодоксией, свидетельствует опись изъятого при обыске в квартире Флягина по Спасской улице:

«1. Брошюра: “Рассказы из русской истории”...

2. Брошюра “Эрфуртская программа”...

3. Брошюра “Приветствие русскому народу от Кондратия Малеванного, основателя секты Малеванцев” [народная мистико-анархическая ересь, зародившаяся в 1889 г. в Киевской губернии. – *И. О.*]...

4. Брошюра “О самосовершенствовании и о сознании духовного начала”, Л. Толстой...

5. Брошюра “Будда” из “Круга чтения” Л. Н. ...

1. Брошюра “Против толстовцев и проч.” Л. Толстой...

2. Брошюра “Кровь”, Эмиль Золя...

3. Брошюра “Учение двенадцати апостолов”, перевод с греч. Толстого...

4. Брошюры (из серии) “Замечательные мыслители всех времен и народов”: “Разум” № 708, “Свобода” № 710, “Единение” № 709...

5. Брошюра А. Чер-н “У великого писателя” [вероятно, речь о Л. Н. Толстом. *И. О.*]...

6. Брошюра “Организация курсов для взрослых рабочих”, А. Г. Небольсин, СПб 1897...

7. Книга в переплете: “Сочинения Эркмана-Шатриена. т. 2”, издание Ф. Павленкова, СПб, 1898 г. – “История одного крестьянина” – 1 экз. с оттиском штемпеля “Народная библиотека А. Герцена при общ(естве) сод(ействия) нач(альному) обр(азованию) в Ярославле”... [Эркман-Шатриен – общее имя двух французских романистов-соавторов – Эмиля Эркмана и Александра Шатриена, писавших на социальные темы. В Герценовской библиотеке проходили собрания представителей фабричных кружков. – *И. О.*]

8. Брошюра “Христианское учение”, Л. Н. Толстой...

9. Брошюра “Избранные мысли Джона Рескина”, перевод Никифорова...

10. Книга: П.-Ж. Прудон “Что такое собственность?”...

11. Книга в переплете: Юлий Литтерт “История культуры”...»¹⁸.

Таким образом, мы видим в Павле Флягине молодого рабочего лидера, занятого интенсивным самообразованием, и, вероятно, просвещением своих товарищей (не случайна в его библиотеке «методическая» брошюра А. Г. Небольсина). В сфере интересов самоучки история, философия, сочинения французских социальных романистов, однако, наиболее выражена анархистская (прежде всего, толстовско-религиозная) тенденция. Впрочем, библиотечка могла быть унаследована Флягиным от Г. Мякотина и характеризует, скорее, его предпочтения. И здесь возникает новая проблема: как увязать толстовство с анархо-индивидуализмом (несмотря на ряд общих черт, это различные учения) и радикализмом Флягина? С другой стороны, все издания, взятые на квартире Флягина, легальные, а потому они вряд ли дают полное представление о степени революционности их владельца. Перечень книг, изъятых у Флягина – самый солидный как количественно, так и качественно. У других лиц, обысканных в ночь на 1 мая 1910 г., была найдена преимущественно социал-демократическая периодика, пропагандистские брошюры, открытки с изображением Карла Маркса, Горького, Марии Спиридоновой. Но культуртрегерская составляющая работы кружковцев, как мы увидим, все же не была для них основной.

Идеи непротивленчества, по-видимому, не пустили корней в среде молодых рабочих. Как иначе, объяснить следующее донесение, датированное 23 декабря 1912 года? «...Секретный сотрудник Шорный (сообщает, что) полтора года тому назад (т. е. летом 1911 года) имелось в виду ограбить купца [фабриканта-миллионера. – *И. О.*] Сорокина (проживающего на Рождественской улице). Был разработан план ограбления, но все распалось вследствие недостаточного числа вооруженных лиц, согласившихся принять в этом участие. Из числа последних в настоящее время в Ярославле проживают: Павел Флягин и Павел Басаев (рабочий на Табачной фабрике Вахрамеева),

остальные выбыли, как то: Иван Васильев Горшков [член Ярославской группы социалистов-революционеров-интеллигентов. – *И. О.*], Павел Иванов Чистяков...»¹⁹. Итак, мы видим, что в 1911 г., спустя два года после отъезда Мякотина, ядро членов основанного им кружка не только продолжает существовать, но и готовится к активным экстремистским действиям (в духе самого крайнего максимализма, но никак не умеренного толстовства). Однако почему Охранное отделение вернулось к рассмотрению агентурных данных полуторагодичной давности? Ответ на этот вопрос дает все тот же секретный сотрудник Шорный. 22 декабря 1912 г. он доносит «по начальству»: «В Ярославле вновь поселился некий Григорий Мякотин ... который из с.-д. сделался анархистом (индивидуалистом), по его словам в Ярославле имеется несколько человек его единомышленников...»²⁰. Вероятно, власти опасались, что с возвращением лидера кружка, деятельность «его единомышленников» снова активизируется.

Что же побудило молодых социал-демократов столь резко изменить свои убеждения? Вполне вероятно, что разгром фабричных организаций эсдеков в 1908 г. привел к радикализации взглядов тех из них, что остались на свободе (например, Флягины). Не зря же ротмистр Гривин, ссылаясь на анонимный источник, называет их «фанатиками». Сама анархо-ин дивидуалистическая доктрина, видимо, была привнесена вернувшимся из ссылки Мякотиним. Интересно, что именно в 1908 г. ссыльные анархисты под руководством Льва Черного (одного из теоретиков анархо-индивидуализма) организуют дерзкий массовый побег, сопровождавшийся «эксами», убийствами и даже четырехдневным захватом г. Туруханска. В результате большая часть беглецов была убита в перестрелке с карателями на р. Хатанга, а девять уцелевших предстали перед судом в Красноярске. Можно только предполагать, какой резонанс вызвали действия анархистов среди ссыльных революционеров (о том, насколько были встревожены власти, можно судить по масштабу предпринятых ужесточений). Нет ничего удивительного в том, что молодой ссыльный социал-демократ мог проникнуться мрачной героикой анархической авантюры, идеалами абсолютной свободы.

Идеологические пристрастия членов Мякотинского кружка были, скорее всего, эклектичными. Именуя себя анархо-индивидуалистами, они, несомненно, испытали влияние марксистского пролетариата, толстовской религиозности и анархистско-эсеровской доктрины «пропаганды действием». Таким образом, в настроениях ярославских рабочих-интеллигентов, видимо, отразились все популярные направления «антисистемной» мысли начала XX в. В практической деятельности это проявлялось, с одной стороны, как радикальное просвещенчество, а с другой - как сочетание синдикализма (Флягин – «сторонник забастовки») и терроризма (планировавшаяся экспроприация Сорокина). Так или иначе, факт брожения среди ярославских рабочих-социал-демократов в межреволюционные годы достаточно очевиден. Интересно, что в кружке состояли по большей части лица, имевшие ранее революционный опыт, притом представители нескольких крупнейших фабрик (Дунаевской, Вахрамеевской, Карзинкинской (ЯБМ), с некоторым преобладанием работников последней). Это были «осколки» разгромленных фабричных кружков эсдэков.

Г. Н. Мякотин, так же как и основная часть кружковцев, принадлежал к слою так называемой «рабочей интеллигенции». Характерно описание внешнего облика кружковцев: Мякотин «лет 25–26 [на самом деле – 21 год. – *И. О.*], роста выше среднего, худощавый, блондин, волосы на голове были курчавые, теперь коротко остриженные ... глаза подслеповатые, видит плохо, ходит не торопясь и не оглядываясь, лицо интеллигентное, обращающее на себя внимание по несоответствию с одеждой -самого простого рабочего – старое осеннее черное пальто или тужурка, валеные, а иногда и высокие сапоги и татарская под барашек шапочка»; Карцев «18–20-ти лет, небольшого роста, черненький, одет как интеллигент»²¹. К маргиналам в кружке Мякотина принадлежал, пожалуй, только переписчик театральных ролей Плотников, что опровергает расхожее (как в марксистской, так и народнической литературе) представление об анархо-индивидуализме как о сугубо эгоистическом, элитарном, асоциальном учении, присущем лишь артистической богеме (тот же В. Д. Ермаков некритически повторяет данный тезис: «Сторонников

у приверженцев абсолютной свободы было в России немного – в основном только в среде интеллигенции»).

Судьба Мякотинского кружка анархо-индивидуалистов после 1912 г. не вполне ясна. В дальнейшем имена Мякотина и П. И. Флягина встречаются уже в списках местной организации Партии социалистов-революционеров²². Это, однако, может не означать фактического распада группы или кардинальных изменений в мировоззрении ее членов. Дальнейшие сведения о деятельности анархистских групп на территории Ярославской губернии относятся уже к середине 1920-х гг.

Примечания

¹ Ярославль. История города в документах и материалах. – Ярославль, 1990. – С. 331–332.

² Государственный Архив Ярославской Области (ГАЯО). – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 99. – Ч. 1. – Л. 7.

³ ГАЯО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 99. Ч. 2. – Л. 18.

⁴ Большевики и большевизм // Под ред. В. Л. Телицына, С. В. Тютюкина, И. Х. Урилова. – М, 1998.

⁵ Цит. по сб. «Венок Алексею Боровому», издание группы им. А. Борового, М., б. г.

⁶ Ермаков В. Д. Анархистское движение в России: история и современность. – С.-Пб., 1997.

⁷ Об этом см.: В. М. Марасанова, Г. П. Федюк. Ярославские губернаторы. – Ярославль, 1998.

⁸ ГАЯО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 166. – Л. 5.

⁹ Ярославль, история города в документах и материалах. – Ярославль, 1990. – С. 369.

¹⁰ ГАЯО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 166. – Л. 20.

¹¹ Там же.

¹² Ярославль. История города в документах и материалах. – С. 354.

¹³ ГАЯО. – Ф. 912. Оп. 1. – Д. 82. – Л. 67.

¹⁴ ГАЯО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 82. – Л. 60.

¹⁵ ГАЯО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 229. – Л. 7.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАЯО – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 320. – Л. 10.

¹⁹ ГАЯО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 410. – Л. 6.

²⁰ ГАЯО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 405. – Л. 7.

²¹ ГАЯО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 166. – Л. 11.

²² ГАЯО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 246. – Л. 26.

Ю. Ю. Иерусалимский, Ю. В. Глазов

**ОБРАЗОВАНИЕ ЯРОСЛАВСКОГО НАРОДНОГО ФРОНТА –
ДВИЖЕНИЯ СОДЕЙСТВИЯ ПЕРЕСТРОЙКЕ В 1988 г.**

Вторая половина 1980-х гг. стала переломным моментом в жизни Советского Союза. Он стоял на пороге глобальных преобразований. Этому в немалой степени способствовало обострение внутренней ситуации, приведшее к социально-экономическому и политическому кризису.

Попытка реформ 1987–1990 гг., предпринятая руководством страны во главе с М. С. Горбачевым, не дала ожидаемых результатов. Уже в 1987 г., многим становилось ясно, что «горбачевский» курс на «ускорение» социально-экономического развития страны терпит крах и «кроме падения уровня общественного производства, еще большими темпами падал уровень жизни советского народа». Росло недовольство людей. Немалую роль в процессе нарастания протеста граждан сыграл ряд необоснованных мер, принятых правительством. Примером может служить антиалкогольная кампания, принесящая больше вреда, чем пользы. Все больший негативный резонанс в обществе вызывала продолжавшаяся война в Афганистане, льготы для номенклатуры. На этом фоне усиливается общественно-политическая активность населения. Роль «первой скрипки» начинает играть интеллигенция. Писатели, публицисты, журналисты требовали расширения демократических свобод.

Прогрессивно настроенные члены партии и беспартийные большие надежды возлагали на XIX Всесоюзную партийную конференцию. Они начали борьбу за то, чтобы не допустить решающего преобладания партократии и номенклатуры на этом партийном форуме. В разных городах страны порой стихийно,

а отчасти организованно стали возникать митинги по поводу выдвижения кандидатов на партконференцию. Подобные акции прошли в Москве, Ленинграде, Свердловске, Ярославле и ряде других городов.

Большинство исследователей в нашей стране и за рубежом считали, что общественно-политические движения в СССР зародились на ниве обострившейся в конце 1980-х гг. социально-экономической ситуации, осложненной политическим кризисом. Нашлись люди в стране, которые первыми открыто поддержали идею демократических преобразований. Был, наконец, преодолен «барьер молчания». Многие думали и надеялись, что от них зависит судьба страны. Не стал исключением и Ярославль, где общегосударственные проблемы, в их провинциальном преломлении, проявились особенно отчетливо. Сама не простая обстановка в области послужила образованию первого в РСФСР движению содействия перестройке – Народный фронт, а сплотившиеся вокруг него горожане, на митингах и дискуссиях, выражали свою оппозиционность существующей власти в лице ряда работников областного комитета КПСС, требуя положить конец бесконтрольному правлению партаппаратчиков всех рангов. Ярославцам была нужна конкретная цель, виновник всех бед. Им, вольно или невольно, оказался председатель Госкомитета по трудовым резервам СССР, до того времени – первый секретарь Ярославского обкома КПСС Ф. И. Лощенков. Большинство жителей города в это время объединило неприятие этой личности и всего, что было с ней связано, а появившаяся в газете «Правда», печатном органе ЦК КПСС, заметка работавшей в городской библиотеке им. И. А. Крылова А. П. Малыгиной – «Люди возмущены!» явилась поводом к проявлению недовольства ярославцев в организованной форме¹.

«В четверг, 2 июня 1988 г., я пришел на очередную тренировку, – вспоминал один из организаторов ЯНФ Евгений Анатольевич Ковалев, – в наш спортивный клуб, расположенный на речном дебаркадере на р. Которосль. Когда я переодевался в спортивную форму, ко мне подошел один из членов клуба и показал номер газеты «Правда». Эта информация вызвала удивление. Такого еще не бывало, чтобы подобная публикация появилась на страницах

главной газеты страны. Прекрасно помню, как мы стояли кружком в тренировочных костюмах, кедах, трусах и майках и обсуждали эту тему. Неожиданно Ирина Королева, инженер ярославской геологоразведки, предложила: «Слушайте, сколько это может продолжаться? Идет у нас перестройка или нет? Давайте, организуем демонстрацию!»². Следует отметить, что не у всех призыв к демонстрации вызвал единодушный отклик. Лишь после того, как Е. Ковалев определенно высказался в поддержку предложения И. Королевой, заявив, что готов принять участие в подготовке демонстрации, к нему присоединились Л. Семенова, А. Смирнов, Т. Мотова и некоторые другие. Так сформировалась инициативная группа, которая и занялась организацией митинга протеста против выдвижения делегатом на XIX конференцию КПСС от партийной организации Ярославской области Ф. И. Лощенкова.

Те, кто поддержал инициативу проведения демонстрации, разошлись по домам, где они рассказали своим друзьям и знакомым о задуманном мероприятии, предложив 4 июня 1988 г. собраться всем вместе, кто поддержит эту идею, на первое организационное собрание к памятнику Федору Волкову. Такая встреча состоялась, и первоначальный состав инициативной группы был несколько расширен. Появились новые люди, желающие принять самое непосредственное участие в организации акции.

Обсуждался вопрос, стоит ли вообще проводить демонстрацию или следует пока не поздно отказаться от достаточно рискованной затеи. Возможно, все бы так и закончилось простым обсуждением, но был подготовлен текст проекта обращения в мандатную комиссию партийной конференции с протестом против выдвижения Ф. И. Лощенкова и снятия его кандидатуры, а обсуждение собравшимися, которые вносили свои поправки и дополнения, окончательно склонило чашу весов в сторону того, чтобы попытаться задуманное довести до логического завершения. Инициативная группа приняла решение организовать сбор подписей под этим обращением. От проведения демонстрации было решено отказаться, так как на проведение подобной акции требовалось достаточно много

времени и серьезная подготовка. Вместо этого решили провести митинг протеста на Волжской набережной у памятника Н. А. Некрасову 8 июня 1988 г. Здесь же у памятника Ф. Волкову, был утвержден составленный Е. Ковалевым текст объявления о готовящемся мероприятии, который в дальнейшем был размножен, и активисты расклеили объявления по городу. Именно так в Ярославле начинали активизироваться силы, пытавшиеся играть свою роль в политической жизни региона. На данном этапе это была еще достаточно разрозненная масса людей, хотя уровень общественного сознания у отдельных граждан начинал возрастать. В обществе назревал гражданский взрыв, и первыми симптомами его можно считать то, что в Ярославле и ряде других городов в ответ на неудовлетворенность положением в социальной и экономической сферах, достаточно острой экологической ситуацией, наконец, руководством партийно-хозяйственного аппарата начинают организовываться митинги протеста, как это произошло в г. Ярославле 8 июня 1988 г. Для многих ярославцев эта дата запомнилась надолго. Именно тогда, у памятника Н. А. Некрасову на Волжской набережной, зародилось новое общественно-политическое неформальное движение, ставившее своей целью ускорение перестроечных процессов в нашей области.

7 июня в сквере у памятника Л. К. Трефолеву инициативная группа собралась на свое второе организационное собрание. К этому времени в Ярославле было проведено заседание партийно-хозяйственного актива города, которое поддержало решение пленума обкома КПСС о делегировании Ф. И. Лощенкова на конференцию. На партхозактиве сообщалось, что в городе появилось большое количество объявлений о готовящемся мероприятии, подписанные какой-то инициативной группой. Высказывалось мнение, что этим могут воспользоваться люди с экстремистскими и демагогическими настроениями. Партаппарат начинал принимать срочные меры по локализации данного мероприятия, например, оказывалось давление на студенчество через руководство вузов, на рядовых коммунистов через парткомы на предприятиях и в учреждениях Ярославля.

Поскольку на партхозактиве прозвучало, что инициативная группа действует негласно, было решено утром 8 июня 1988 г.

провести встречу в горисполкоме, чтобы получить разрешение на проведение митинга, указав программу и ответственных за его проведение. Для инициаторов оставался неясным главный вопрос, как следует себя вести и что делать, если разрешение на проведение акции не будет дано. Некоторые считали, что инициативная группа уже добилась своей цели, заставив обком срочно провести заседание партхозактива, который все-таки признал недостатки, допущенные во время выдвижения делегатов на партконференцию, и митинг проводить не стоит, так как возможны нежелательные последствия для организаторов. Полной неожиданностью для инициативной группы было то, что разрешение на проведение мероприятия горисполком дал.

После разрешения на проведение митинга, данного горисполкомом, ситуация круто изменилась. Митинг становился реальностью. За оставшиеся часы Е. Ковалев подготовил тезисы своего выступления. Официальные власти обещали помочь митингующим и звукоусиливающей аппаратурой, что и было, хоть и не сразу, сделано. 8 июня к назначенному часу люди стали стекаться к памятнику Н. А. Некрасову. Многие вначале шли просто из любопытства. Кого-то привлекала необычность предстоящего, кому-то хотелось, с точки зрения чисто профессионального интереса, посмотреть, как реализуют организаторы и участники митинга право на гласность. Кто-то, возможно, хотел посмотреть, как будут разгонять «экстремистов», к чему власти были готовы. Но все предосторожности оказались излишними. Никаких конфликтов, где бы потребовалось вмешательство милиции, не произошло. День был солнечным и теплым. Народ, празднично одетый, заполнял площадку перед памятником Н. А. Некрасову. Люди останавливались у чугунной ограды на набережной, переговариваясь между собой. Фотокорреспонденты устанавливали кино- и фотоаппаратуру. Присутствовали и официальные власти города. «К началу митинга я видел, что среди собравшихся было немало работников партийного, советского, комсомольского актива города, которые тоже, естественно, интересовались, как будет проходить митинг», – сообщал корреспондент областного радио³.

Начало митинга задерживалось. Обещанная машина с усилителем опаздывала, а выступать без микрофона перед тысячной толпой было практически невозможно. Среди собравшихся появились самодельные плакаты, на которых было написано: «Товарищ обком, мы хотим знать всю правду о выборах делегатов на партконференцию!», «Горбачев – Да! Лощенков – Нет!», «Обком не прав!», «Народ и партия – едины!», «Товарищ обком, мы за перестройку, а ты?», «Обком, перестройку начни с себя!», «Нет Лощенкову!», «Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах» и т. д. Обстановка постепенно накалялась и, чтобы избежать ненужных эксцессов, кто-то из офицеров милиции, командовавший оцеплением, дал организаторам мегафон и научил, как им пользоваться, а вскоре подошла и машина с усилителем.

Перед началом выступлений был проведен короткий опрос пришедших к памятнику Н. А. Некрасову, чтобы выявить мотивы, побудившие ярославцев и гостей города собраться в назначенное время. На вопрос «Скажите, что привело вас на митинг?» многие отвечали: «Узнали, что будет митинг. Читали в газете, было собрание и хочется услышать мнение инициативной группы. Вообще-то, разобраться во всех этих событиях». Видимо, не веря еще в реальность гласности, организаторы не просто волновались, а испытывали определенное чувство опасения. Заготовленные заранее транспаранты, украдкой передавали в передние ряды, чтобы потом показать их собравшимся. Происходившее напоминало игру с «нарушением правил» и невольно думалось, «как же далеко в людях загнана боязнь открыто высказать свое мнение». Так видел начало митинга главный редактор ярославского радио А. Разумов, поделившийся своими впечатлениями с земляками в информационном обозрении «День за днем», прозвучавшем после митинга.

Поскольку заранее утвержденного списка выступающих не было, то к микрофону подходили все, кто хотел выступить: историк Е. Ковалев, пенсионер А. К. Войнич, делегаты XIX Всесоюзной партийной конференции – слесарь В. Кузьменков, учитель Г. С. Лядова, учитель из Ростова Великого И. Черезова, поэты, члены союза писателей СССР В. Пономаренко

и И. Баринова. Все они тогда убежденно говорили о том, что перестройка назрела и, что они готовы были принять в ней самое активное участие. Это было выражением поистине широкого народного мнения, вспоминают участники и организаторы митинга. От имени инициативной группы И. Королевой было поручено зачитать обращение в мандатную комиссию Всесоюзной партконференции с протестом против выдвижения кандидатуры Ф. И. Лощенкова, под которым на митинге проводился сбор подписей. Г. Мельников сообщил собравшимся о планах создания в Ярославле движения содействия перестройке – народного фронта.

Митинг продолжался чуть более часа. Все выступавшие у памятника Н. А. Некрасову говорили о позиции обновления социализма. Они хотели устранения наиболее зримых и отталкивающих пороков командно-административной системы. Он ошеломил. Такого еще никогда не бывало. По призыву инициативной группы к памятнику Н. А. Некрасову пришли тысячи ярославцев. Митинг в Ярославле, послуживший началом образования ЯНФ, позволил собравшимся людям ощутить себя частицей общего важного дела. Призыв инициативной группы был воспринят ими как «исполнение общественной воли». Они были первыми, или вернее, одними из первых, кто пошел путем решительных действий. Их простые незамысловатые слова, импровизированные, но очень эмоциональные речи вызвали восторг и овации тысяч людей, собравшихся на митинг. Люди освобождались от чувства страха и безнадежности. На короткое время они ощутили свою значимость, услышали и сказали то, что им запрещалось говорить раньше. Некоторые авторы считали, что аппарат обкома партии с самого начала обозначил свою позицию как конфронтационную по отношению не только к инициативной группе, но и тысячам ярославцев. Скорее наоборот, это собравшиеся на митинг выбрали конфронтацию по отношению к представителям обкома КПСС, поэтому, как только к микрофону выходили его работники и начинали говорить, собравшиеся криками и свистом заставляли их ретироваться. Никто не хотел слушать «фальшивые» речи. По сути, эта позиция показывала разрыв ярославцев с партаппаратом.

На следующий день после митинга областная газета «Северный рабочий», орган областного комитета КПСС, охарактеризовала его ход так: «...обвинив бывшего первого секретаря обкома в крупных просчетах в социальном и экономическом развитии области, они выкрикивали лозунги или повторяли требования, которые были написаны на плакатах, принесенных инициативной группой и в их письме». Далее газета писала: «...увлекшись критикой, участники митинга оказывались не в состоянии слушать противоположное мнение»⁴. Собравшиеся не хотели слушать оппонентов еще и потому, что члены обкома сами не сумели подготовиться к дискуссии. Выходя к микрофону, они выглядели растерянными, не чувствовали аудитории, а когда встречали сопротивление собравшихся, просто уходили от микрофона. Весь смысл их выступлений сводился к тому, что избрание Ф. И. Лощенкова – правильное решение. Была и еще одна важная деталь – ни в речах выступавших, ни на плакатах не было ни одного слова против КПСС. На этот момент и в данной конкретной ситуации такого вопроса не ставилось. Не ставился вопрос и о многопартийности, а попытка в дальнейшем некоторых членов ЯНФ реорганизовать движение в нечто подобное какой-то партии и послужила одной из причин раскола в его рядах.

Данному митингу была присуща высокая степень организованности и дисциплины, определенная антибюрократическая завершенность. В отличие от традиционных юбилейно-коммунистических митинговых собраний, которые всегда страдали заорганизованностью и официозностью, митингу на Волжской набережной были присущи лучшие черты демократических митингов. Здесь ощущался непосредственный взрыв эмоций, живая заинтересованность собравшихся, радость от того? что можно было высказаться свободно, горячая вера в то, что общество можно изменить к лучшему.

Во всех выступлениях чувствовался пафос близкой победы, возможность обустроить жизнь на добрых, справедливых началах, ликвидировать бюрократическую систему, сам механизм ее функционирования, который создает условия для появления оторванных от народа чиновников, интересующихся прежде всего своими клановыми интересами. И осуществить этот шаг может

только сам народ вместе с партией. «Пока консервативные силы и бюрократия сильны, они тормозят перестройку... Все честные люди, которые хотят видеть свою страну красивой, истинно социалистической, где реально, на деле, а не на словах будет осуществлен принцип распределения по труду», – говорил на митинге 8 июня 1988 г. Е. Ковалев, выражая общее настроение собравшихся, о чем свидетельствовали бурные аплодисменты ярославцев.

Для любого начала коренных исторических переломов характерна некоторая наивность и идеализм инициаторов и сторонников перемен. Это проявилось и в начале создания ЯНФ на первом же митинге. Все зло собравшиеся видели лишь в некоторых личностях, против которых они выступали, а не в существовавшем политическом строе в целом. Все это четко показывают выступления И. Королевой, Е. Ковалева, И. Бариновой, и др., которые подвергали критике лишь местные партийные власти и органы, не задевая ЦК КПСС и всей командно-административной системы в целом. Цель акции была достигнута. Через 8 дней, 16 июня 1988 г., на пленуме обкома КПСС закрытым голосованием Ф. И. Лощенков был выведен из состава делегатов партконференции. Причем, если 21 мая за кандидатуру бывшего «первого» проголосовало 89 человек, при 12 против, то уже 16 июня «за» – 13, а «против» – 87 человек. Почему же так диаметрально изменилось настроение обкома? Почему 6 июня на собрании партхозактива области И. А. Толстоухов, сменивший Ф. И. Лощенкова на его посту, убеждал, что «...в тех недостатках, которые имеются, трудно обвинить одного человека. Ответственность за социальное и экономическое развитие области лежит на всей парторганизации», а 16 июня на пленуме обкома КПСС он уже сказал: «...люди прямо связывают имя тов. Лощенкова с годами застоя. Не считаться с мнением большинства партийных организаций, трудящихся области мы не можем. Ведь речь идет об авторитете обкома партии, всей областной партийной организации»⁵.

Митинг 8 июня 1988 г., организованный против кандидатуры Ф. И. Лощенкова, стал начальной и вместе с тем высшей точкой отсчета общего протеста, охватившего почти все слои

ярославцев. Руководители ЯНФ считали, что бывшему «первому» припомнили его «художества» в отношении к людям. Об этом особенно часто говорилось на митинге. Его обвинили в том, что многих талантливых людей он «съел» и «выжил» из области, а иных просто «загубил», ибо не терпел иного, отличного от своего мнения. «Суровый и в то же время поучительный урок Ярославскому обкому партии. Ведь лишь явной политической глухотой, оторванностью от масс, полным пренебрежением к общественным настроениям (да еще, пожалуй, верой в безотказность бюрократической машины), можно объяснить попытки избрать делегатом ярославщины на конференцию, призванную решать задачи революционного обновления человека, олицетворяющего в глазах населения области чванное самовластие, безвременье и застой», – писала газета «Правда».

Таким образом, исходя из анализа документов и материалов о начале становления общественно-политического неформального движения в Ярославле, можно с достаточной долей определенности сказать, что его (ЯНФ) возникновение, результат как чисто ярославских проблем, так и следствие той гласности, санкционированной сверху, поддерживаемой М. С. Горбачевым и его сторонниками в руководстве партии.

Несмотря на то, что деятельность Ярославского НФ строилась в основном на критике местных партийно-советско-хозяйственных органов, его значение выходит за рамки Ярославской области. Цели у ЯНФ, как и у большинства общественно-политических образований периода перестройки в СССР, были общие – обновление и реформирование социализма. Схожими были и другие черты: движения возникали стихийно и возглавляли их малоизвестные деятели, во всех случаях призывы к митингам, демонстрациям, протестам и, как правило, массовый отклик на них граждан свидетельствовали, что люди разных профессий, образования, возраста, социального положения были объединены желанием бороться с несправедливостью.

Митинги и дискуссии позволяли освободиться людям от страха и чувства безнадежности. Они, пусть и на короткое время,

отрешились от своей незаметности. Это был их «звездный час». Именно подобные акции в Ярославле, и особенно первый митинг на Волжской набережной, пробудили жителей областного центра от «политической спячки» и приобщили к политике. Именно здесь впервые открыто, при скоплении тысяч граждан, были предъявлены претензии к областному комитету партии, указаны недостатки и просчеты. Люди услышали и сказали то, что им не давали сказать раньше. Большинство ярославцев осознало, что вместе они могут противостоять диктату обкома и способны осуществить, как они тогда считали, все то, что называлось перестройкой.

Стремительно, всего за 16 дней, со 2 по 18 июня 1988 г., в г. Ярославле было создано одно из первых в России новое общественно-политическое неформальное движение, которое стало влиять на политическую жизнь в областном центре и, как показали дальнейшие события, открыло дорогу гражданским инициативам не только ярославцам, но и жителям городов РСФСР. **Ярославский народный фронт** оставил в истории страны свой заметный след. Исследование его деятельности дает возможность нынешнему поколению лучше использовать положительный опыт ЯНФ в деле упрочения и совершенствования демократии в России.

Примечания

¹ Малыгина А. П. Люди возмущены // Правда. – 1988. – 2 июня.

² Ковалев Е. А. Так создавался Ярославский Народный фронт. Документы и воспоминания. – Ярославль, 1997.

³ Шевчук В. Ф. Поведение личности: педагогические и психологические проблемы. – Ярославль, 1991.

⁴ Фонограмма информационного обозрения областного радио – День за днем // Архив Е. А. Ковалева.

⁵ См.: Северный рабочий. – 1988. – 11 июня.

РАЗДЕЛ II

Новые подходы в изучении «рабочей истории» в XX веке

А. В. Ушаков

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В МОСКВЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Рабочее движение в Москве перед российской революцией имело важное значение. В определенной мере благодаря ему Москва стала основным центром революционных событий в 1905 г.: московские рабочие накопили значительный опыт борьбы, получили боевую закалку, выросло их сознание и стремление вступить в решительную схватку с самодержавием.

Первую половину 1903 г. в Москве в рабочем движении наблюдалось некоторое затишье. «Искра» писала по этому поводу: «Быть может эта тишина перед бурей и в зловещем затишье в первопрестольной незримо, незаметно для тысяч шпионских глаз молчаливо идет молекулярный процесс переоценки ценностей самодержавия»¹. С начала второй половины 1903 г. в Москве начался новый подъем рабочего движения, вступившего в более высокую, чем прежде, фазу своего развития. Рабочие стали переходить ко всеобщим забастовкам под влиянием всеобщей стачки на юге России.

С начала 1903 г. МК РСДРП стал готовить политические выступления рабочих: министр внутренних дел В. К. Плеве писал, что московские «агитаторы занялись усиленно агитацией с целью устройства демонстрации с рабочими 19 февраля»². Однако массовые аресты членов московской организации сорвали ее³. Тогда МК РСДРП начал готовить первомайскую демонстрацию. Были получены воззвания «Искры» и Организационного комитета «1-ое мая» и «Ко всем рабочим и работницам России»⁴. Они были распространены на многих заводах и фабриках Москвы, расклеены на заборах и разбросаны на улицах (только за два дня полицейскими было подобрано 400 экземпляров этих прокламаций)⁵. Вечером 27 апреля первомайские листовки были сброшены в Новом и Малом театрах с галерок и подобраны публикой⁶. 1 мая удалось провести небольшую демонстрацию. В этот день колонна рабочих завода «Динамо» двинулась по улицам с революционными песнями и направилась останавливать завод «Бари»⁷.

© Ушаков А. В., 2005

В 1903 г. московские социал-демократы приступили и к организации политических стачек на предприятиях. Наиболее крупной из них была забастовка в начале июля на заводе Бромлей. Министр внутренних дел в своем отчете писал, что в Москве социал-демократы решили «воспользоваться разногласиями, происшедшими по экономическим причинам на названной фабрике (заводе Бромлей. – А. У.) между администрацией и рабочими, для устройства забастовки политического характера»⁸. Начальник московской охранки также доносил в Департамент полиции, что социал-демократы забастовке Бромлей придали «политическую окраску и демонстративный характер»⁹. На этом заводе имелся революционный кружок, в который входили рабочие Карелин, Денисов, Соколов, Мочалкин, Скорняков, Гродзь, Николаев и др. Они устраивали сходки, на которых читали «Искру» и другую нелегальную литературу. На этих собраниях был обсужден план забастовки и выработаны требования к хозяевам: 1) уничтожить штрафы; 2) при оплате субботний 9-ти часовой день считать за 10-ти часовой; 3) удалить директора; 4) уплатить за дни забастовки¹⁰. Прокламации с этими требованиями были отпечатаны московской социал-демократической организацией и распространены на заводе¹¹. 1 июля забастовали все 1 170 рабочих завода¹². Забастовка проходила исключительно организованно. «Искра» писала: «Дисциплина во все время стачки была превосходной»¹³. Это подтверждали и полицейские чиновники¹⁴. Рабочие проявляли исключительную стойкость и, несмотря на убеждения и уговоры, на работу не становилось¹⁵. Регулярно каждый день утром они приходили на завод и, не приступая к работе, садились на трубы и уходили домой только в конце рабочего дня¹⁶. Как значится в обвинительном акте о руководителях забастовки, «они все время забастовки ходили в толпе рабочих и подговаривали их настаивать на своих требованиях»¹⁷. Среди бастующих распространялись гектографированные прокламации политического характера, которые печатались московской социал-демократической организацией. В одной из них рабочие призывались «стойко продолжать начатое движение рабочего освобождения»¹⁸. «Будем без каких бы то ни было отступлений, –

говорилось в листовке, – дружно совершать натиск на двух наших смертельных врагов: царско-жандармское самодержавие и капитал»¹⁹. В прокламации разъяснялось рабочим, что только экономическая борьба недостаточна, так как в России «нет политической свободы, нет свободы стачек, союзов, свободы слова, нет свободы борьбы за материальное и духовное благосостояние рабочего класса». Поэтому необходимо, прежде всего, вести борьбу политическую. В другом воззвании рабочим разъяснялся смысл закона о штрафах, и они призывались стойко отстаивать свои требования. В прокламации указывалось, что «единственная сила – в сознании своих классовых интересов, единственный залог успеха – в единении, солидарности»²⁰. Среди бастующих рабочих также распространялась «Искра», антиправительственные стихотворения и другая нелегальная литература²¹.

Во время забастовки систематически устраивались политические сходки рабочих завода. Они происходили на Воробьевых горах, Татарском кладбище и в Антигофской роще. Там произносились антиправительственные речи. Полицмейстер Новиков доносил в охранку, что рабочих «сбивают какие-то студенты, появляющиеся в разных местах сборищ рабочих»²².

Опасаясь, что стачка перекинется на другие предприятия, московские власти приказали установить тщательное наблюдение за заводами, фабриками, площадями, улицами, чайными и трактирами²³.

5 июля на завод Бромлей был послан полицейский отряд в составе 12 помощников приставов, 42 околоточных надзирателей и 272 городских. В ночь на 6 июля были арестованы 11 руководителей забастовки. У них были найдены экземпляры «Искры», а также большое количество другой нелегальной литературы²⁴. Полиции было дано распоряжение, что все городские и околоточные надзиратели 1-го и 2-го Серпуховского участка должны «быть наготове по первому требованию»²⁵. Территория завода Бромлей и его окрестности были наводнены полицейскими. Рабочим было объявлено, что они должны получить расчет и наниматься на прежних условиях. 7 июля рабочие брали расчет, во время которого их выстроили в 4 ряда, и между ними расставили полицейских. 8 июля на заводе началась работа, но из 1 170

рабочих к ней приступили лишь 720 человек. 11 человек были арестованы, 41 – уволен, остальные 398 продолжали сопротивляться²⁶.

В конце июня 1903 г. произошла хорошо подготовленная общая забастовка на заводе Густав Лист. 27 июня все 480 рабочих прекратили работу и потребовали отменить штрафы и уволить заведующего Ехальского²⁷. Его рабочие ненавидели за то, что он поощрял их избиение и систематически снижал расценки²⁸. Вечером того же дня администрация согласилась выполнить требования рабочих, а 28 июня они приступили к работе²⁹. Как видно из сообщения помощника начальника московского жандармского управления, эта забастовка, как и стачка на заводе Бромлей, носила очень организованный характер. Рабочие завода Густав Лист «хвалились перед рабочими завода Бромлей» результатами, достигнутыми при забастовке³⁰.

Летом 1903 г. произошли волнения и на других московских предприятиях: на Резиновой мануфактуре, фабрике жестяных изделий Бонакер, Барановской мануфактуре и др.³¹. Рабочие Резиновой мануфактуры потребовали увеличения заработной платы. Тогда администрация выработала более высокие расценки, а от рабочих потребовала дать подписку в том, что они согласны с ними. Однако рабочие подписаться отказались, требуя еще более высокой оплаты. В дело вмешались московские власти, предлагая хозяевам мануфактуры уволить «зачинщиков». В ответ на это рабочие сделали между собой подписку, что, если кого-либо уволят, всем взять расчет³². Правление мануфактуры было очень обеспокоено создавшимся положением. Член правления Товарищества Резиновой мануфактуры О. И. Карвовский заявил на собрании правления, что «достаточно было бы одного неловкого шага, чтобы вызвать общую забастовку или вообще тяжелые осложнения». Он говорил: «Приняв во внимание обстоятельства, при которых возникла история, когда весь юг охвачен серьезным рабочим движением и в самой Москве не везде спокойно, укажем хотя бы волнения на фабрике Бромлей и Барановской мануфактуре, что имеем дело с явлением немаловажным, с которым следует считаться»³³.

В сентябре 1903 г. под влиянием всеобщей политической забастовки на юге России произошла всеобщая стачка печатников Москвы.

Брожение среди них, так же и аналогичное движение рабочих Одессы, началось благодаря действиям зубатовцев, которые хотели придать ему мирный, законный характер. Однако, как и на юге России, в Москве борьба рабочих переросла зубатовские рамки и приняла характер открытого выступления пролетариата.

В июле 1903 г. зубатовские агенты М. Бирюков и А. Медведев по поручению охранного отделения приступили к созданию Общества взаимопомощи среди рабочих московских типографий. Был выработан его устав³⁴. Однако печатники с недоверием отнеслись к зубатовцам. М. Бирюков говорил, что «пришлось разбивать те сомнения в действиях деятелей организованных рабочих господ Афанасьева и Слепова, что будто они служат в охранном отделении агентами»³⁵. Собрания типографских рабочих, на которых обсуждался вопрос о создании Общества взаимопомощи, устраивались в трактирах. Их передовые рабочие использовали для агитации в пользу всеобщей стачки. Тогда Д. Ф. Трепов запретил эти собрания³⁶. С середины августа начали проводиться нелегальные сходки за городом в Чухлинке, Перове, Кускове и в Дубовой роще в Останкино³⁷. На сходках было по 300–500 человек и обязательно должен был присутствовать хотя бы один представитель от каждой типографии³⁸. Руководство движением перешло от зубатовцев к передовым рабочим Ханскому, Кайловичу, Петрову, Иванову, Каирову, Поташову и др. Филеры доносили в охранку, что Поташов – «это человек, много начитавшийся по рабочему вопросу». При аресте рабочих руководителей была изъята нелегальная литература и прокламации, а также стихотворения и письма «тенденциозного содержания»³⁹. В письме, отобранном у Павлова, говорилось: «20 век правды не любит, везде одна ложь, возьми пример с великого писателя графа Л. Толстого, который из-за погони за правдой уже испытал нападки, как милого нашего правительства... Я не могу тебе передать на мерзавцев взяточников... жандармов... Разные бляхи с детства мне были противны... Забыл я тебя спросить насчет подлецов жандармов, как вы с ними поступили... не следовало им этого

поступка прощать... Как дела насчет заглаваемой революции...»⁴⁰.

Как доносил филер в охранное отделение, на сходках типографщиков присутствовали интеллигенты. Другой полицейский агент сообщал, что рабочие-печатники имели «связь со студентами»⁴¹. МК РСДРП выпустил воззвание к типографским рабочим⁴².

На сходке рабочие руководители призывали печатников последовать примеру рабочих на юге и объявить всеобщую стачку. Как сообщал агент охраны, рабочий Поташов «указывал на всеобщую забастовку как средство борьбы»⁴³. Наборщик Кайлович читал письма своего брата из Киева, в которых описывалась политическая забастовка там. Другой рабочий говорил, что «рабочие должны плотнее соединиться и предъявить требования хозяевам, как это сделано на юге России, где рабочий день сократили до 9 часов и увеличили заработную плату». По донесениям полиции, на сходках «читались резкие газетные известия о рабочих стачках на юге»⁴⁴.

Пытаясь сорвать забастовку, Бирюков и другие зубатовцы пытались убедить рабочих, что вместо стачки, которая «опасна», надо подать заявление фабричному инспектору и по истечении двух недель, если требования не будут удовлетворены, оставить работу. Впоследствии Бирюков говорил, что его рабочие не слушали, заявляя, что за две недели полиция успеет всех арестовать⁴⁵.

Было решено начать всеобщую стачку немедленно: прекратить работу 9 сентября в редакциях газет в 8 часов утра, а в остальных типографиях в 12 часов дня. При этом постановили «устроить поклевски: заходить в каждую мастерскую, фабрику и приглашать рабочих» к участию забастовке. Для этой цели было выделено 100 рабочих. Готовясь к забастовке, рабочие собрали в стачечный фонд 15 000 рублей⁴⁶. На сходках были выработаны требования к хозяевам типографии, озаглавленные «Желания наборщиков»:

1. Продолжительность работ днем – 9 часов, перерыв на обед 2 часа, ночью – 8 часов с перерывом на отдых 1 час. (Рабочий день в московских типографиях равнялся 11–14 часам).

2. Увеличить жалованье на 20 %.

3. Сдельная плата – 18 копеек за 1 000 букв.

4. Увеличить плату ученикам и не заставлять их исполнять другие работы, кроме тех, на которые они взяты: мыть полы и т. д.
5. При каждой типографии должен быть приемный покой.
6. Больные должны получать S заработка.
7. Не должно быть обыскиваний.
8. Обращение хозяина и управляющего должно быть вежливым.
9. Отменить штрафы за опоздания.
10. Сверхурочные работы должны допускаться не более двух часов и оплачиваться по 30 копеек за час.
11. Расценки и другие условия работы должны быть одинаковыми во всех типографиях.

В последнем пункте указывалось, что «никаких переговоров с отдельными хозяевами не будет и ответ должен быть дан в Обществу деятелей печатного дела за подписью господ владельцев и фабричного инспектора»⁴⁷.

Момент для забастовки был выбран самый удачный, так как в начале сезона типографии были завалены заказами⁴⁸.

Полиция, зная о подготовке забастовки, хотела сорвать ее, произведя 6 сентября многочисленные аресты печатников и затребовав от хозяев типографии подробные сведения о всех рабочих⁴⁹.

Несмотря на эти полицейские меры, согласно намеченного плана, 9 сентября началась забастовка типографщиков. Первыми бросили работу наборщики типографии Яковлева и пошли по другим типографиям, призывая своих товарищей присоединиться. К вечеру забастовка стала всеобщей. Прекратили работу 67 типографий и литографий с 15 000 рабочих⁵⁰. Хозяевам всех предприятий были вручены «Желания наборщиков». 10 и 11 сентября вышли только газеты «Русский листок», типография которого была оцеплена войсками, и «Московский листок», в типографию которого были наняты безработные с Хитрова Рынка. 12 сентября удалось выпустить «Московские ведомости» и «Русские ведомости»: в их типографиях работали солдаты. Несмотря на многочисленные аресты, забастовка продолжалась 6 дней вплоть до 15 сентября⁵¹. «Искра» отмечала: «Выдержка поразительная для русских рабочих»⁵².

В течение всех дней забастовки на улицах Москвы происходили демонстрации рабочих. Помимо типографщиков в них участвовали также рабочие других предприятий⁵³. «Искра» следующим образом описывала одну из этих демонстраций: «От памятника к противоположному концу Тверского бульвара стройными рядами идут типографские рабочие. К ним пристают новые и новые рабочие. И вся толпа в несколько колонн проходит на Никитский бульвар»⁵⁴. Автор перлюстрированного охранкой письма от 10 сентября писал, что в Москве происходят грандиозные демонстрации «на политической почве»⁵⁵. В. П. Ногин, вспоминая эти манифестации, писал, что они являлись «ласточкой широкого политического движения в Москве»⁵⁶. «Искра» отмечала исключительную солидарность и организованность московских наборщиков⁵⁷. Полиция предприняла все меры к тому, чтобы ликвидировать забастовку. Улицы и площади Москвы были наводнены войсками и сотни стачечников были арестованы⁵⁸. Однако забастовка продолжалась. Более того, с 10 сентября она начала перерастать во всеобщую московскую стачку. Министр внутренних дел В. К. Плеве писал, что московская социал-демократическая организация занялась агитацией «в целях устройства в Москве всеобщей забастовки»⁵⁹. Бастующие типографщики, как сообщали агенты в охранном отделении, призывали «всех других рабочих сделать забастовку» и с этой целью собирали вокруг себя сотни рабочих⁶⁰. 9 сентября на фабрику Генерального общества французской ваксы Жако пришли 5 наборщиков и убеждали ее рабочих бросить работу⁶¹. Тогда прекратили работу 47 рабочих типографского и печатного отделений этой фабрики. Затем оставили работу слесари, которые, как доносил старший фабричный инспектор в Департамент торговли и мануфактур, сказали, что, «хотят поддержать своих товарищей литографов»⁶². 20 сентября объявили забастовку 1 013 рабочих фабрики Жако. При этом они также заявили, что «бросают работу, потому что хотят поддержать забастовавших товарищей типографов»⁶³. Кроме того, они потребовали, чтобы рабочий день был сокращен с 11 до 10 часов, а в субботу равнялся 9 часам. Их требования были удовлетворены⁶⁴. Забастовка рабочих фабрики Жако продолжалась до 15 сентября, когда

к работе приступили типографские рабочие⁶⁵. 9 сентября забастовали рабочие многих переплетных мастерских⁶⁶. 9 и 10 сентября начались волнения на Прохоровской мануфактуре и среди рабочих конно-железных дорог⁶⁷. 13 сентября рабочие фабрики жестяных изделий Бонакер и ткачи Измайловской мануфактуры потребовали сокращения рабочего дня до 10 часов. Их требование немедленно было удовлетворено⁶⁸. Начались также волнения среди булочников, кондитеров и коробочников, решивших примкнуть к забастовке печатников⁶⁹. Волнения происходили на пуговичных фабриках Венцеля, Ронталлера и др.⁷⁰.

Московские власти, опасаясь всеобщей стачки в Москве, предложили хозяевам типографий пойти на уступки. На их экстренном собрании 11 сентября было принято решение сократить рабочий день до 10 часов и повысить сдельную плату до 18 копеек за 1 000 букв. Это постановление внесло раскол в ряды стачечников. Рабочие, работавшие сдельно, начали с 13 сентября становиться на работу⁷¹. Кроме того, полиция стала сотнями отправлять бастующих рабочих на родину. Только до 15 сентября печатники «работали почти все, но вяло»⁷². Прекращение забастовки типографщиков и спешные уступки хозяев привели к окончанию стачки на других предприятиях.

«Искра» называла всеобщую стачку типографских рабочих в Москве «выдающейся» и отмечала, что «стачка произвела огромное впечатление и считается безусловно удачной»⁷³. Эта забастовка в значительной степени способствовала росту солидарности и самосознания рабочих. Неизвестный автор перлюстрированного охранкой письма из Москвы 11 сентября писал: «Чем бы эта первая забастовка ни кончилась, важен тот факт, что у рабочих есть самосознание»⁷⁴. Один из агентов охраны доносил, что среди типографских рабочих «все более и более распространяются вольнодумные теории»⁷⁵.

Обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов писал московскому генерал-губернатору в ноябре 1903 г.: «Забастовкою среди типографских цехов, происходившей в первой половине сентября, воспользовались неблагонадежные элементы города Москвы с целью посредством пропаганды поднять вновь движение, доказывая, что мирным путем не достигнуть своей цели... Многие

рабочие, неудовлетворенные результатами бывшей забастовки, готовы следовать пагубным советам подпольных деятелей»⁷⁶. 20 сентября вновь забастовали рабочие типографии Мамонтова, 27 сентября – наборщики типографии Кушнерева, 30 сентября – рабочие типолитографии и фабрики конторских книг Преснякова⁷⁷.

В 1903 г. провалилась также политика «полицейского социализма». Она лишь способствовала втягиванию в борьбу широких масс отсталых рабочих и успехам революционной агитации. В начале 1903 г. правительство еще пыталось поддержать зубатовские общества. «Московскому обществу взаимопомощи рабочих в текстильном производстве» оно отпустило долгосрочную ссуду в 12 000 рублей⁷⁸. В апреле, будучи в Москве, царь с царицей приняли делегацию зубатовских агентов во главе с Афанасьевым и Слеповым. Они удостоились получить по пасхальному яйцу из царских рук, а министр внутренних дел В. К. Плеве похвалил Слепова за его статьи в «Московских ведомостях»⁷⁹. Однако всеобщая забастовка в Одессе в июле 1903 г., выросшая из зубатовского движения, и аналогичная стачка печатников в Москве чрезвычайно встревожили правительство. Оно поспешило убрать С. В. Зубатова, выслав его в августе 1903 г. из Петербурга, куда он вначале был призван, а затем через два месяца из Москвы. Зубатовские общества развалились. В «Обществе взаимопомощи рабочих в механическом производстве» в 1903 г. осталось только 260 человек, в чем сознавался сам председатель его Афанасьев⁸⁰. Не лучше обстояло дело и в других зубатовских обществах. Развалились также другие зубатовские общества. Московские газеты сообщали, что рабочие перестали брать товары в их лавках. В 1903 г. лавки потребительского общества рабочих механического производства принесли дохода 120 руб., в то время как в кассе не хватало 1 200 руб.⁸¹.

Рабочее движение в Москве продолжало оказывать большее влияние на рабочих Московской губернии. В своем политическом отчете начальник Московского губернского жандармского управления Шрамм писал, что близость столицы со значительным числом фабрик и заводов «растлеивает население и в политическом отношении: недовольство вообще, не определяя на что именно,

на экономическое ли исключительно положение, или же на существующий государственный и общественный строй с каждым годом все возрастает»⁸². Далее Шрамм отмечал, что среди фабрично-заводского населения губернии «вне всякого сомнения идет агитация, стремящаяся возбудить рабочих к забастовкам и беспорядкам, и в некоторых случаях агитация эта ведется на политической подкладке... и потому точно разграничить, где кончается политическое и начинается экономическое движение, весьма затруднительно»⁸³. Большую агитационную работу среди рабочих губернии продолжала вести московская социал-демократическая организация. Так, на Коломенском паравозостроительном заводе распространялась литература, привезенная из Москвы, с печатью Организационного комитета и МК РСДРП⁸⁴. Весной 1903 г. рабочий этого завода Соколов ездил в Москву к своему товарищу рабочему заводу Бромлей и привез от него в Коломну первомайские прокламации с призывом к демонстрации⁸⁵. Нелегальная литература распространялась московскими социал-демократами также на Богородско-Глуховской мануфактуре, тормозном заводе Пруде в Люберцах и т. д.⁸⁶.

Район развития рабочего движения в Московской губернии был весьма обширен. Происходили крупные забастовки во многих уездах губернии: Московском, Богородском, Дмитровском, Бронницком, Коломенском, Серпуховском, Звенигородском и Клинском⁸⁷.

В 1904 г. московская социал-демократическая организация продолжала активную агитационно-пропагандистскую работу среди рабочих. В типографии МК РСДРП печатались многочисленные прокламации. Они размножались также на гектографе и mimeографе.

В феврале–марте 1904 г. московский комитет выпустил ряд листовок, посвященных русско-японской войне («Кто виноват?», «К московским рабочим», «Ко всем рабочим города Москвы» и др.). В них указывалось на связь внешней политики правительства с внутренней политикой, рассчитанной на то, чтобы путем войны отвлечь внимание рабочего класса и всего народа от нарастающей революции⁸⁸. Рабочие призывались сплотиться вокруг социал-демократической партии. В одной прокламации говорилось:

«Пусть все честные люди, кому дороги истинные интересы русского народа, теперь вторично убедятся, что ...лишь революционная социал-демократия – носительница идеологии рабочего класса, представляет тот непоколебимый утес, о которой неизбежно разобьется корабль самодержавия. Пусть из конца в конец произнесется по России: Долой самодержавие! Долой войну! Да здравствует РСДРП!»⁸⁹.

Во время бакинской стачки в декабре 1904 г. московские социал-демократы призывали поддержать пролетариат Баку. В листовке МК РСДРП «всеобщая стачка в Баку» было сказано: «Товарищи! Газеты и письма принесли нам отрадное известие о стойкой единой борьбе, которую ведут бакинские рабочие за улучшение условий своего существования.

Рабочие всех национальностей (грузины, армяне, русские, татары) как один человек встали на защиту своих интересов, и капиталисты с правительством бессильны разъединить их, бессильны подавить их движение. Уже не в первый раз они устраивают всеобщую стачку»⁹⁰.

В 1904 г. в Москве, как и по всей стране, наблюдался спад рабочего движения. Он был вызван войной с Японией, когда патриотические настроения охватили значительную часть населения, в том числе рабочих, многим из которых казалось, что надо в первую очередь победить внешнего врага – японцев, а затем уже решать внутренние проблемы.

В Москве произошло лишь несколько стачек: в марте – в булочной Филиппова, в июле на машиностроительном заводе «Густав Лист», в октябре – на фабрике механической обработки дерева торгового дома «Шапошников, Челноков и К^о» и в ноябре – на фабрике военной амуниции, а также волнения на красильной фабрике Кузьмичевой⁹¹.

Наиболее крупной, продолжавшейся семь дней (1–7 июля), была стачка на заводе «Густав Лист». Причиной ее был перевод рабочих со сдельной работы на поденную. При этом их заработок понижался. Кроме того, рабочие были недовольны мастером, который был груб и бил мальчиков⁹².

Произошли стачки и в Московской губернии: на самоткацкой и прядильной фабрике в с. Спас-Сетунь (140 чел.), ткацко-

прядильной фабрике акционерного общества Московской текстильной мануфактуры в Серпухове (462 чел.), кирпичном заводе Воронина в Мытищах (140 человек) и на некоторых других предприятиях⁹³.

Примечания

- ¹ Искра. – 1903. – Март (№35).
- ² ГАРФ. – Ф. ДП. – Оп. 168. – Д. 35/903. – Л. 53.
- ³ ГАРФ. – Ф. ДП. – ОО. – Д. 5, ч 5 Д/1898. – Л. 18.
- ⁴ ГАРФ. – Ф. ДП. – 7 делопр. – Д. 1134/1903. – Л. 5.
- ⁵ ГАРФ. – Ф. Д.П. – Оп. 168. – Д. 35/1903. – Л. 129–129 об.
- ⁶ Искра. – 1903. – № 41.
- ⁷ См.: Большевистские подпольные маевки (в Москве и области): Сб. воспоминаний и док. – М., 1937. – С. 29.
- ⁸ ГАРФ. – Ф. ДП. – Оп. 168. – Д. 36/1903. – Л. 28–29.
- ⁹ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 392/903. – Л. 106–106 об.
- ¹⁰ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 392/903. – Л. 69–70, 71–72.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. – Л. 9, 22.
- ¹³ Искра. – 1903. – Август. – № 45.
- ¹⁴ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 392/903. – Л. 22 об, 100, 100 об.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: Искра. – 1903. – Август(№ 45).
- ¹⁷ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 392/903. – Л. 171.
- ¹⁸ Там же. – Л. 73.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. – Л. 71, 72, 74 об.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. – Л. 95–96.
- ²³ Там же. – Л. 100–101.
- ²⁴ Там же. – Л. 59, 65, 71, 72, 83.
- ²⁵ Там же. – Л. 45, 70, 70 об.
- ²⁶ Там же. – Л. 79, 88, 89, 103, 138.
- ²⁷ ГАРФ. – Ф. 299. – Д. 13. – Л. 336–337.
- ²⁸ ГАРФ. – Ф. 58. – Оп. 1. – Д. 190. – Л. 13–14 об.
- ²⁹ Там же. – Л. 164–164 об.
- ³⁰ Там же.

- ³¹ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 398/903. – Л. 47 об.; ЦГИАМ. Ф. 58. – Оп. 1. – Д. 190. – Л. 179.
- ³² Там же.
- ³³ ЦИАМ. – Ф. 752. – Оп. 1. – Д. 92/903. – Л. 64.
- ³⁴ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667, т. 2/903. – Л. 231, 7 263 об.
- ³⁵ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667/903, т. 5. – Л. 435.
- ³⁶ ГАРФ. – Ф. ДП. – Оп. 168. – Д. 36. – Л. 113–144 об.
- ³⁷ ГАРФ. – Ф. 63. Оп. 13. Д. 667 т. 2/903. Л. 242, 254.
- ³⁸ См.: Искра. – 1903. – Октябрь. – № 50.
- ³⁹ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667, т. 2/903. – Л. 13–14.
- ⁴⁰ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667/903, т. 5. – Л. 400–402.
- ⁴¹ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667/903, т. 2. – Л. 3.
- ⁴² ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13/903, т. 5. – Л. 40.
- ⁴³ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667/903, т. 2. – Л. 402 об.
- ⁴⁴ Там же. – Л. 242, 242 об., 254.
- ⁴⁵ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667/903, т. 5. – Л. 432 об., 433.
- ⁴⁶ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667/903 – Л. 37–38; Д. 667 т. 5. – Л. 37, 407, 432–433 об.
- ⁴⁷ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667/903. – Л. 117–118 об.
- ⁴⁸ См.: Искра. – 1903. Октябрь (№ 50).
- ⁴⁹ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667/903, т. 2. – Л. 13.
- ⁵⁰ См.: Искра. – 1903. Октябрь (№ 50).
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667/903. – Л. 115, 154–159, 215, 372.
- ⁵⁴ Искра. – 1903. Октябрь (№ 50).
- ⁵⁵ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667/903. – Л. 407.
- ⁵⁶ См.: Пролетарская революция. – 1915. – № 2/37/. – С. 205.
- ⁵⁷ См.: Искра. – 1903. – Октябрь (№ 50).
- ⁵⁸ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667/903, т. 5. – Л. 233 об., 298.
- ⁵⁹ ГАРФ. – Ф. ДП. – Оп. 168. – Д. 35. – Л. 137 об.
- ⁶⁰ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667. – Л. 338, 264, 265.
- ⁶¹ Там же. – Л. 364.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ ГАРФ. – Ф. 299. – Д. 13. – Л. 399–402.
- ⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667/903. – Л. 301–335.

⁶⁷ См.: Искра. – 1903. – Октябрь (№ 50).

⁶⁸ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 167, т. 2/903. – Л. 175; ЦГИАМ. – Ф. 17. – Оп. 77. – Д. 4848. – Л.3.

⁶⁹ ЦГИАМ. – Ф. 17. – Оп. 77. – Д. 4848. – Л. 3–4.

⁷⁰ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 167, т. 2/903. – Л. 209, 213, 214.

⁷¹ Искра. – 1903. – Октябрь (№ 50).

⁷² ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667, т. 2. – Л. 115, 120, 124, 158.

⁷³ Искра. – 1903. – Октябрь (№ 50).

⁷⁴ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667/903, т. 5. – Л. 407–407 об.

Курсив источника.

⁷⁵ Там же. – Л. 434 об.

⁷⁶ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 551/903. – Л. 39–39 об.

⁷⁷ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 667, т. 2/903. – Л. 169.

⁷⁸ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 1090, т. 3/901. – Л. 260.

⁷⁹ См.: Правительственный вестник. – 1903. – 11 апреля.

⁸⁰ ГАРФ. – Ф. 63. – Оп. 13. – Д. 1090/901. – Л. 38.

⁸¹ См.: Русский листок. – 1903. – 29 апреля.

⁸² ГАРФ. – Ф. ДП. 3 делопр. – Д. 1, ч. 52 л. А./903. – Л. 2 об.

⁸³ Там же. – Л.3.

⁸⁴ ГАРФ. – Ф. ДП. 7 делопр. – Д. 3013/1903. – Л. 8–9.

⁸⁵ Там же. – Л. 18.

⁸⁶ ЦИАМ. – Ф. 17. – Оп. 77. – Д. 4214. – Л. 3; Д. – 4696. – Л. 1.

⁸⁷ ГАРФ. – Ф. 58. – Оп. 1. – Д. 190. – Л. 159–166, 49, 74; Ф. 299. – Д. 13. – Л. 276–277; ЦГИАМ. – Ф. 16. – Оп. 91. – Д. 64. – Л. 40–46.

⁸⁸ См.: Полевой Ю. Из истории московской организации ВКП(б). /1894–1904 гг./. М.1947. С.111.

⁸⁹ Цит.: там же.

⁹⁰ Бакинская стачка: Сб. док. – М. 1940. – С. 48–49.

⁹¹ См.: Рабочее движение в России в 1901–1904 гг.: Сб. док. – Л. 1975. С. 512, 531, 534.

⁹² См.: там же. – С. 315–316.

⁹³ См.: там же. – С. 516, 524, 543.

А. Ю. Володин
ЖАЛОБА РАБОЧЕГО КАК ЯВЛЕНИЕ
ФАБРИЧНОЙ ЖИЗНИ*

Институт фабричной инспекции, созданный в 1882 г. для надзора за трудом малолетних, быстро развивался в своих функциях. После расширения юрисдикции инспектората на всю полноту взаимоотношений рабочих и предпринимателей в частновладельческих заведениях, постепенно на первый план в делах и мыслях фабричных инспекторов стала выходить посредническая деятельность. При исследовании посреднической деятельности фабричной инспекции необходимо выделить характерное явление, через призму которого возможно понять сущность как собственно этой деятельности, так и место инспектората в жизни русской фабрики. На наш взгляд, в фабрично-заводской жизни на рубеже XIX–XX вв. одним из узловых элементов взаимоотношений рабочих с предпринимателями, а, следовательно, и посреднической деятельности фабричной инспекции, было такое социальное явление как *жалоба рабочего фабричному инспектору*. Что же представляла собой жалоба?

Когда В. И. Ленин задался вопросом: «что такое штрафы?» – он пришел к следующему ответу: «Если спросить рабочего, знает ли он, что такое штрафы, то он, пожалуй, удивится такому вопросу. Как же ему не знать штрафов, когда постоянно приходится платить их? Об чем тут спрашивать? Но это только кажется, будто тут нечего спрашивать. А на самом деле большинство рабочих не имеет правильного понятия о штрафах»¹. Сходным образом обстояло дело и с жалобами рабочих.

За определением обратимся к многоопытному фабричному инспектору А. А. Микулину. «Все заявления, поступившие и рассмотренные инспекцией в течение года, как от заведующих, так и от рабочих, распределяются в отчетах на две категории – жалоб и просьб. К числу первых относятся заявления *о нарушении прав установленных законами*, а ко вторым заявления *о взаимных*

¹*Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-01-01388а).*

недоразумениях такого рода, которые действующими законами не регулируются, или хотя и регулируются, но не в порядке особого надзора со стороны инспекции, а путем предоставления потерпевшему права частного иска (курсив мой. – А. В.)»². Таким образом, жалоба является заявлением о нарушении законных прав, просьба же состоит в разрешении недоразумений фабричной жизни.

Несколько иначе, с точки зрения практики (а не с точки зрения отчетов), рассматривает разделение на жалобы и просьбы А. К. Клепиков. Так, к жалобам он относит «заявления, в которых содержатся указания на нарушение закона со стороны заведующего и на попрекание им прав рабочего, в которых следовательно рабочий прибегает к защите инспектора *для восстановления своих прав* (курсив мой. – А.В.)»³. В просьбах рабочий обращается к фабричному инспектору, потому что «ищет у него помощи для достижения той или иной цели, не указывая ни на какие нарушения»⁴. Исходя из приведенных определений, можно с достаточной степенью обоснованности ответить (причем исторически, а не лингвистически) на вопрос И. М. Пушкаревой о смысле понятий “требование”, “прошение”, “жалоба”, их значении в жизни отечественной фабрики⁵.

Следует учитывать, что подобное различие необходимо, прежде всего, для понимания статистического материала. Фабричные инспектора раздельно учитывали эти категории заявлений рабочих. Однако, такое разделение не помогает в работе с архивными фондами. И вот почему: «Сами рабочие, – как отмечает А. К. Клепиков, – не делают никакого различия между тем и другим видом заявлений; часто они являются с требованием того, на что у них нет никаких прав и, наоборот, иногда при заявлении, выраженном в виде просьбы, как будто даже с малой надеждой на успех, выясняются обстоятельства, которым носитель не придает никакого значения и которые представляют собою грубое нарушение существеннейших прав рабочего»⁶. Сказанное инспектором косвенно свидетельствует о слабо развитом правосознании рабочих конца XIX века, но уже жалобы 1905–1906 гг. покажут, что жалобщики будут придавать значение все более разнообразным поводам, чем прежде.

Попытаемся представить типичного жалобщика, т.е. рабочего, решившегося пойти или написать фабричному инспектору о казусах своей фабричной жизни. «Обращение рабочих к инспектору не есть проявление планомерных действий их, направленных к защите своих интересов. Благодаря незнакомству рабочих со своими правами, а главное, благодаря боязни репрессий со стороны фабричной администрации, обращения эти до сих пор более или менее случайны»⁷. Случайность жалоб исключительно важная характеристика. Решение написать жалобу инспектору приходило в голову рабочему часто только при увольнении или спьяну. Заявить о своих невзгодах многие, как видно, решались в экстренных ситуациях. Боязнь репрессий тоже не была выдумкой воображения. В так называемых “черных журналах”, где отмечались уволенные неблагонадежные фабричные рабочие, исследователи встречали отметки «за неправильную жалобу инспектору», «разочтен за поданную жалобу на г. директора»⁸. Иными словами, «все та же темнота, беспомощность и забитость рабочих резко выступают при жалобах и просьбах большинства их»⁹.

Фабричный инспектор А. К. Клепиков выводит следующее общее правило: «Рабочий, уволенный с фабрики, почти всегда идет к инспектору, хотя бы увольнение было произведено не только на законном основании, но и по вполне основательному поводу. Не найдя у инспектора поддержки по этому пункту, такой рабочий начинает припоминать все, чем был обижен на фабрике, а иногда и придумывать целые истории о существующих якобы на фабриках непорядках, желая так или иначе причинить неприятность уволившему его заведующему. В целях сорвать что-нибудь с фабрики, случаются даже подделки и подчистки в расчетных книжках и других документах, неопытные, наивные, резко бросающиеся в глаза»¹⁰. Следует отметить, что А. К. Клепиков сознательно подчеркивает: цель жалобы – именно сорвать с фабрики, т.е. выгадать по случаю, а не добиться чего-нибудь устойчивого. «Болезненное чувство вы испытываете, – пишет А. К. Клепиков, – когда ясно видите, что заявленная рабочим жалоба, даже резко выраженная, на непорядки, которые он терпел в течение долгого времени, является совершенно

случайной; что, сорвав с фабриканта сейчас, он в дальнейшем будет молчать по-прежнему и спокойно позволит нарушать свои права»¹¹. Утверждение А. К. Клепикова служит дополнительным доказательством, что жалоба во многом – явление, связанное с общественным мнением некоторой профессиональным сектором общества. Жалоба, если говорить в терминах Гарета Джоунса Стедмана, является артикуляцией социальных значений¹².

При этом, жалоба русского рабочего небыстрый ответ на противоправные действия, а скорее отместка за испытанные притеснения. Редкий рабочий набирался храбрости, чтобы, невзирая на “патерналистские” связи с управляющими, жаловаться на них. Заметим, также, что жаловались именно на людей, а не просто на нарушения или противоправные действия. «Герпит рабочий иной раз действительные нарушения своих прав, обиды и притеснения, молчит и примиряется с ними, *не желая подвергаться риску быть уволенным*, до тех пор, пока по тем или иным обстоятельствам не приходится ему оставить данную фабрику. Тогда он идет к инспектору и жалуется часто на то, что было несколько месяцев тому назад и что проверить не представляется уже возможным. Жалобы на заведующих, приносимые немедленно после допущения ими неправильных действий, *если эти жалобы не касаются увольнения*, бывают сравнительно редки (курсив мой. – А. В.)»¹³.

В. И. Ленин признавал за жалобой важную роль в общественной борьбе рабочих. «Рабочие должны показать, что они считают себя за таких же людей, как и фабриканты, и не намерены позволять обращаться с собой, как с безмолвным скотом. Поэтому рабочие должны поставить своей обязанностью не оставлять без жалобы ни одного случая неправильного наложения штрафа, – писал В. И. Ленин в брошюре “Объяснение закона о штрафах”, – предъявлять непременно требование о возвращении денег, – либо инспектору, либо, в случае отказа, суду. Пускай рабочие ничего не добьются ни от инспекторов, ни от суда, – все-таки их усилия не пропадут даром: они откроют глаза рабочим, покажут им, как относятся наши законы к правам рабочих»¹⁴. Таким образом, по мнению В. И. Ленина, жалоба должна была стать этапом в становлении самосознания рабочих,

через жалобу должно было прийти понимание их реального положения в России.

Действительно, расследование жалоб, а тем более, положительное решение в пользу рабочих было сложным делом. А. К. Клепиков пишет: «Обращаясь к инспектору, рабочие, как я указывал и раньше, страшно переоценивают его значение; они ждут от инспектора окончательного решения своего дела, а читатель уже знает, что инспектор может разбирать дела только в примирительном порядке. При нежелании заведующего исполнить требование инспектора, хотя бы законность и основательность этого требования не подлежала никакому сомнению, рабочему ничего не остается, как обратиться для защиты интересов к суду. Выясняется, например, совершенно незаконное увольнение рабочего, инспектор предлагает заведующему оставить рабочего на фабрике или выдать плату по срокам найма; заведующий может отказаться исполнить это требование. Обсчитали рабочего, не выдают ему причитающейся платы, заведующий, признав даже правильность заключения и требования инспектора, может все же по тем или другим соображениям оставить рабочего без удовлетворения. К счастью, – добавляет А. К. Клепиков, – такие случаи отказа бывают не часты, и у рабочих создается уверенность, что стоит только инспектору приказать и заведующий обязан выполнить его требование»¹⁵.

Уверенность рабочих не разделяют критики отечественного законодательства. Так, М. Г. Лунц полагает, что «Фабричный инспектор, считавшийся многим понаслышке истинным другом и защитником рабочих, в ужасных условиях русской действительности становится лишь проводником политических интересов правящих и невольным, молчаливым свидетелем безграничной эксплуатации труда капиталом. О защите рабочих против капитала вы не найдете ни одного прямого указания ни в законе, ни в наказах. И если фабричные инспектора становятся иногда на сторону рабочих, если они таким образом выполняют истинные обязанности инспекции труда, то это происходит помимо закона и его вдохновителей, под тяжелыми впечатлениями фабричной жизни, гнетущими душу и ум фабричного инспектора

и будящими в нем инстинктивную потребность встать на защиту попорченной справедливости»¹⁶.

Следует признать, что еще со времен инспекторства И. И. Янжула многие проблемы рабочих разрешались обходным путем – либо административным давлением, либо поиском нарушений каких-либо формальностей. «Не имея никакой власти по закону... (с 1894 г. появилась законная, но только “примирительная” власть.– А. В.), я,– вспоминает И. И. Янжул,– не имел и права делать какие-либо замечания хозяевам или угрожать ответственностью, чтобы я ни видел и ни слышал от рабочих, которые обращались ко мне с жалобами, часто справедливыми. Я ограничивался только одним: “Я, при свидании, расскажу князю Владимиру Андреевичу Долгорукову или генералу Александру Александровичу Козлову, что видел у Вас, а затем делайте сами, как знаете!” Обыкновенно было этого достаточно, как я проверял повторными посещениями, чтобы замеченное мною безобразие было действительно устранено или, по крайней мере, смягчено»¹⁷.

А. А. Микулин, фабричный инспектор с большим стажем, открыто заявляет: «Если при расследовании жалоб и просьб рабочих фабричные инспектора своим посредничеством и приносили большей части обратившимся к ним рабочим какую-либо пользу, то это происходило отнюдь не от достаточности полномочий, которыми должны были бы быть снабжены инспектора по закону, а благодаря, или нравственному влиянию, или же, во многих случаях, административному давлению и угрозам, в случае не удовлетворения справедливых требований рабочих, составить протокол за какие-либо мелкие формальные нарушения, ничего общего с жалобами не имеющими, но тем не менее дающими фабричному присутствию наложить на заведующего заведением, иногда довольно значительное взыскание»¹⁸.

Фабричный инспектор В. П. Литвинов-Фалинский, считал совместимым и даже сподручным совмещение административного и “неформального” участия фабричного инспектора в рассмотрении жалоб и просьб рабочих. «Вмешательство инспекции в мелочи фабричной жизни

оправдывается той ролью *административного воздействия*, – пишет Литвинов-Фалинский, – которая отведена ей в наших законах. Всякого рода жалобы и иски, предъявляемые в суд, должны иметь под собой строго юридические основания, которые можно найти не во всех случаях причинения рабочим обид и несправедливого к ним отношения. Очевидно, инспекция не может ограничиваться принятием и рассмотрением лишь такого рода жалоб, которые имеют под собой юридические основания. Стоя исключительно на юридической почве, можно совершать и *действия, нарушающие начала справедливости*. Такого рода действия, даже в большей степени могут вносить в отношения хозяев и рабочих раздражение, чем поступки, нарушающие лишь юридические нормы. Само собой разумеется, что при живом отношении к делу фабричная инспекция не может себя отстранять от принятия и рассмотрения и этого рода жалоб (курсив мой. – А. В.)»¹⁹. При этом В. П. Литвинов-Фалинский критикует высказанную С. Ю. Витте идею стяжания авторитета фабричных инспекторов, на основе которого можно будет разрешать многие дела. «Никакой, однако ж, авторитет, *кроме законного*, – подчеркивает В. П. Литвинов-Фалинский, – не дает инспекции *права требовать* от фабричных управлений *исполнения* решений инспекции по жалобам рабочих, возникшим в сфере применения законов, регламентирующих договоры найма. Решение фабричного инспектора по такого рода жалобам юридически необязательно ни для хозяев, ни для рабочих, которые могут не согласиться с инспектором, в этих случаях стороны направляются в суд. Таким образом, предварительное обращение спорящих к инспекции является лишь попыткой к примирительному разбирательству, предшествующему формальному. В виду того, что обращение к фабричному инспектору доступнее обращения к суду, едва ли можно сомневаться в том, что почти все жалобы рабочих на хозяев и обратно предъявляются сперва инспекции и переносятся в суд лишь в тех случаях, когда одна из сторон останется недовольной решением инспектора (курсив мой. – А. В.)»²⁰.

Исследовав воспоминания и размышления фабричных инспекторов, можно прийти к выводу, что эволюция инспектората и изменение условий на фабриках и заводах все настоятельнее

выводило на первое место по важности и сложности посредническую деятельность, а в ней особое внимание уделялось разбору и расследованию жалоб рабочих. Жалобы, ставшие артикуляцией требований и чаяний рабочих, обращают наше внимание сегодня как уникальный источник по социальной истории России²¹.

Примечания

¹ Ленин В. И. Собр.соч. 4-е изд. – Т. 2. – С. 19.

² Микулин А. А. Фабричная инспекция в России. 1882–1906. – Киев, 2001.

³ Гвоздев С. (Клепиков А. К.) Записки фабричного инспектора. (Из наблюдений и практики в период 1894–1908 гг.). – М., 1911. – С. 228–229.

⁴ Гвоздев С. Указ.соч. – С. 229.

⁵ Пушкарева И. М. Новые подходы в изучении конфликтов рабочих и предпринимателей в дореволюционной России // Россия и мир. Памяти проф. В.И. Бовыкина. – М., 2001. – С. 309.

⁶ Гвоздев С. Указ.соч. – С. 229.

⁷ Там же.

⁸ Ложкин В. В. К методике изучения “черных книг” капиталистических предприятий конца XIX – начала XX в. // Источниковедение отечественной истории. 1979. – М., 1980. – С. 87.

⁹ Гвоздев С. Указ.соч. – С. 229.

¹⁰ Там же.

¹¹ Гвоздев С. (Клепиков А. К.) Указ.соч. – С. 239–240.

¹² Stedman G. J. Languages of Class: Studies in English Working Class History, 1832–1982. – Cambridge, 1983. – P. 20-23.

¹³ Гвоздев С. (Клепиков А. К.) Указ.соч. – С. 230.

¹⁴ Ленин В. И. Собр.соч. – Т. 2. – С. 38.

¹⁵ Гвоздев С. (Клепиков А. К.) Указ.соч. – С. 230.

¹⁶ Лунц М. Г. Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России. – С. 107–108.

¹⁷ Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора Московского округа. – СПб., 1907. – С. 41.

¹⁸ Микулин А. А. Указ.соч. – С. 206.

¹⁹ Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. – СПб., 1904. – С. 330–331.

²⁰ Литвинов-Фалинский В. П. Указ.соч. – С. 331–332.

²¹ Обратим внимание, что мнения фабричных инспекторов, изложенные в статье, отражают реалии фабричной жизни, изученные в нашем прежнем микроисторическом исследовании (см. Володин А. Ю. «Жалобу Доносить Вашему Высоко Родю Господину Инспектору» (жалобы рабочих участковому фабричному инспектору на рубеже XIX–XX веков) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 6. – М., 2001. – С. 26–35).

С. В. Ашмарина

СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ РАБОЧИХ
В РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.

Революция 1905–1907 гг. явилась значимым событием в истории страны и яркой страницей отечественной «рабочей истории». Внимание промышленников и государственных чиновников сосредоточилось на борьбе с рабочим движением. Революционные события 1905 г. вывели на первый план вопросы социально-экономической политики, и в том числе способствовали развитию социального страхования рабочих в России.

К 1905 г., с одной стороны, уже существовала определенная система помощи людям, утратившим способность к труду, на государственных и частновладельческих предприятиях (с опорой на традиционно сложившиеся добровольные соглашения между нанимателем и рабочими). А с другой стороны, шло законодательное оформление организации, структуры, норм страховых выплат на основе отечественной практики и европейского опыта в данной области трудовых отношений. В 1901 г. вышел в свет закон о помощи нетрудоспособным рабочим казенных заводов, а в 1903 г. аналогичные правила для частновладельческих фабрично-заводских, горных, горно-заводских предприятий. Если на казенных заводах социальная

© Ашмарина С. В., 2005

помощь держалась на товариществах и они являлись ядром страхования рабочих, то с владельческими предприятиями дело обстояло сложнее: попытка распространить нормы 1901 г. на всю промышленность не увенчалась успехом, в результате был принят специальный закон 1903 г. для владельческих предприятий. Он вступил в силу с января 1904 г., и к моменту начала революционных событий положения закона уже реализовывались на практике.

Революционные события значительно ускорили выполнение законодательных норм, способствовали распространению договорных отношений вместо «полюбовных соглашений» в области страхования рабочих. Произошли количественные и качественные сдвиги в сфере социального обеспечения. К примеру, возросло число случаев зафиксированных фабричной и горно-заводской инспекцией, соответственно, увеличилось количество фиксированных денежных выплат с учетом степени потери трудоспособности. Выступления рабочих с требованиями государственного страхования активизировали работу правительственных комиссий, спровоцировали решение о необходимости развивать положения о социальном страховании в сторону наибольших гарантий защиты нетрудоспособных рабочих и членов их семей. Данные положения должны были, наравне с другими нормами, содействовать скорейшему успокоению рабочих.

С 1905 г. правительство преступило к пересмотру рабочего законодательства в целом, и норм по страхованию в частности. Кабинет министров во исполнение указа от 12 декабря 1904 г. поручил Министерству финансов (отделу промышленности) разработку законопроектов о государственном страховании промышленных рабочих. В связи с этим была образована особая комиссия «для обсуждения мер по упорядочиванию быта и положения рабочих в промышленных предприятиях» под руководством министра финансов В. Н. Коковцова, который считал, что «широкое развитие стачек и волнений среди рабочих послужило толчком, основанием для направления дальнейшей работы правительства»¹. Основной причиной рабочего движения, по мнению министра финансов, являлись экономические условия быта рабочих, а не политическая пропаганда. Среди

первоочередных ставилась задача по разработке положений об обеспечении больных и увечных рабочих, что касается других видов страхования – по старости и инвалидности, то они детально не прорабатывались. В марте 1905 г. комиссия В. Н. Коковцова подготовила основные положения законопроекта о государственном страховании рабочих и служащих на заводах, фабриках и горных приисках². Проект предусматривал некоторое расширение прежних норм 1903 г.

В одной из своих работ А. Я. Аврех отмечал, что Министерство торговли и промышленности смотрело на рабочих как «на общественный класс со своими особыми задачами, правами, настроениями, с которыми государство должно считаться»³. Революционные лозунги об обеспечении на случай инвалидности и по болезни, а также по старости и об улучшении медицинской помощи указывали на недостатки социального законодательства и проблемы в сфере практического применения статей закона. В итоге предприниматели и государственные чиновники пришли к выводу о том, что никакие частные исправления, разъяснения, дополнения к законам не облегчат положения, а каждый несчастный случай несет ущерб и приводит к судебной волоките, страхование через акционерные общества оставалось к тому времени делом дорогостоящим⁴. В этих условиях выход был найден в скорейшей разработке государственного страхования, что шло в русле требований рабочих и удовлетворяло промышленников, а также присутствовало в планах Министерства финансов, а за тем и Министерства торговли и промышленности. В 1906–1907 гг. прошли два совещания по данному вопросу: при управляющем делами Министерства торговли и промышленности М. М. Федорове (15–21 апреля 1906 г.) и комиссии при министре торговли и промышленности Д. А. Философове (июль 1906 – декабрь 1907). Проект комиссии М. М. Федорова во многом повторял пункты, разработанные в Министерстве финансов в комиссии Коковцова, несколько скорректировав и детализировав положения по части, касающейся выплат, в сторону сокращения предельных величин пособий. В новом совещании, созданном Д. А. Философовым⁵, ранее сформулированные предложения комиссии М. М. Федорова нашли поддержку и свое продолжение.

Революция меняла вектор министерских проектов в сторону большей попечительной направленности. «В конце 1906 г. рабочее движение уже достаточно ослабело, а реакция достаточно усилилась, большим стал напор со стороны предпринимателей и большей уступчивость правительства» - говорилось на страницах периодических изданий⁶. Если в начальный период революции государственные структуры упрочили свое влияние и позиции в рабочем вопросе, то в период революционного спада промышленники оказали давление на правительство по вопросам страхования. Так, после 1907 г. значительно возросло давление МВД в ущерб деятельности Министерства торговли и промышленности. Ставилась задача в дальнейшем избежать обострения отношений между рабочими и промышленниками, и, вместе с тем «оградить общество от несправедливого содержания армии увечных».

В целом, влияние на развитие соцстраха начала XX в. оказали как долговременные факторы (основанные на традициях и европейских примерах), так и ситуативные моменты, в частности революционные события 1905–1907 гг., которые ускорили страховую реформу в духе менявшейся политической обстановки, приводя социальное обеспечение в соответствие с экономическими условиями развития страны.

Примечания

¹ Наша заря. – 1911. – № 11. – С. 28.

² Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова в 1905 г.: Сб. док. – М., 1926. – С. 21–22.

³ Аврех А. Я. Царизм и третьеиюньская система. – М., 1966. – С. 121.

⁴ Доклад XXIX съезду по 17-ому вопросу программы. – Харьков, 1904. – С. 7.

⁵ См.: Стенографический отчет особого совещания при Министерстве торговли и промышленности под председательством министра торговли и промышленности Д. А. Filosofova для обсуждения законопроекта по рабочему законодательству. Ч. 1, 2. – СПб., 1907.

⁶ Наша заря. – 1911. – № 11. – С. 31.

Т. В. Белова
БЮДЖЕТ РАБОЧЕГО-ТЕКСТИЛЬЩИКА
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Сокращение промышленного производства в ряде отраслей, разруха на транспорте, продовольственный и финансовый кризис не могли не сказаться на изменении жизненного уровня рабочих в годы Первой мировой войны. Заработная плата рабочих в губерниях Верхнего Поволжья и в довоенные годы была значительно ниже, чем в Петрограде, Прибалтике, Польше, южных губерниях России. По подсчетам М. Г. Мейеровича, в 1905–1915 гг. она составила в процентах от общероссийской в Ярославской губернии 84 %, во Владимирской и Костромской соответственно 80 и 73,6 %¹. Это объясняется как отраслевой структурой промышленности в регионе (преобладание низкооплачиваемых рабочих-текстильщиков), так и историческими условиями формирования рабочего класса (сохранение связи рабочих с землей). За годы войны разрыв заработной платы с общероссийским уровнем стал еще большим, чем в довоенные годы. В 1916 г. заработная плата во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях составила в процентах к общероссийской соответственно 74,8, 77,6 и 83,2 %. Но жизненный уровень рабочих зависел, прежде всего, не от зарплаты, а от изменения уровня цен на предметы первой необходимости. Нормы потребления рабочего-текстильщика были рассчитаны фабричным инспектором в начале XX века. На месяц взрослому одинокому мужчине-рабочему полагалось: муки ржаной – 15 кг, муки пшеничной – 3 кг, мяса – 6 кг, разной крупы – 1,5 кг, подсолнечного масла – 2,1 кг, сливочного масла – 0,8 кг, сахара – 1,8 кг, соли – 0,25 кг, яиц – 10 штук, картофеля и овощей – 15 кг, керосина – 0,9 л, одна рубашка, сапоги – 1 пара в год². В основные расходы входила также плата за жилье. Накануне войны среднемесячный бюджет рабочего составлял, согласно данным нормам и существовавшим ценам на приведенные в списке продукты и товары, 12 рублей 16 копеек.

Как и сегодня, большую часть бюджета рабочих в годы Первой мировой войны составляла плата за жилье. Рабочие и их семьи

жили в разных жилищных условиях. Одни жили в своих домах, другие на квартирах, нанимаемых у частных лиц, третьи – «в углах» и «на койках», четвертые – в фабричных казармах. Основная часть рабочих жила в наемных квартирах и углах. Эта часть рабочих, по данным бюджетных обследований, составляла в крупных фабричных цетрах (с. Серeda) – около 50 %, в городах – до 80 %³. До войны расходы на квартиру составляли в среднем 3 рубля в месяц, т.е. примерно 1/3 часть месячной зарплаты рабочего уходила на оплату жилья. Уже в 1915 г. плата за жилье возросла в среднем до 5 рублей, а в 1916 г. – до 8 рублей в месяц. За годы войны доля квартиры в месячном заработке рабочих увеличилась примерно в полтора раза.

Следующая составная часть бюджета – питание. Основные продукты питания за годы войны вздорожали в несколько раз. Так, цены на хлеб выросли в 2,5 раза, на мясо – в 3 раза, масло и сахар – в 4,5 раза, на картофель – в 6 раз, поэтому продовольственная корзина стоила в 1915 г. 22 рубля 46 копеек, а в 1916 – 39 рублей 27 копеек. Среднемесячная заработная плата составляла в 1915 году 18 рублей 30 копеек, а в 1916 – 30 рублей 90 копеек.

Таким образом, можно сделать вывод, что зарплаты рабочего не хватало даже на то, чтобы обеспечить минимальный прожиточный минимум, поэтому рабочие фактически не употребляли такие продукты, как масло, мясо, и даже пшеничная мука. В целом затраты на предметы первой необходимости в декабре 1915 г. возросли по сравнению с августом 1914 г. в 1,9 раза, а в декабре 1916 – в 3,2 раза. Исходя из этого реальная заработная плата составила (в процентах к 1913 г.) в 1915 г. во Владимирской губернии 57,9 %, а в Костромской и Ярославской губерниях соответственно 60,9 и 63,4 %. В 1916 г. во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях этот показатель равнялся 58,9, 60,7 57,5 %. Имея в виду низкий предвоенный уровень жизни рабочих, России нельзя не признать указанное падение реальной заработной платы более, чем существенным. Падение уровня жизни вызывало протестные настроения среди рабочих. Очевидна связь между падением жизненного уровня и рабочим движением. Так, во Владимирской

губернии в 1915 г. падение заработной платы было самым низким, ниже, чем в 1916 г., и именно на 1915 г. приходится пик рабочего движения в данной губернии.

Таким образом, положение рабочих региона, как и России в целом, характеризовалось резким падением реальной заработной платы, дальнейшим усилением интенсификации их труда, увеличением сверхурочных работ, ухудшением питания рабочих, жилищно-бытовых условий, медицинского обслуживания. Это явилось главной причиной усиления стихийного недовольства рабочих. Именно на этой почве разворачивается массовое рабочее движение как в стране в целом, так и в регионе Верхнего Поволжья.

Примечания:

¹ Мейерович М. Г. Изменение номинальной и реальной заработной платы рабочих Центрального промышленного района России в период империализма (1897–1914) // Рабочий класс центра страны и Сибири. Конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 1981. – С. 64.

² Матвеева Э. В. К вопросу об экономическом положении рабочих-текстильщиков Костромской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Из истории Костромского края. Сб. научн. трудов. Вып. 33. – Ярославль, 1972. – С. 103.

³ Условия быта рабочих в дореволюционной России. – М., 1958. – С. 116.

В. П. Федюк

РАБОЧИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ ДЕНИКИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Русская революция породила множество устойчивых стереотипов. Большевики так часто клялись в верности российскому пролетариату, что действительно воспринимались значительной частью рабочих как своя, пролетарская власть. Особенно это было ощутимо в тех регионах, где большевистское господство было кратковременным и не успело проявить себя

© Федюк В. П., 2005

в конкретных шагах. К числу таковых относилось большинство областей и губерний Северного Кавказа и Украины. Правительству генерала А. И. Деникина пришлось решать сложнейшую задачу: если не привлечь рабочих на свою сторону, то хотя бы нейтрализовать их враждебные настроения.

Сделать это было крайне трудно уже в силу общей экономической разрухи. Конечно, в хлебных губерниях юга уровень жизни рабочих был выше, чем в центральной России, но все же заметно упал по сравнению с дореволюционным временем. Повышение заработной платы не успевало за ростом цен. С приходом белых рыночная стоимость продуктов питания несколько снизилась в результате отмены запрета на свободную торговлю. Тем не менее, большинство рабочих продолжало находиться на грани нищеты. Так, в Киеве летом г. заработная плата рабочего составляла примерно 45 рублей в день, при этом хлеб из муки грубого помола стоил 8–9 рублей за фунт, белый хлеб – 12–14 рублей, масло и сало 50–60 рублей¹. Голода при этом рабочие не испытывали, но фактически весь заработок уходил только на питание.

Болезненной проблемой была безработица. При советской власти крупные заводы и фабрики в значительной мере поддерживались искусственно. С приходом же белых часть предприятий была закрыта. В результате, в Киеве число безработных выросло вдвое. В Одессе было уволено 20 % рабочих железнодорожных мастерских, в местном профсоюзе печатников три четверти его членов были безработными².

Нельзя сказать, что белые власти нее понимали создавшегося положения. Весной 1919 г. заместитель начальника отдела пропаганды Б. А. Энгельгрдт писал Деникину, что «лучшим агитационным средством среди рабочих каменноугольного района, где экономическое положение особенно тяжелое, была бы посылка туда вагонов с надписью “хлеб для рабочих”³. О подобном «продовольственном десанте нам ничего не известно, но некоторые шаги по улучшению материального положения рабочих действительно предпринимались. В Киеве безработным было выдано единовременное пособие в размере 400 рублей. В целевом порядке власти выделяли продовольствие рабочим

кооперативам⁴. Однако такие акции носили эпизодический характер и не могли изменить общих настроений.

Настроения же эти, не без влияния большевистской пропаганды, были определенно враждебны белым. В архивах сохранились многие десятки донесений тайной агентуры, аналогичные следующему сообщению из Луганска: «Рабочие недовольны разрешением рабочего вопроса в том, что на первом плане стоят интересы предпринимателей»⁵. Надо сказать, что такое обвинение было не вполне справедливым. Слово «буржуй» было у белых в ходу не меньше, чем у красных и произошло с такими же интонациями.

В архивах Деникина сохранились бумаги, фиксирующие характерный эпизод. В январе 1918 г., когда крохотная Добровольческая армия под началом Л. Г. Корнилова готовилась покинуть Ростов, в местных банках было получено 340 тысяч рублей. Юридически это было оформлено долговыми обязательствами нескольких частных лиц, хотя неофициально и оговаривалось, что деньги будут безвозмездно пожертвованы армии. Однако год спустя Русско-Азиатский банк потребовал возвращения долга. На донесении об этом Деникин наложил резолюцию: «Я глубоко возмущен наглостью поганых буржуев Русско-Азиатского банка, забывших все»⁶. Обращает внимание совершенно неожиданный, «комиссарский», лексикон командующего, но так же думала и немалая часть белого офицерства. Безудержное рвачество торговцев, предпринимателей и финансовых спекулянтов вызывало у него раздражение и ненависть. Итогом становились крамольные мысли: «Честное слово, у нас с красными больше общего, чем с такой публикой. В конце концов, большевики хоть убежденные люди...»⁷. Такие взгляды были достаточно распространенными. Но это не могло переломить сложившееся в рабочей среде убеждение в том, что новая власть – барская и действует исключительно на пользу хозяев.

То, как командование белых армий видело пути решения рабочего вопроса, нашло отражение в речи Деникина во время посещения им одесского завода «Ропит». Он говорил: «Я понимаю, что рабочим нужно кушать, одеваться и кормить детей. Вот на это должно быть обращено главное внимание

профессиональных союзов. А решение волнующих государственных вопросов пускай возьмет на себя народное представительство – Учредительное собрание»⁸. В таком же духе была составлена декларация по рабочему вопросу, подписанная главнокомандующим 23 марта (5 апреля) 1919 г.* В ней, наряду с восстановлением «законных прав владельцев фабрично-заводских предприятий», говорилось о необходимости «обеспечить рабочему классу защиту его профессиональных интересов». В декларации было обещано принятие законов об охране труда, развитие социального страхования, введение 8-часового рабочего дня⁹. Однако воплотить в жизнь эти обещания оказалось трудно.

Распоряжением главнокомандующего была учреждена специальная комиссия для разработки рабочего законодательства. Возглавил ее видный кадетский деятель, член денкинского правительства М. М. Федоров. В помощь ему были выделены представители управлений юстиции, торговли и промышленности, путей сообщения, а также фабричной инспекции¹⁰. Предполагалось привлечь к подготовке законов и выборных от рабочих. Переговоры по этому вопросу затянулись, и только в начале августа 1919 г. проходивший в Харькове съезд профсоюзов юга России выделил пять делегатов для участия в работе комиссии. Но на первом же совместном заседании произошел разрыв. Рабочая группа огласила свои предварительные условия, частично носившие политический характер. Когда с трибуны прозвучали слова о демократической республике, председательствовавший прервал выступление. После этого рабочие демонстративно покинули заседание.

Комиссия продолжала собираться в оставшемся составе, и в ноябре 1919 г. по итогам ее работы был принят ряд законодательных актов. В «положении о профессиональных союзах» деятельность последних была поставлена под жесткий контроль властей. Разрешать создание профсоюзов мог только главноначальствующий областью, причем обязательную

* На территориях, подконтрольных белым, сохранялся юлианский календарь. По этой причине все даты в тексте даются параллельно по старому и новому стилю.

регистрацию должны были пройти и уже существовавшие союзы¹¹. Военные власти и фабричный инспектор имели право по своему усмотрению закрывать любые рабочие организации. Отдельным категориям лиц наемного труда – государственным служащим, работникам почты и телеграфов, железнодорожникам – создание профсоюзов было вообще запрещено¹².

Вторым документом, подготовленным комиссией Федорова, стало «Положение по делам страхования рабочих». Согласно ему, высшей инстанцией в решении вопросов социального страхования был объявлен Временный комитет по делам страхования рабочих. Председатель комитета и его заместитель непосредственно назначались главнокомандующим. В состав комитета должны были войти чиновники от управления торговли и промышленности, юстиции и внутренних дел. Отдельную группу членов комитета должны были составить представители предпринимателей – по одному от каждого страхового округа (от Московского и Харьковского по два) и делегаты от рабочих в том же числе. На местах страховые органы возглавлял старший фабричный инспектор, а членами были представитель судебного ведомства и по трое выборных от предпринимателей и рабочих¹³.

По замыслу, государственные чиновники должны были играть роль арбитров в спорах между сторонами. Но нужно помнить, что для рабочих в это время было характерно крайне обостренное чувство противостояния властям. В их понимании суммарное преобладание предпринимателей и чиновников (шесть против трех, так как фабричный инспектор имел два голоса) заранее предопределяло характер принимаемого решения. К тому же вся структура была слишком запутанной и громоздкой для того, чтобы быть эффективной.

Особенно ожесточенные споры в комиссии Федорова вызвал закон о 8-часовом рабочем дне. Дело тут было даже не в экономической целесообразности, хотя именно этот аргумент выдвигали на первый план противники проекта: за время революции 8-часовой рабочий день стал своего рода символом всей экономической борьбы рабочих. К тому же белые власти должны были учитывать, что любой их шаг будет сравниваться с декларациями большевиков. В итоге, Деникин, несмотря на

противодействие правых, 16 (29) ноября 1919 г. утвердил представленный проект. Однако введение 8-часового рабочего дня было обставлено множеством ограничений. Закон не распространялся на транспортных рабочих, строителей, торговых служащих. Помимо этого, в обязательном порядке были установлены сверхурочные работы. В отношении них вводились ограничения – не больше 400 часов в год, но даже в этом случае реальная продолжительность рабочего дня должна была составлять девять с половиной часов.

Плюсы и минусы рабочего законодательства были важны, но не они определяли итог. У белых изначально было мало шансов добиться популярности в рабочей среде. В пролетарских районах, например в Донбассе, добровольцы по собственному признанию чувствовали себя не в освобожденной, а в завоеванной стране¹⁴.

Донесения деникинской агентуры рисуют повсеместно враждебное отношение рабочих к белым. В справке, составленной Отделом пропаганды летом 1917 г., говорилось: «Из отдельных пунктов, где резко выражено сочувствие большевикам среди рабочих, можно отметить: Харьков, Одесса, Симферополь, Севастополь, Анапа, Новороссийск и Майкоп»¹⁵. Скорее всего пробольшевицкие настроения рабочих юга объяснялись тем, что советская власть продержалась здесь очень недолго и не успела в полной мере продемонстрировать себя. Во всяком случае, ничего подобного восстанию ижевских и воткинских рабочих на юге не было.

В приведенном выше списке не фигурирует Киев, потому что в это время он еще находился в руках красных. Но именно в Киеве имел место единственный случай сотрудничества рабочих организаций с деникинскими властями. Эта история связана с именем инженера К. Ф. Кирсты, человека не слишком ясной биографии. О нем известно лишь то, что он был участником первой русской революции, в кровавые декабрьские дни возглавлял в Люботине (под Харьковом) одну из многочисленных в ту пору «республик». После этого Кирста надолго исчезает из видимости и вновь появился только в конце августа 1919 г. в Киеве сразу же после занятия города добровольцами. Под его председательством 24 августа (6 сентября) прошло собрание, на

котором были представлены рабочие ряда киевских заводов. Здесь было принято решение об образовании организационного комитета по созданию новых профессиональных объединений.

Уже через считанные дни начала выходить газета «Путь рабочего», пропагандировавшая идеи Кирсты. Особой сложностью они не отличались: «Гармония труда с капиталом – эти слова должны стать для рабочих руководящим принципом. Таковы основные черты экономической программы организационного комитета... Что касается политической программы, то Организационный комитет ее не имеет и не желает иметь»¹⁶. Вместе с тем, комитет подчеркивал свою антибольшевистскую направленность и полную лояльность белым властям.

В короткий срок Кирста сумел развить бурную деятельность. Было объявлено о создании рабочего кооператива для закупки предметов первой необходимости, начата организация артелей из безработных для заготовки дров, образована культурно-просветительная комиссия и решено ходатайствовать о резервировании для детей рабочих по десять бесплатных мест во всех мужских и женских гимназиях. Это привело к тому, что уже через три недели Кирста имел своих сторонников на 26 предприятиях города. Руководство организационного комитета говорило о том, что его поддерживают 32 тысячи человек. Оппозиционное Кирсте Центральное бюро профсоюзов называло другую цифру – 3–5 тысяч человек¹⁷. Даже если признать, что последняя оценка более реальна, то это все равно очень много для столь непродолжительного времени.

Деятельность Кирсты сразу же вызывает аналогии с зубатовщиной. Но здесь есть одно важное отличие. Зубатовские организации до поры официально насаждались властями, о кирстовщине этого нельзя сказать. Делегация организационного комитета была принята главноначальствующим Киевской областью генералом А. М. Драгомировым, который выразил всяческое сочувствие начинанию¹⁸. Однако нам не удалось найти никаких свидетельств того, что добровольческое командование активно поддерживало кирстовцев, а тем более выступало инициатором всей затеи.

В любом случае, успехи Кирсты оказались дутыми. Кооператив так и не приступил к работе, а на организованную для того, чтобы занять безработных, заготовку дров явилось только 30 человек. Когда Киеву стали угрожать красные, Кирста организовал «рабоче-офицерскую роту», в составе которой самих рабочих почти не было. Кирстовцы приняли участие в боях и вместе с отступавшими добровольцами покинули город. Позднее Кирста появился во врангелевском Крыму, заявив о готовности продолжать здесь свое дело. Каким-то образом ему удалось добиться не только выделения средств на это, но даже получить их в твердой валюте¹⁹. Неизвестно, на что пошли эти деньги, поскольку никаких ощутимых результатов деятельности Кирсты в крымский период не прослеживается.

В других городах юга не было ничего подобного кирстовщине. Это дает основание считать ее исключением, лишь подтверждающим правило. Правило же это сформулировал глава деникинского ведомства пропаганды профессор К. Н. Соколов: «С рабочими дело у нас обстояло в корне безнадежно. Рабочих как обывателей мы не могли удовлетворить, так же как и прочие разряды обывателей, просто благодаря нашему бессилию «наладить» жизнь. Рабочие же организованные и «политизированные» были принципиально нам враждебны»²⁰. Не случайно, именно промышленные предприятия, рабочие кварталы и фабричные поселки стали главной ареной деятельности большевистского подполья.

Примечания

¹ Редін М. Легенда про кірстовщину // Літопись революції. – Харків. 1931. – № 1–2. – С. 29.

² Мальт М. Деникинщина и рабочие // Пролетарская революция. – 1934. – №. 5(28). – С. 73.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 446. – Оп. 2. – Д. 121. – Л. 222.

⁴ Киевлянин. – 1919. – 13 сент.

⁵ ГАРФ. – Ф 439. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 213.

⁶ ГАРФ. – Ф 446. – Оп. 2. – Д. 100. – Л. 81.

⁷ Раевский Н. Добровольцы // Простор (Алма-Ата). – 1990. – № 7. – С. 84.

⁸ Цит. по: Кин Д. Деникинщина и меньшевики // Пролетарская революция. – 1926. – № 4 (41). – С. 125.

⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. – Т. 4. – Минск, 2002. – С. 392.

¹⁰ ГАРФ. – Ф 439. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 1.

¹¹ Южный край (Харьков). – 1919. – 31 окт.

¹² Мальт М. Деникинщина и рабочие. – С. 76.

¹³ Там же. – С. 78.

¹⁴ Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 гг. – Париж, 1962. – Кн. 2. – С. 76.

¹⁵ ГАРФ. – Ф 446. – Оп. 2. – Д. 120. – Л. 2.

¹⁶ Цит. по: Кин Д. Деникинщина и меньшевики. – С. 141.

¹⁷ Редін М. Легенда про кірстовщину. – С. 49.

¹⁸ Киевлянин. – 1919. – 19 окт.

¹⁹ Немирович-Данченко Г. В. В Крыму при Врангеле. – Берлин, 1922. – С. 63.

²⁰ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. – София, 1921. – С. 186.

С. Б. Ульянова

КАМПАНИИ ПО ЗАКЛЮЧЕНИЮ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДОГОВОРОВ В СИСТЕМЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВЕТСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ 1920-х гг.

Коллективный договор – стержень промышленной повседневной жизни и в то же время примета цивилизованных трудовых отношений, важнейший инструмент социальной защиты трудящихся. Не случайно коллективные договоры представляют собой предмет изучения специалистов по социальной истории, правоведов и экономистов¹. Исследователи рассматривают политику заработной платы, условия соглашений и т. п. В то же время меньше внимания уделяется коллективным договорам как борьбе интересов, стратегии и тактики поведения участников промышленного сообщества, значимости коллективных договорных кампаний для общего климата на производстве.

В дореволюционной России случаи заключения коллективных договоров были единичными и не получили юридического закрепления. Декрет СНК от 2 июля 1918 г. утвердил «Положение о коллективных договорах». Определяемое этим документом содержание договора включало в себя порядок приема и увольнения рабочих, нормирование рабочего времени, ставки и принципы оплаты труда. Однако начавшаяся Гражданская война привела к полному устранению договорных соглашений из трудовых отношений.

Появление по окончании войны большого количества свободных рабочих рук, восстановление товарного оборота, перевод государственных фабрик и заводов на хозрасчет, допущение частновладельческих предприятий, отказ от уравнительности заработной платы, отстранение профессиональных союзов от непосредственного вмешательства в управление производством и выдвижение ими на первый план задачи защиты интересов трудящихся - все это привело к кардинальным переменам в трудовом законодательстве. Статья 15 Кодекса законов о труде 1922 г. устанавливала, что коллективный договор есть соглашение, заключаемое профессиональным союзом как представителем рабочих и служащих, с одной стороны, и нанимателем - с другой, которое устанавливает условия труда и найма для отдельных предприятий, учреждений и хозяйств или группы таковых и определяет содержание будущих личных (трудовых) договоров найма². Поскольку КЗОТ устанавливал некоторый минимальный уровень условий труда, смысл коллективных договоров состоял в том, чтобы выработать и зафиксировать те или иные улучшения сверх предписываемых общим законодательством.

С целью защитить позиции хозяйственников, ВСНХ издал приказ № 443 от 9 сентября 1922 г., в котором постарался поставить жесткие рамки для соглашений в области найма и увольнения, заработной платы, отчислений на профсоюзные и культурно-просветительские нужды³. Приказом ВСНХ СССР от 8 апреля 1924 г. № 239 при президиуме ВСНХ было образовано «Постоянное совещание по вопросам труда» для рассмотрения всех вопросов, связанных с применением труда в промышленности:

об уровне заработной платы, о порядке и принципах заключения коллективных договоров, о потребности промышленности в новых кадрах квалифицированных рабочих, о порядке найма рабочей силы и т. п.⁴

Принятый 25 апреля 1922 г. циркуляр ВЦСПС о порядке заключения коллективных договоров конкретизировал положения Кодекса⁵. Отметим, что в детально прописанной процедуре нет никакого упоминания об участии широких трудящихся масс в выработке соглашений. Тем не менее, на практике кампании по заключению и перезаключению коллективных договоров в 1920-е гг. стали ярким явлением промышленной жизни и занимали рабочих как никакие другие. На наш взгляд, этому способствовало несколько факторов:

- так как коллективные договоры касались каждого рабочего непосредственно, принимать их «втихую», а затем использовать в повседневной практике было невозможно;

- отказ от публичного обсуждения колдоговоров нанес бы непоправимый ущерб репутации советской власти как власти рабочих;

- инициирование публичного обсуждения колдоговоров поднимало престиж профсоюзных организаций и давало им реальную возможность влиять на промышленную жизнь;

- при обсуждении коллективных договоров поднимались и другие вопросы производства, причем их рассмотрение сквозь призму перезаключения соглашений позволяло привлечь активное внимание рабочих к выдвинутым лозунгам.

Можно предположить, что инициатива вовлечения широких рабочих масс в процесс заключения и перезаключения коллективных договоров принадлежала профессионалистам, которые таким образом получали рычаг давления на хозяйственников, средство повысить свой авторитет среди рабочих и статус в промышленной иерархии. Один из руководителей Петроградского ГСПС Г. Вейнберг писал: «Наиболее верным орудием повышения заработной платы рабочих являются, как показал опыт последнего года, коллективные договоры и тарифные соглашения. Однако, лишь договоры, заключенные при полном учете, с одной стороны,

конъюнктуры каждого отдельного хозяйства, с другой - нужд и интересов данной группы членов союза, может дать действительное улучшение в положении рабочих. Поэтому необходимо, чтобы коллективные договоры заключались при непосредственном активном участии широких масс, их представителей и делегатских собраний. Каждый пункт договора должен быть популярен и понятен каждому члену союза, каждый должен учесть все возможности в области заработной платы со стороны хозорганов, только тогда мы сумеем избежать острых конфликтов рабочих масс с хозорганами»⁶. В приведенной цитате - и угроза в адрес хозяйственников о потенциальных трудовых конфликтах, и обещание рабочим улучшить их материальное положение с помощью договоров, и намек профессионалистам на возможность громче заявить о себе с помощью активного участия в кампании.

Первые договоры были заключены весной 1922 г., но широкая работа началась с августа 1922 г. (после выхода закона о коллективных договорах от 23 августа 1922 г.) и усилилась после V съезда профсоюзов⁷. В 1922/23 хоз. г. 90 % рабочих петроградской государственной промышленности были охвачены коллективными договорами⁸. В целом по индустриальным союзам СССР процент охваченных договорами (коллективными и трудовыми) повысился с 86 % в 1924 г. до 96,4 % в 1926 г.⁹

Вопросы, которые определялись в хозяйственных коллективных договорах, можно разбить на четыре основных типа: хозяйственно-политические, характеризующие общую установку и политический смысл договоров; условия тарифов; дополнительные издержки, складывающиеся из отчислений на культурабиту, на содержание союзного органа на предприятиях и т. д.; правовые положения и взаимные обязательства сторон¹⁰.

Существенной частью коллективного договора являлся раздел, касающийся регулирования зарплаты. Поначалу соглашения предусматривали как денежную, так и натуральную зарплату, что при неустойчивости валюты и цен приводило к задолженностям, заставляло хозорганы заниматься побочными операциями по закупке продовольствия, одежды и пр. А главное, такая система вызывала недовольство рабочих разным размером натуральных

выдач (размер выдачи определялся тарифной ставкой, что существенно отличалось от времен военного коммунизма).

К 1924 г. складываются более устойчивые ориентиры государственной социально-экономической политики. Заработная плата была поставлена в зависимость от квалификации рабочего, а рост зарплаты - в прямую зависимость от роста производительности труда. Расширилось применение системы прямой неограниченной сдельщины. Натуральная зарплата была практически полностью заменена выплатой заработка деньгами.

В 1922–1923 гг. профсоюзы еще отстаивали необходимость систематического повышения зарплаты. На XIX Петроградской губпартконференции (декабрь 1923 г.) председатель ПГСПС Н. П. Глебов-Авиллов, говоря о роли коллективных договоров в повышении зарплаты, утверждал, что интенсивность труда уже выше довоенной¹¹. Основное внимание в колдоговорной кампании 1923 г. союзы уделяли перенесению на более поздний срок исчисления индекса (при выплате 40 % заработка в 20-х числах месяца и 60 % - в 10-х числах следующего рабочие теряли свыше 20 %). Поэтому союзы добивались выплаты заработной платы по индексу на 15 и 1 число. В ходе кампании выполнить эту задачу полностью не удалось, но определенное приближение было сделано. Зато удалось изменить сроки выплаты: аванс стал выдаваться не 18–25 числа, а 18–22 числа текущего месяца, окончательный расчет - не 18–20 числа следующего месяца, а 7–10¹².

В 1924 г. политика зарплаты оказалась связана с кампанией по поднятию производительности труда. Августовский пленум ЦК РКП(б) принял постановление «О политике зарплаты» и выдвинул в качестве главного лозунга дня увеличение производительности труда¹³. С этого времени во второй половине 1920-х гг. требование опережающего роста производительности труда по отношению к зарплате стало основой политики заработной платы и, соответственно, коллективных договоров.

Важным пунктом в коллективных договорах было снабжение производственной и специальной одеждой. Предоставление работникам спецодежды и спецобуви, выдача бесплатного мыла, бесплатного молока (на вредных производствах) и т. п. составляло часть неденежных выплат. Для рабочих эти выдачи имели важное

психологическое значение, подтверждая заботу о них со стороны предприятия.

В вопросе о спецодежде хорошо заметна одна черта многих хозяйственных кампаний - каков бы ни был «лозунг дня», рабочие говорили о том, что их волновало: «Нет ни одного собрания, по какому бы поводу оно ни происходило, чтобы не подавали записок с вопросами о нормах спецодежды: почему не дали чернорабочим того, что дается квалифицированным рабочим, почему на однородной работе один получает, другой не получает, почему устанавливаются такие сроки, которых не выдерживают качество выдаваемой спецодежды и т. д.»¹⁴.

Даже невыдача положенных полотенец могла вызывать раздражение¹⁵. Несоблюдение пунктов договора об одежде, рукавицах и пр. фиксировалось сводками ГПУ как один из факторов формирования настроений рабочих¹⁶.

Для рабочих были значимы пусть мелкие, но постоянные улучшения. После нескольких лет «отъедания», когда самым важным было восстановить довоенный уровень продовольственного обеспечения, на первый план вышли мелочи производственной повседневности. При перезаключении колдоговора они всегда активно обсуждались. Для руководства это был вариант увести обсуждение договора в сторону от важнейших вопросов, сделать рабочим уступки в бытовых мелочах и ущемить в главном.

В ходе проведения колдоговорных кампаний постоянно поднимались вопросы об условиях труда в промышленности. На наш взгляд, важно выяснить, входило ли их обсуждение в планы инициаторов кампаний или, напротив, было для них неприятным проявлением рабочего «своеволия». Было ли проведение кампаний по охране труда эффективным способом решения проблем промышленной повседневности?

В печати и архивных документах можно найти результаты обследований состояния здоровья рабочих различных отраслей и статистику несчастных случаев¹⁷. Собранные воедино, эти данные рисуют довольно мрачную картину состояния здоровья рабочих и санитарных условий на предприятии. По данным Ю. П. Бокарева, в 1915 г. на одного рабочего приходилось

8,1 больничного дня, а в 1921-1922 гг. рабочий болел в среднем 15 дней в году¹⁸. Конечно, отрицательно сказывались последствия Гражданской войны и разрухи. Однако и в середине 20-х гг. картина заболеваемости оставалась тревожной. Изношенное оборудование, низкая квалификация большинства рабочих, переход к политике неограниченной сдельщины, побуждавшей рабочих к несоблюдению правил техники безопасности ради заработка, пренебрежение элементарным порядком на производстве – все это приводило к росту производственного травматизма.

Хозяйственники должны были «включать мероприятия по охране труда в круг своей инициативы и уделять серьезное внимание целесообразному разрешению вопросов технической безопасности работ, санитарно-технических условий труда, снабжения рабочих предохранительными средствами, спецодеждой и нейтрализующими веществами, согласуя свою деятельность в этом направлении с органами Наркомтруда и Профсоюзами». С этой целью хозорганы должны были «в заключаемых коллективных договорах не ограничиваться повторением общих законодательных положений по охране труда, но, руководствуясь реальной возможностью осуществления принятых на себя обязательств, детализировать подлежащие выполнению мероприятия по охране труда в области санитарии, безопасности, снабжения предохранительными приспособлениями и так далее, и определять сроки этих мероприятий»¹⁹.

Постоянно проводившиеся кампании (колдоговорные, перевыборные и пр.) способствовали сохранению внимания к вопросам охраны труда и тем самым содействовали их улучшению. В то же время такие массовые хозяйственно-политические кампании, как поднятие производительности труда (1924–1925 гг.) или режим экономии (1926-1927 гг.) в определенной степени реализовывались за счет условий труда, вызывая резкие протесты со стороны рабочих. В письмах, жалобах и других проявлениях рабочего активизма часто звучит мотив «куда смотрит охрана труда? союз?».

Профсоюзы не могли не реагировать на попытки администрации предприятий экономить на зарплате и условиях труда рабочих. Поэтому уже в колдоговорной кампании 1922 г.

наметилось столкновение профессионалистов и хозяйственников. Закончилось оно компромиссом: союзы выиграли сражение за оплату труда, а хозяйственники отстаивали позиции, зафиксированные в КЗОТ (продолжительность отпуска, броня подростков, культотчисления и пр.).

Характерной чертой первых колдоговорных кампаний было то, что рабочие в них практически не участвовали. Как редкое исключение в материалах Петроградского губернского совета профессиональных союзов приводится кампания, проведенная союзом химиков: «Предварительно путем докладов представителей хозорганов на заседании президиума союза, последний знакомится с состоянием хозяйства, а затем составляется проект договора и рассылается на места завкомам и Р.К.К. для ознакомления, проводятся делегатские и общие собрания по заводам для предварительного обсуждения договора и уже после этого договор окончательно утверждается сторонами.

В связи с проводимой кампанией по перезаключению колдоговоров союзом производились обследования заводов для выяснения, в какой мере применялись установленные предыдущим договором: нормы спецодежды, сокращенный рабочий день, нормы нейтрализующих средств, дополнительные отпуска в особо вредных цехах. Результаты обследований послужили материалом при перезаключении договоров»²⁰.

Петроградская губернская тарифная конференция 4-5 апреля 1923 г. потребовала: «Союзы решительно должны перейти на путь активного привлечения рабочих к переговорам при заключении колдоговоров и тарифных соглашений, что безусловно послужит к предупреждению недовольства и конфликтов. Договоры и соглашения должны популяризироваться в широкой массе рабочих»²⁰.

Вопрос об одобрении рабочими коллективных договоров стал особенно актуальным, когда в 1924 г. кампания по перезаключению коллективных договоров пошла под лозунгом поднятия производительности труда, пересмотра квалификации рабочих и работ, норм выработки и сдельных расценок. Чтобы отвлечь массы, в соответствии с партийными и союзными директивами, профсоюзы в колдоговорной кампании 1924 г.

сосредоточились на исправлении наиболее грубых нарушений КЗОТ (оплата брака, часов простоя и т. п.). В главных вопросах – о нормах выработки, тарификации и заработной плате – они пошли на уступки. Капитуляция профсоюзов дошла до того, что сокращение социальных расходов в новых соглашениях (уменьшение средств на оплату профессионального обучения подростков, сокращение в несколько раз количества мест в домах отдыха, оплата простоя времени не по среднему, а по тарифу, т. е. без учета приработка) подавалась как проводимая союзами в рамках кампании по поднятию производительности труда работа по снижению накладных расходов в промышленности²².

Естественно, нажим на рабочих не мог не привести к трудовым конфликтам. Внешней их причиной, как правило, выступали разногласия по коллективному договору. Так, 21–23 августа 1924 г. забастовали три с половиной тысячи грузчиков Ленинградского торгового порта. Стачка напугала городские власти, так как, в отличие от других, была организована и охватила большое количество рабочих. В стачечный комитет вошли представители профсоюза и партколлектива. Причиной забастовки послужил конфликт, возникший в ходе обсуждения коллективного договора: хозорганы выдвинули требование повышения норм при понижении оплаты. Докеры протестовали против тяжелых условий труда, царящей в порту неорганизованности²³.

Справиться с ситуацией власти смогли путем репрессий. Последовали аресты зачинщиков. Использовались штрейкбрехеры. На работу в порт были направлены несколько сотен студентов. В то же время основные требования забастовщиков были удовлетворены. Губком партии потребовал от администрации порта заключить колдоговор в 24 часа, учтя претензии стачечников и результаты работы специальной комиссии²⁴.

Власть не могла позволить себе подобного организованного протеста со стороны рабочих. Поэтому все мероприятия по повышению интенсивности труда (по данным ЛГСПС, с октября 1924 г. по март 1925 г. зарплата уменьшилась на 4 %, тогда как производительность труда выросла на 12 %²⁵ отныне сопровождались грандиозными агитационно-пропагандистскими усилиями. В то же время общая линия на опережающий рост

производительности труда по отношению к зарплате осталась неизменной. Так, 1 ноября 1927 г. директива ВЦСПС и ВСНХ СССР о перезаключении колдоговоров предписала «в соотношении производительности труда и зарплаты достичь более решительного перелома в сторону повышения темпа роста производительности труда над ростом заработной платы»²⁶.

Колдоговорная кампания 1927/28 г. проводилась с большим скрипом, так как совпала с реформой системы заработной платы. Хотя пропагандистские материалы утверждали: «Надо констатировать, что последняя колдоговорная кампания и проводившаяся одновременно реформа заработной платы проводилась при благоприятном в общем состоянии уровня заработной платы. Это сказалось и в отношении рабочих по большинству предприятий при обсуждении проектов коллективных договоров. Рабочие на собраниях значительно большее внимание уделяли правовым вопросам, охране труда и общему состоянию производства, чем вопросам о необходимости дальнейшего повышения заработной платы. Сама реформа заработной платы встречала всюду полное одобрение со стороны рабочих»²⁷, – на самом деле ситуация была почти катастрофичной.

В ходе колдоговорной кампании 1927/28 г. повсеместно был проведен пересмотр норм и расценок. Полученная экономия должна была идти на снижение себестоимости²⁸. На деле это едва не сорвало кампанию. Было решено впредь не совмещать пересмотр норм и перезаключение колдоговоров. Таким образом, на практике выявились границы применимости кампанийского подхода. Сложившаяся традиция проведения кампаний неизбежно привлекала к ним общественное внимание. В ряде случаев это позволяло решить поставленные задачи, но иногда приводило к негативным последствиям, которые было невозможно снять даже усиленными пропагандистскими мерами.

Те, кто проводил кампанию 1927/28 г., оказались не готовы решать столь сложные задачи: «Несмотря на то, что большинство союзов, особенно неиндустриальных, начали подготовительную работу еще задолго до истечения сроков старых договоров (июль - август), проработка и обсуждение проектов новых договоров на предприятиях была проведена в поспешном порядке, без

достаточного разъяснения сущности реформы»²⁹. Анализ документов показывает, что разработчики кампании рассчитывали быстро, под разговоры о новых колдоговорах провести реформу системы зарплаты: «Реформа заработной платы, встреченная с одобрением со стороны рабочей массы в период предварительного ее обсуждения, в своем проведении встретила затруднения из-за того, что реформа была приурочена к моменту массового пересмотра норм и расценок.

Вследствие недостаточного инструктирования профактива, он оказался мало подготовленным к разъяснению рабочим сущности всех этих мероприятий»³⁰.

Сложности добавило и то, что колдоговорная кампания совпала с кампанией перевыборов ФЗК - новые неопытные работники не справились с валом рабочего недовольства. Так, при проведении в жизнь новых коллективных договоров «наблюдались отдельные случаи конфликтов (заводы имени Карла Маркса, “Красная заря”, “Красный треугольник”); временного отказа и оставления работы отдельными группами рабочих (завод “Экономайзер”, завод “Знамя труда”, фабрика [имени] Желябова, фабрика имени Зиновьева, фабрика “Скороход”); уход с предприятий отдельных, преимущественно квалифицированных рабочих (Северная судостроительная верфь, Металлический завод, завод имени Калинина); подача заявлений в РКК (7-й механический завод, фабрика “Скороход”, фабрика “Красное знамя” и др.) и даже непосредственно в Областной отдел союза (фабрика [имени] Свердлова); небрежное отношение рабочих к выполнению работы и, как следствие этого, получающийся брак в производстве (завод имени Егорова) или скрытая италянка, сопровождающаяся падением интенсивности труда и выполнением ненужной работы (15-й Государственный деревообрабатывающий завод); демонстративный уход с собраний (завод имени Рыкова и др.)»³¹.

В ходе колдоговорной кампании 1927/28 г. мы сталкиваемся уже с единым фронтом хозяйственников и профессионалистов против рабочих. Главный вывод, который был сделан из неудачного опыта: «в будущем не допускать в период перезаключения колдоговоров других массовых кампаний,

особенно считать недопустимым перевыборы фабзавместкомов одновременно с колдоговорной кампанией»; отказаться от пересмотра норм и расценок с порядке специальных кампаний, проводить эту работу постепенно, в порядке текущей работы. Были сделаны и выводы по пропагандистскому обеспечению кампаний: «Союзы должны перестроить свою работу в сторону укрепления непосредственной связи с широкими массами рабочих, усилить и упорядочить практику посылки руководящих работников профсоюзов на предприятия в мастерские и цеха для практической помощи низовым профорганизациям и для проведения бесед с рабочими (в обеденный перерыв и проч.), укрепляя, таким образом, повседневную живую связь между профорганизациями и рабочей массой снизу доверху»³².

Кроме того, профсоюзы должны были отвлечь внимание рабочих от главных вопросов, переориентировав их на второстепенные: «Союзам необходимо наладить систематическое постоянное наблюдение и проверку выполнения коллективных договоров, чутко и внимательно прислушиваясь ко всем заявлениям рабочих о нарушениях и недостатках как в области заработной платы, норм и расценок, так и по вопросам, касающимся норм спецодежды, охраны труда, выполнения мероприятий по гигиене труда и технике безопасности и т. д. Необходимо внимательно проверять все заявления рабочих, без задержек информировать рабочих о предпринятых союзом мерах и об их результатах»³³.

В 1927 г. кампания по перезаключению коллективных договоров совпала по времени с кампанией перевыборов в Советы, что добавило ей остроты и сложности. Приоритетным для власти было, конечно, формирование органов местной власти. Поэтому в колдоговорной кампании важно было не обеспокоить рабочих, не спровоцировать негативных высказываний о власти вообще. Это наложило отпечаток на проведение кампании.

Стремясь избежать подобных сложностей, в последующем власть старалась развести по времени разные важные кампании. Так, выборы в советы, первоначально намечавшиеся на декабрь 1927 – апрель 1928 г., были перенесены на осень 1928 г. из-за трудности параллельного проведения пересмотра коллективных

договоров в промышленности³⁴. В обстановке острого экономического и политического кризиса, связанного с переходом к форсированной индустриализации, власть не могла себе позволить две взрывоопасные кампании одновременно.

3 ноября 1928 г. ВЦСПС и ВСНХ издали директивное письмо всем профорганизациям и хозяйственным органам. В нем иезуитски требовалось закреплять пересмотренные нормы и расценки по крайней мере на год, но предусмотреть в колдоговоре возможность их нового пересмотра в связи с проведением организационно-технических мероприятий или выявлением «неправильности» существующих норм³⁵. При проведении кампании выставлялся единый фронт хозяйственников и рабочих: первые должны были знакомить рабочих с итогами работы и производственными планами, обосновывать свои предложения по договору, а вторые – разъяснять неосуществимые для промышленности требования рабочих³⁶.

Л. Н. Бехтерева отмечает, что перезаключение колдоговора в условиях отсутствия гласности и разъяснительной работы могло вызвать будоражащие слухи (о предстоящем массовом сокращении и т. п.)³⁷. В этой связи главную «опасность» в проведении кампании представляла пассивность рабочей массы. Впрочем, обычно, кампании по перезаключению коллективных договоров проходили довольно активно и часто затягивались. Первые колдоговорные кампании привели к тому, что колдоговор стал популярен в рабочей среде.

Массовости кампании способствовал институт делегатов. ПГСПС отмечал, что высокая степень охвата рабочих коллективными соглашениями (до 98–100 %) связана с предварительной разработкой договоров совместно с фабзавкомами и обсуждением их на делегатских и общих собраниях.

Вовлечение в массовые кампании широких рабочих масс требовало новых подходов в агитационно-пропагандистской работе. Любой абстрактный лозунг в выступлениях рабочих трансформировался во вполне конкретные вопросы: зарплата, условия труда и т. п. Не случайно Зиновьев, выступая 2 ноября 1923 г. на оргбюро ЦК РКП(б), сетовал: «Когда я иду на делегатские собрания какого-либо крупного завода, где будут и беспартийные,

я готовлюсь бог знает как, потому что я знаю - меня возьмут в штыки, зададут мне десятки вопросов»³⁹. Поэтому очень быстро с переходом к нэпу агитпропы поняли, что пропаганду в рабочей среде нужно вести, опираясь на хозяйственные вопросы, как говорили, «необходима постановка агитации среди беспартийных на конкретные хозяйственные рельсы»³⁹.

Заклинания о массовом характере колдоговорных кампаний стали общим местом. Вот, например, выступление наркома труда В. Шмидта на собрании работников профсоюзов: «Наиболее правильное разрешение вопросов, связанных с заработной платой, можно найти путем обсуждения коллективных договоров на массовых рабочих собраниях. Без этого профессиональные союзы рискуют очутиться в противоречии с желаниями и настроениями рабочих. Теперь, перед новым заключением договоров, нам, прежде всего, надо отчитаться перед рабочими, сначала посоветоваться с ними, а затем уже выработать условия договоров.

Массовый характер кампаний по заключению коллективных договоров совершенно обязателен»⁴⁰.

Очевидно, саму идею коллективных договоров пропагандировать нужды не было. Нужно было другое: снять негативные социальные последствия государственной политики в области трудовых отношений, убедить рабочих согласиться на предлагаемые условия.

На XIV съезде ВКП(б) М. Томский так сформулировал роль профсоюзов в колдоговорной кампании: «Профсоюз не дает фактически хозяйственникам гарантии за то, что рабочие на таких-то условиях действительно будут 6 месяцев работать и не будут добиваться никаких изменений. Так вот для того, чтобы он давал такие гарантии, для этого нужно, чтобы каждый из рабочих знал, в чем состоит договор, внес необходимые поправки, а хозяйственники и профессионалисты эти соображения учли бы. Тут, конечно, встает вопрос, а если рабочие на общем собрании будут больше требовать? <...> Нет такого рабочего, который не хотел бы зарплаты большей, чем та, которую он получает. Поэтому всегда и везде, и в буржуазном государстве, когда профсоюзы приходят на собрание для обсуждения с рабочими договора, рабочий требует больше, союз объясняет, почему нельзя получить

больше, каковы ресурсы данного предприятия, что можно взять, чего нельзя и т. д. Вот в процессе-то этих обсуждений и происходит втягивание рабочих и ознакомление их с истинным положением предприятия. Это требует не на словах, а на деле работы в массах, методов убеждения, доказательств, объяснения, воспитания, а не такой системы блока, когда в тиши кабинета вдвоем подписали коллективный договор и разослали»⁴¹.

Последнее массовое перезаключение коллективных договоров было произведено в 1933 г., а с 1934 г. колдоговоры не перезаключались до 1947 г. Это стало результатом усиления планового начала в экономике и централизованного регулирования заработной платы.

Примечания

¹ Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. – М., 2004; Урсалова О. В. Из истории правового регулирования коллективных договоров в России // Правоведение. – 2002. – № 3; Горелов О. И. Цугванг Михаила Томского. Штрихи к портрету. – М., 2000; Иванов С. А. Российское трудовое право: история и современность // Государство и право. – 1999. – № 5.

² Кодекс законов о труде // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1922. – № 70. – Ст. 903.

³ Законодательство о промышленности, торговле, труде и транспорте. – Ч. II. – М., 1923. – С. 560–564

⁴ Венедиктов А. В. Организация государственной промышленности в СССР. – М., 1961. – Т. II – С. 42.

⁵ Законодательство о промышленности, торговле, труде и транспорте... – Ч. II. – С. 556–558.

⁶ Вейнберг Г. Ближайшие перспективы Петроградской промышленности и политика заработной платы // Вестник профсоюзов. – 1922. – № 1. – С. 6.

⁷ Рабинович-Захарин С. Коллективный договор. – М., 1927. – С. 10.

⁸ Бибииков Ю., Москалев С. Профсоюзы Ленинграда в годы Советской власти. – М., 1960. – С. 58.

⁹Труд в СССР. Диаграммы. 1924-1926 гг. – М., 1926. – С. 16.

¹⁰Сафонова Е. И. Московские текстильщики в годы нэпа: квалификация и дифференциация в оплате труда // Экономическая история. Ежегодник. 2000. – М., 2001. – С. 390-391.

¹¹Бюллетень XIX-й конференции Петроградской губернской организации Р.К.П.(б.). № 5. – Пг., 1923. – С. 2.

¹²Восстановление промышленности Ленинграда (1921–1924 гг.). – Л., 1963. – С. 215.

¹³КПСС в резолюциях... – Т. 3. – М., 1984. – С. 293-296.

¹⁴Шмидт В. Итоги работы и задачи НКТ СССР. – М., 1927. – С. 25.

¹⁵«Вытиральный вопрос» (Монолог мастера) // Крокодил. – 1923. – № 31. – С. 991.

¹⁶ЦГАИПД СПб. – Ф. 16. – Оп. 5. – Д. 4800. – Л. 44–47.

¹⁷Василевский Л. Гигиена труда текстильщика // Вестник профсоюзов. – 1925. – № 6. – С. 15; Голубев. Охрана труда на заводе «Вена» // Там же. – С. 16; Физиологическое обследование утомляемости ткачих работниц на фабрике имени Желябова при переходе с 2-х станков на 4 // РГАЭ. – Ф. 3429. – Оп. 3. – Д. 287. – Л. 12–17 об.

¹⁸Цит. по: Бехтерева Л. Н. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 20-е гг. – Ижевск, 1999. – С. 53.

¹⁹Законодательство о промышленности, Торговле, труде и транспорте... – Ч. II. – С. 588.

²⁰Вестн. профсоюзов. – 1923. – № 5-6. – С. 87.

²¹Там же. – С. 94.

²²Такие данные содержит, например, докладная секретаря союза швейников в ТЭО ЛГСПС (22 октября 1924 г.) // ЦГА СПб. – Ф. 6276. – Оп. 99. – Д. 109. – Л. 83.

²³Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917-1929. Экономические конфликты и политический протест. – СПб., 2000. – С. 327–330.

²⁴Красная газета. – 1924. – 23 авг.

²⁵ЦГАИПД СПб. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 146. – Л. 5–76.

²⁶Правда. – 1927. – 1 нояб.

²⁷Заработная плата и колдоговорная кампания 1927/28 г. в ленинградской промышленности. – Л., 1928. – С. 15.

- ²⁸ Там же. – С. 57-59.
- ²⁹ Там же. – С. 64.
- ³⁰ Там же. – С. 65.
- ³¹ Питерские рабочие и диктатура пролетариата... – С. 384.
- ³² Заработная плата и колдоговорная кампания 1927/28 г. в ленинградской промышленности... – С. 68.
- ³³ Там же. – С. 69-70.
- ³⁴ Шишкин В. А. Власть. Политика. Экономика. – СПб., 1997. – С. 33.
- ³⁵ Колдоговорная кампания 1928–1929 г. – Л., 1928. – С. 24.
- ³⁶ Там же. – С. 27.
- ³⁷ Бехтерева Л. Н. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии... – С. 96.
- ³⁸ Рождение партийной номенклатуры // Вопр. истории. – 2005. – № 2. – С. 8.
- ³⁹ Там же. – С. 8.
- ⁴⁰ Рабочая газета. – 1925 – 10 июля.
- ⁴¹ XIV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. – М.; Л., 1926. – С. 731.

А. В. Мирясов
ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ КАК ФАКТОР
МОТИВАЦИИ ТРУДА РАБОЧИХ В 1920-е ГОДЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

«Свободу реализации потенциала мало получить, надо еще научиться при ней жить. Нужно к тому же ощущать свое право на выбор, то есть, осознавать, что мы действительно можем принимать решения, которые повлияют и на нашу собственную жизнь, и на жизнь других людей».

М. Фуко¹

В 1920-е годы особенно острой была жилищная проблема. Большинство городов Поволжья подверглось значительным разрушениям в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Большинство рабочих проживало в скверных

условиях. Они ютились в непригодных для жилья помещениях.

На протяжении 1920-х годов непрерывный приток рабочей силы в города не удовлетворялся ни жилищным строительством хозорганов, ни кооперативным строительством. Значительная часть притока размещалась по углам, причем частично за счет новых рабочих кадров происходило самоуплотнение рабочих, разместившихся в кооперативных домах, а также индивидуальных застройщиков, которые путем сдачи углов под наем старались возместить расходы по постройке, совершенно пренебрегая элементарными санитарно-гигиеническими условиями².

Более того, государство, осознавая всю сложность существующей проблемы и, на данном этапе, не имея возможности решить ее, вынуждено было идти на весьма не популярные действия. С точки зрения нормальной, здоровой экономики оплата коммунальных услуг не являлась бы крайней мерой, но существующие условия, которые даже во многом не позволяли рядовому рабочему сводить «концы с концами», не давали возможность прибегнуть к этим действиям. Все же принятые решения об оплате жилья повлекли за собой нежелательные последствия. Попытка создания более менее приемлемых условий проживания заняла все 1920-е годы.

С введением НЭПа, при сдаче части жилищного фонда в аренду и при переводе остальной части, а также и всего прочего коммунального хозяйства (водопровод, электричество станции и т. д.) на хозяйственный расчет, положение в корне изменилось. При этих условиях для восстановления и дальнейшего существования коммунального хозяйства необходимы были доходы, которые получались бы в виде оплаты потребителями всех коммунальных услуг. Это, понятно, должно было прекратить бесплатное предоставление их как всем гражданам, так и рабочим. Это, в свою очередь, поставило ряд вопросов о покрытии этих новых расходов на коммунальные услуги, что явилось основной сложностью.

Попыткой решение жилищного вопроса явилось постановление СНК РСФСР от 23 мая 1921 года: «О мерах

улучшения жилищных условий трудящихся и о мерах борьбы с разрушением жилищ». Опираясь на это постановление местные органы власти наметили целую систему мер по восстановлению разрушенного жилищного фонда. Губпрофсовет ввел строгий контроль за распределением жилья, добиваясь его закрепления преимущественно за рабочими. В целях экономного использования действующей жилплощади была установлена норма на одного человека по всей губернии³. Были взяты также на учет жилищные постройки, находившиеся за пределами города, что позволило наиболее полно и точно представить данную проблему.

С ликвидацией последствий голода началась усиленная работа по развитию жилищного хозяйства. Тем не менее, надо отметить, что условия проживания рабочих оставляли желать лучшего. «...Только небольшая часть рабочих имеют квартиры при фабрике, большая же их часть, по неимению жилых помещений, а главным образом, по причине частых заболеваний от малярии живут вдали от фабрик. Все квартиры, расположенные на территории фабрики, весной заливаются на половину нижних этажей. И поэтому люди в полном составе живут по две недели, а то и больше, на чердаках. Особенно пагубно это отражается на детях, процент заболеваемости коих, со смертельным исходом, очень велик. Помимо этого, непрерывное пребывание на зараженной малярии фабричной территории сопряжено с тяжелыми ежегодными болезнями. Такие жизненные условия на территории фабрики приводят к выводу о необходимости расквартирования рабочих вне фабрики, но на город рассчитывать совершенно не приходится, а свое строительство разворачивается довольно слабо»⁴.

Полосы местных периодических изданий пестрили подобного рода заметками: «Московская улица, дом № 7, квартира 1. Здесь при кухне и темной, без окон, прихожей живут за перегородкой две работницы фабрики “Маяк Революции” Лебедева и Макогонина. Первая одинокая. У второй семья: маленький ребенок и девочка 7 лет. Жилая площадь у них на четверых всего 12 аршин. Тут же еще проходит большая водопроводная труба, всегда холодная и сырая.

Обстановка жилья: две койки и маленький столик. Больше не только ничего поставить нельзя, даже встать негде. В углу холод, грязь, сырость, совершенная тьма. Работницы наживают ревматизм и слепнут в темноте. В таких условиях они ютятся уже два года»⁵. Это лишь та небольшая часть, зафиксированная в архивных документах, свидетельств жилищных условий. Надо отметить, что это было характерно лишь для рядовых рабочих, так как руководящий персонал обладал возможностью обеспечить себе достойное жилье. (см. приложение).

Уже со второй половины 1922 года союзы отказываются от этой «двойной» зарплаты и, добиваясь постепенного роста заработной платы, включают в нее и расходы на коммунальные услуги. Весьма противоречивая практика заработной платы в начале нэпа довольно ощутимо оказывала влияние на возможность разрешения жилищного вопроса рабочими в Пензенской губернии. В конечном счете, именно жилье являлось весомым аргументом и реальным стимулом увеличения заработка.

Сколько же рабочим приходилось тратить из своей зарплаты на покрытие коммунальных услуг? Произведенное по всей России в 1923 году обследование рабочих бюджетов показало, что из общих доходов рабочего по Москве на оплату жилища, топлива и освещения тратится до 15%. Если иметь в виду, что зарплата составляет лишь, по этому же обследованию, около 88–90% всех доходов рабочего, то выходит, что из зарплаты около 20% тратилось на коммунальные услуги.

С 1-го апреля 1923 года постановлением №41⁶ по Пензенской губернии была введена система исчисления квартирной платы:

1) Для рабочих и служащих, получающих заработную плату по минимальному тарифу, публикуемому Народным комиссариатом труда и тарифными соглашениями и безработным: (копеек за квадратный сажень⁷ жилой площади).

2) Для рабочих и служащих, получающих заработную плату по коллективным договорам и добровольным соглашениям: (рублей за квадратный сажень жилой площади).

Таблица 1

Квартирная плата по Пензенской губернии, введенная с 1-го апреля 1923 года постановлением №41 (для рабочих и служащих, получающих заработную плату по минимальному тарифу)

Разряды	1-й район			2-й район		
	с электричеством и водопроводом	с электричеством или водопроводом	без электричества и водопровода	с электричеством и водопроводом	с электричеством или водопроводом	без электричества и водопровода
Подвальные помещения	80*	50	30	40	20	10
полуподвальные помещения	120	100	80	90	60	40
1-й этаж	150	140	120	130	100	80
2-й этаж	160	150	130	140	110	90
3-й этаж и выше	140	130	110	120	90	70

*(данные в дензнаках образца 1923 года).

Таблица 2

Квартирная плата по Пензенской губернии, введенная с 1-го апреля 1923 года постановлением №41 (Для рабочих и служащих, получающих заработную плату по коллективным договорам и добровольным соглашениям)

разряды	1-й район			2-й район		
	С электричеством и водопроводом	С электричеством или водопроводом	Без электричества и водопровода	С электричеством и водопроводом	С электричеством или водопроводом	Без электричества и водопровода
Подвальные помещения	2,2*	1,35	0,9	1,1	0,5	0,3
полуподвальные помещения	3,3	2,6	2	2,3	1,4	0,8
1-й этаж	4,1	3,8	3,2	3,5	2,6	2
2-й этаж	4,4	4,1	3,5	3,8	2,9	2,3
3-й этаж и выше	3,8	3,5	2,9	3,2	2,3	1,7

*(данные в дензнаках образца 1923 года).

В Пензе электричеством пользовались всего лишь 10 % населения⁸. Обычным явлением домашнего обихода середины 20-х годов были печь буржуйка, керосиновая лампа и отхожее место одно на несколько домов⁹. Это обусловило большой процент в регионе социальных заболеваний. В 1923 году в Пензенской губернии на 10 000 жителей больных туберкулезом приходилось 40,8 человек (по сравнению с 1913 г. показатель удвоился).

Более того, наибольшая численность смертей приходилась на возрастную группу от 30 до 39 лет¹⁰. На долю смертей от туберкулеза в губернии приходилось 13,3%, а от тифа, скарлатины и дифтерии – свыше 70%¹¹. На основании статистических данных за 1928 по городу Пензе: «...наибольшее количество смертей детей до 10 лет. С 15 лет основным заболеванием является бугорчатка легких. Воспаление легких – заболевание всего возрастного периода. Итого: за 1928 год – общая смертность составила 1356 человек»¹² (из них 15% – смерть по причине заболевания легочной системы. – А. М.).

По данным бюджетных обследований, в 1927 году всего лишь 40% рабочих семей имели на каждого члена семьи отдельную кровать (см. приложение). Остальные были вынуждены спать вповалку или ночевать на полотах, сундуках, а часто на полу¹³. Что нашло свое отражение в «рабочем эпосе»:

Наплевать на кровать – Можно спать на полу.

Стол не гош – Пол на что ж!

Если плохо столу

А народ проживет!¹⁴

Дефицит жилой площади, недостаток денежных средств не позволяли приобрести предметы домашнего обихода, во многом определяли санитарное состояние помещений, их благоустройство. По обследованиям С. Г. Струмилина, 1/2 обследованных рабочих вообще не имели простыней, 1/4 – наволочек¹⁵.

Проверки и обследования, проводимые в первой половине 20-х годов, констатировали не только плохие условия проживания, но и удаленность мест проживания от мест работы. Имела место отдаленность жилищ от работы, доходящая до 15 км.

16 мая 1924 года СНК РСФСР принял постановление «О содействии кооперативному строительству рабочих жилищ», согласно которому были предоставлены льготы жилищно-строительной кооперации в виде долгосрочных ссуд из различных источников»¹⁶. Целью этого постановления являлось ускорение и интенсификация строительства жилых помещений для рабочих.

Фонд улучшения быта рабочих и служащих, созданный для финансирования поставленных задач был обязан 75 процентов своих средств расходовать на постройку нового жилья. В начале 1925 года в Пензенской губернии было организовано Оргбюро жилкооперации, находившееся под руководством ГСПС. К концу 1925 года по губернии имелось около 30 жилищно-арендных и 6 жилищно-строительных кооперативов¹⁷. Однако, основной проблемой, которая оставалась нерешенной на протяжении рассматриваемого периода, была экономическая маломощность профсоюзов, так как именно они в большей степени занимались решением означенной проблемы. Именно это не позволило в полной мере занять провозглашенную позицию¹⁸.

Быстрый темп роста населения губернии еще более усугубил положение в жилищной сфере¹⁹. В постановлении ЦК ВКП (б) «О жилищной кооперации» от 17 июля 1925 г. было признано угрожающее состояние в жилищной проблеме, и было принято ряд решений: всемерно содействовать развитию жилищно-строительной кооперации, в интересах роста рабочей жилищной кооперации необходимо теснейшее взаимодействие и согласование работы центрожилсоюза с ВЦСПС и ВСНХ²⁰.

С другой стороны, наличие огромного количества мелких предприятий с малым оборотом денежных средств предопределяло отсутствие возможности самостоятельно предприятию обеспечить своих рабочих жильем. В середине 1920-х годов жилищный кризис в Среднем Поволжье обострился в связи с ликвидацией уездов, вызвавшей переброски работников из уездов в города, а также приходом в ветхость старых помещений²¹.

Таким образом, приходится констатировать, что, в течение 1920-х годов жилищная проблема не улучшилась. В Пензе на одного человека в среднем приходилось 0,93 кв. сажени при

санитарной норме в 2 кв. сажени. В Среднем Поволжье душевая норма на человека составляла 5 кв.м. на человека, тогда как в среднем по РСФСР она равнялась 6,4 кв.м. Так, на Пензенском трубочном заводе данная проблема представлялась следующим образом: «Из числа размещенных, значительная часть рабочих живет вне мест расположения завода и добирается до завода от 3-х до 20-ти верст. В текущем сезоне завод будет обеспечен жилищами на 5% от общей потребности»²².

Таблица 3
*Жилищное положение на заводах военной промышленности*²³.

Предприятие	Площадь на каждую семью (в кв. саж).	Полезная площадь (в кв. саж).	Число работающих размещенных с семьями (раб).
Ижевский оружейный завод	1,4	1086	833
Ульяновский патронный завод	2,7	4898	1792
Ленинградский трубочный завод	6	1035	177
Самарский трубочный завод	7	783	153
Пензенский трубочный завод	6	973	151
Московский оружейный завод	2,5	2170	831

Как видно из таблицы, жильем была обеспечена лишь небольшая часть работающих на предприятии. Более того, реально предположить, что большая часть жилой площади была предоставлена управляющему персоналу. На очередном пленуме ЦК ВКП (б) в июле 1926 года отмечалось, «что жилищный вопрос становится одним из наиболее острых вопросов, без положительного решения которого невозможно сколько-нибудь значительное улучшение положения рабочих. Кроме того, усиливающийся жилищный кризис задерживает дальнейшее развертывание промышленности, являясь значительным препятствием в деле вовлечения рабочей силы в производство и отрицательно влияющим на рост производительности труда.

Для решения этой проблемы был создан постоянный фонд рабочего жилищного строительства, который составлялся из: бюджетного ассигнования, из отчислений от прибылей предприятия, из отчисления процента от госстраха, процент от квартирной платы. Наблюдение за деятельностью фонда, качеством строительства и реализацией поставленных задач было возложено на профсоюзы²⁴.

Стремление государства решить сложившуюся ситуацию в жилищной проблеме подтверждало значимость и важность их в трудовом процессе. «Интенсивность производительности труда зависит не только от машинного оборудования, нормального уровня заработной платы и рабочего времени, но еще в большей степени от условий домашнего быта рабочего. Интенсивность труда на фабрике не может быть так высока, как она была бы, если бы быт рабочего был избавлен от многих крупных и мелких проблем»²⁵, – было отмечено в циркулярном послании ЦК.

«Жилищное строительство в настоящее время имеет исключительное значение вообще, а в особенности в Пензенской губернии, где наблюдается жилищный кризис и отсутствие достаточных средств по бюджету на строительство, что заставляет на этот вопрос обратить самое серьезное внимание по линии удешевления жилищного строительства и постановки его на правильные рельсы. В этих целях необходимо, прежде всего, создать авторитетный строительный орган, в котором сосредоточить все строительство губернии, объединить незначительные в губернии технические силы, учесть весь квалифицированный кадр рабочих и объединить все заготовки строительных материалов.

В этом отношении шаги уже сделаны: в 1926 году организовался «Губстрой», который и вел в прошедшем году строительство. Последний, несмотря на недостаточно развернутые работы в губернии, все же имеет в этом отношении значительные достижения, а именно: всего произведено работ по предварительным сметам на 800 тысяч руб. (из них 40% на городское коммунальное строительство), что говорит за целесообразность создания «Губстроя».

Но, несмотря на отмеченные достижения, удешевления жилищного строительства еще не достигнуто. Это объясняется

тем, что «Губстрой» не имеет своего заготовительного аппарата, а также и своих кирпичных заводов, отчего получается удорожание строительства, поэтому мы имеем:

1) Двойные накладные расходы на строительный материал, так как Загпром на заготовительную себестоимость материалов прибавляет и, наверное, не мало, продавая их Губстрою; последний также накладывает на эти материалы. Получается, что жилищное строительство имеет строительные материалы с двойными накладными расходами.

2) Имея два административных аппарата (Губстрой и загаром), опять имеем двойные расходы. Сама заготовка строительных материалов и выделка кирпича, сосредоточенная в другом органе (не строительном), неизбежно влечет к случайным заготовкам случайных материалов, что дает строительству не те материалы, которые нужны, а также дает и несвоевременный выпуск кирпича. Чтобы избежать указанных ненормальностей и удешевить строительство, необходимо один из указанных органов упразднить»²⁶.

Однако уже на этом этапе работы появились искажения. Из-за отсутствия средств в 1926 году по губернии работало всего 5 жилищно-строительных кооперативов, которыми возведено 23 дома (вместо 84) и начато строительство еще 26 домов, которые планировалось закончить к середине 1927 года. Более того, «Согласно существующему постановлению центра, известный процент с прибылей предприятий отчисляется в фонд на улучшение быта рабочих. Фонды эти, в рамках отдельных предприятий, не представляют собой, особенно крупных средств и используются обычно для постройки небольших домов и ремонта уже имеющихся. Кроме того, иногда случается, что средства эти долгое время не идут по прямому назначению, а пускаются в обороты предприятий»²⁷.

Жилищный вопрос продолжал оставаться одним из наиболее больных и острых. В разрешении его, несмотря на все усилия и частичные успехи, подвинулись вперед очень не на много. Затраченные на жилищное строительство большие деньги из фондов улучшения быта рабочих, из оборотных средств промышленности и отчасти из средств местных исполкомов – в общем и целом,

жилищной нужды не ослабили. В большей своей части средства пошли на восстановление разрушенной жилой площади. Так, что по существу, учитывая расширение промышленности и увеличение числа рабочих, жилищное положение на фабриках не только не улучшилось, но, и, пожалуй, даже ухудшилось. «То, что мы строим в этом году, в виду происходящих сокращений строительных планов и вздорожания строительных работ тоже не сможет в какой бы то ни было степени смягчить жилищные условия. Планы строительства в будущем году, хотя еще окончательно не утвержденные ЦК нашего союза, не дают оснований надеяться на большие улучшения».

12 августа 1926 года СНК РСФСР одобрил новый закон о квартирной плате. Новая ставка квартирной платы вводится с 1-го сентября 1926 года. В каждом городе за единицу жилой площади устанавливается квадратный метр, оплачиваемый от 35 до 44 коп., что составляет в переводе на квадратный сажень от 1 руб. 60 коп. до 2-х руб. В городах с населением до 40 тысяч жителей оплата может понижаться до 26 коп. за квадратный метр. При отсутствии электрического освещения местным советам предоставлено право делать скидку с квартирной платы в 5 процентов. При отдаленности от центра, отсутствии водопровода и канализации скидка устанавливается не свыше 10 процентов.

Рабочие и служащие, получающие менее 125 руб. в месяц, получают скидки с квартирной платы: для получающих от 20 до 30 руб. – 75 процентов; для получающих от 31 до 40 руб. – 60 процентов; от 41 до 50 руб. – 55 процентов; от 51 до 60 руб. – 45 процентов; от 61 до 70 руб. – 35 процентов; от 71 до 80 руб. – 30 процентов; от 81 до 90 руб. – 25 процентов; от 91 до 100 руб. – 20 процентов; от 101 до 110 руб. – 15 процентов; от 111 до 124 руб. – 10 процентов.

Для получающих менее 20 рублей заработной платы, пособия или пенсии квартирная плата устанавливается в 25 копеек за квадратный сажень. Местным советам предоставлено право освобождать от квартирной платы только семьи красноармейцев. Для получающих больше 125 рублей устанавливается надбавка: сверх 2-х рублей за квадратный сажень к квартирной таксе на каждые 10 руб. заработка до 215 руб. – 15 коп. на сажень; сверх

215 руб. – 20 коп. С получающих более 385 руб. ставка квартирной платы установлена в тех же размерах, что и была до сих пор. Излишки жилой площади оплачиваются в тройном размере. Излишки, не достигающие половины нормы на семью и дополнительная площадь оплачивается в обычном размере²⁸.

Другой немаловажной причиной стало отсутствие стимулов работы профсоюзов, так как в распределении жилищного фонда они активного участия не принимали. Государственные органы, «свалив» решение поставленной проблемы на профсоюзы, также прекратили уделять внимание ее решению. Надо отметить то, что данный вопрос, на протяжении 20-х годов, решен не был. Это объясняет и такой факт, как постепенная отстраненность от поставленной проблемы. Основная работа по расширению и восстановлению жилищной площади в губернии велась только лишь Губжилсоюзом²⁹.

В конце 20-х годов произошло снижение капиталовложений на строительство жилой площади для рабочего населения, и, несмотря на то, что по Пензе средняя норма жилищной площади на человека была значительно выше, чем по Поволжью, наблюдалась острая нехватка жилья для рабочих. К 1928 году жилищное строительство в основном велось по линии профсоюзов металлистов³⁰.

Приложение³¹

Список имущества, находящегося в квартирах рабочих
и служащих пензенской писчебумажной фабрики
«Маяк Революции».

Составлен 1-го декабря 1926 года.

<i>Квартира Леонова Н. М. – Зав. Паросиловым хоз.</i>		
<i>(значилось на 1 октября 1925г.)</i>		
Предметы быта	количество	стоимость
Табуреток деревянных	1	1 руб.
Вешалка	1	0,5 руб.
Комод	1	13,5 руб.
Шкаф для платья	1	21 руб.

Продолжение таблицы

Предметы быта	количество	стоимость
Шкаф для книг	1	16 руб.
Стол из красного дерева	1	43 руб.
Кресел мягких	2	18 руб.
Шкаф из красного дерева	1	102,5 руб.
Буфет липовый	1	29 руб.
Стол липовый	1	10 руб.
Стол кухонный	1	2 руб.
Стульев венских	1	1,25 руб.
Люстра	1	22 руб.
Стол ореховый	1	14,5 руб.

(Поступило в январе 1926 года)

Стол письменный	1	55 руб.
Кровать детская	1	13,75 руб.
Кровать полутора спальная	1	45 руб.
Кровать односпальная английская	1	81 руб.
Кровать с матрасом	1	16,5 руб.
Диван	1	40 руб.
Кровать детская	1	15 руб.
Табуреток	4	6 руб.
Стульев венских	6	44 руб.
Ведер железных	3	4,5 руб.
Столов простых	2	15 руб.

Квартира Тюленева Е. – сеточник

Кровать железная старая	1	2,5 руб.
Табуреток	3	2 руб.
Стол простой	1	3 руб.

Продолжение таблицы

Предметы быта	количество	стоимость
---------------	------------	-----------

Квартира Бухгольца – обер – сеточник

Стол простой	2	12 руб.
Кровать железная	1	25 руб.
Диван	1	2 руб.
Табуреток	3	2 руб.

Квартира Козлова А. – сеточник

Стульев венских старых	2	2,6 руб.
Стол сосновый старый	1	3 руб.
Шкаф сосновый	1	4 руб.
Кровать железная	1	2,5 руб.

Квартира Белякова Г. В. – механик

Стол простой	1	4 руб.
Табуреток	4	2 руб.
Стол простой	1	3 руб.
Глушилка для углей	1	1,5 руб.
Кушетка простая	1	5 руб.
Ведро железное	1	1 руб.

Квартира Лезенова И. В. – ст. мастер

Табуреток	3	2 руб.
Стол простой	2	3 руб.
Стол простой	1	6 руб.
Табуретка	1	1,5 руб.

Квартира Кислицкого – сеточник

Стол простой	1	2 руб.
--------------	---	--------

Продолжение таблицы

Предметы быта	количество	стоимость
---------------	------------	-----------

Квартира Соколова – медник

Диван старый	1	2 руб.
Стульев венских старых	3	3 руб.
Лампа с абажуром	1	2 руб.

Квартира Гладких М. А. – механик

Шкаф сосновый	1	6,5 руб.
Кровать железная	1	2 руб.

Квартира Управляющего

(на 1 октября 1925 года)

Стол обеденный раздвижной	1	26,88 руб.
Стол письменный на тумбах	1	26 руб.
Умывальник мраморный	1	17 руб.
Стол сосновый кухонный	1	14 руб.
Комод	1	16 руб.
Тумба для цветов	1	5 руб.
Стол ломберный с сукном	1	15 руб.
Трюмо в раме из красного дерева	1	175,5 руб.
Гардероб простой	1	12 руб.
Табуреток	3	3 руб.
Телефон	1	48 руб.
Стульев венских	5	27,55 руб.
Кровать полотораспальная с матрацем	1	85 руб.

(Поступило в январе 1926 года)

Буфет	1	130,94 руб.
-------	---	-------------

Продолжение таблицы

Предметы быта	количество	стоимость
Совок для углей	1	0,2 руб.
Ухваты	2	0,3 руб.
Глушилка	1	0,3 руб.
Ведер оцинкованных	1	3 руб.
Ведер простых	2	2 руб.
Труба самоварная	1	0,2 руб.
Бак оцинкованный для воды	1	3 руб.
Кочерга	1	0,2 руб.
Вешалка простая	1	2 руб.
Этажерка для книг	1	15 руб.
Оттоманка	1	15,3 руб.
Карнизов	4	4 руб.
Плита кухонная металлическая	1	50 руб.

Квартира Панина С. В. – линовальщик

Буфет липовый	1	8 руб.
Кровать железная с матрасом	1	14 руб.

Квартира Шептунова Н. С. – рабочий

Гардероб	1	5 руб.
----------	---	--------

Квартира Петровой Т. А. – сортировщица бумаги

Стол письменный	1	19,5 руб.
-----------------	---	-----------

Квартира Решетникова Д. П. – шорник

Диван	1	4 руб.
-------	---	--------

Квартира Петрова Н. П. – рабочий

Стол простой	1	2,5 руб.
--------------	---	----------

Окончание таблицы

Предметы быта	количество	стоимость
Кровать железная	1	2,5 руб.

Квартира Журавлева П. П. – слесарь

Стол простой старый	1	9 руб.
---------------------	---	--------

Квартира Дудова В. Г. – Старший бум. мастер

Столов простых	3	17 руб.
Шкаф кухонный	1	9 руб.
Буфет	1	15 руб.
Гардероб	1	8 руб.
Комод	1	16 руб.
Табуреток	7	4 руб.
Стульев венских	9	11 руб.
Кровать железная простая	4	29 руб.
Стол – овал	1	2 руб.
Кровать железная с пружинным матрасом	2	84,62 руб.

Примечания

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. / Пер. с франц. – СПб., 1994. – С. 251.

² Труд в СССР: Сборник статей. – М., 1930. – С. 61.

³ ГАПО. – Ф. 218. – Оп. 1. – Д. 268. – Л. 7.

⁴ Там же. – Ф. 446. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 19–21.

⁵ Трудовая правда, №112, 24 мая, 1923. (Пенза).

⁶ Там же.

⁷ Сажень, русская мера длины. 1 сажень = 2,1336 метрам.

⁸ Бюджет и хозяйство Пензенской губернии 1925–1926г. Пенза, 1927. – С. 85.

⁹ ГАПО. – Ф. 85. – Оп. 1. – Д. 667. – ЛЗ–23; Д. 789. – Л. 1–54.

¹⁰ ГАРФ. – Ф. 374. – Оп. 20. – Д. 114.

¹¹ Бюджет и хозяйство Пензенской губернии 1925–1926г. – Пенза, 1927. – С. 113.

- ¹² ГАРФ. – Ф. 374. – Оп. 20. – Д. 95.
- ¹³ Струмилин С. Г. Бюджет рабочих и служащих. В.1. – М., 1929. – С. 67.
- ¹⁴ Там же. №8, 29 января 1926. (Москва).
- ¹⁵ Струмилин С. Г. Домашний быт. Проблемы экономики труда. – М., 1981. – С. 242.
- ¹⁶ История индустриализации СССР. (Документы и материалы). – Л., 1964. – С. 265–266.
- ¹⁷ ГАПО. – Ф. 261. – Оп. 1. – Д. 622. – Л. 39–40.
- ¹⁸ Там же. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 51.
- ¹⁹ Там же. – Ф. 261. – Оп. 1. – Д. 730. – Л. 111.
- ²⁰ КПСС в резолюциях... – Т. 3. – С. 400.
- ²¹ Бюджет и хозяйство Пензенской губернии 1925–1926гг. – Пенза, 1926. – С.85; ГАПО. – Ф. 2. – Оп. 4. – Д. 200. – Л. 150.
- ²² РГАЭ. – Ф. 2097. – Оп. 20. – Д. 277. – Л. 147.
- ²³ Там же. – Л. 148.
- ²⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1984. – Т.4. – С. 54–56.
- ²⁵ Голос текстилей, №29, 14 сентября, 1923. (Москва).
- ²⁶ Трудовая правда, №5, 8 января, 1927. (Пенза).
- ²⁷ Трудовая правда, №23, 30 января, 1927. (Пенза).
- ²⁸ Голос текстилей, №82, 19 августа 1926. (Москва).
- ²⁹ ГАПО. – Ф. 261. – Оп. 1. – Д. 687. – Л. 64.
- ³⁰ Там же. – Д. 688. – Л. 36.
- ³¹ Составлена по: ГАПО. – Ф. 294. – Оп. 1. – Д. 165. – Л. 81–87.

Д. А. Волков

РАБОЧИЕ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА РУКОВОДСТВА БОЛЬШЕВИКОВ
ПО ФОРМИРОВАНИЮ НОВЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ
КАДРОВ В НАЧАЛЕ НЭПА

К концу Гражданской войны советская республика переживала тяжелейший экономический и политический кризис. Ни теория, ни практика военного коммунизма не могли указать, как запустить механизм воспроизводства и обмена, который совсем не работал,

как выйти из создавшегося положения. В этих условиях РКП(б) начинает проводить новый курс. Новая экономическая политика и общественный порядок, порождению которого она способствовала, оказали большое влияние на все стороны социально-экономической жизни страны, и не в последнюю очередь – на практику выдвиженчества. Это объяснялось тем, что, во-первых, массовая мобилизация из армии привела к полустихийному перемещению людей, ранее выдвинутых на военную работу, в хозяйственные органы. Однако практика показала, что не каждый работник, выдвинутый в годы Гражданской войны на ответственный пост, мог справиться с руководящей хозяйственной работой так как для этого необходимы были соответствующая квалификация, подготовка и опыт. Во-вторых, начальный период НЭПа давал возможность продвигаться и закрепляться на руководящих постах лицам непролетарского происхождения, знавшим технологию производства и управления промышленными, торговыми и другими предприятиями. Их использование давало лучший эффект. В-третьих, в первые годы НЭПа несколько приостановился и сам процесс выдвижения рабочих, так как Гражданская война сократила численность рабочего класса. Промышленные предприятия многих крупных городов были разрушены или остановлены из-за отсутствия сырья, и, чтобы выжить, рабочие стали уходить в деревню. И, наконец, многие рабочие просто занялись «спекуляцией».

Правящая партия со всей осторожностью подходила к сложившейся ситуации, когда в экономике были разрешены и стали набирать силу капиталистические элементы, а рабочий класс, на который РКП(б) делала основной упор, все больше деклассировался. И, чтобы не потерять политического контроля, большевики еще пристальнее стали уделять внимание подбору и расстановке кадров. X съезд РКП(б) обязал ЦК и его оргбюро тщательно следить за выдвигающимися работниками и систематически и неуклонно втягивать их в соответствующую работу в центре и на местах¹. Особое внимание уделялось учету и выдвижению членов большевистской партии. От местных партийных организаций требовали правильного и

целесообразного их использования, для чего предполагалось введение строгого учета. Для этого были разработаны специальные карточки кандидатов к выдвижению, учетно-аттестационные карточки выдвигаемых для работы в уездном масштабе, карточки выдвигаемых к станку и выдвигаемых на ответственные должности, анкеты для ответственных политико-просветительных работников и т. п. Со временем учет выдвиженцев еще более специализируется и усложняется. Все ответственные работники, начиная с конца 1922 г., стали разбиваться на группы специализации по сетке, разработанной ЦК РКП(б). Кроме того, центр тяжести по выдвижению перемещается в низовые партийные ячейки. Они подбирали кандидатов на занятие не только партийно-советских должностей, но и административно-хозяйственных. Правда, в дальнейшем судьба этих выдвиженцев целиком и полностью зависела от вышестоящих партийных органов (райкомов, укомов, горкомов и т. д.). От них зависело не только выдвижение от станка или от сохи, или с менее ответственной на более ответственную работу, но и так называемые плановые перемещения и обратные выдвижения к станку и к сохе. Цель перемещений и обратных выдвижений состояла, во-первых, в том, чтобы как-то бороться с быстро разрастающимся бюрократизмом советских чиновников. Во-вторых, это был один из методов наказания. И, наконец, предполагалось, что тем самым расчищается дорога для новых выдвиженцев. Плановые перемещения производились в общереспубликанском масштабе каждые три месяца. Губкомы обязаны были пересылать в ЦК карточки на кандидатов к перемещению, указывая в них причину. Не менее 20 % ответственных работников, а иногда и гораздо более подвергались этой процедуре. Они проводились как по желанию, так и в обязательном порядке, как внутри губернии, так и за ее пределами. Правда, в практической деятельности часто встречались недоразумения, а иногда и злоупотребления. Например, внесенные в списки резерва к перемещению не работали, ликвидировали дела и ожидали перемещения.

Большое значение для выдвижения, особенно рабочих и крестьян, сыграла проведенная в 1921 г. массовая чистка РКП(б).

Она значительно сократила численный состав не только рядовых коммунистов, но и партийных руководителей. В Костроме, например, прошло громкое дело Чеснокова, члена РКП(б), занимавшего ответственный пост заведующего уфинотделом. В результате чистки было выявлено, что он ранее состоял в «Союзе русского народа»². Во Владимирской губернии число руководящих работников в ряде уездных и районных организаций сократилось на 30 %. Аналогичная ситуация была и в других губерниях Верхнего Поволжья. В связи с этим принимается решение о выдвижении на руководящие посты рядовых коммунистов-рабочих и крестьян. Чистка, способствуя их выдвижению, все же нанесла серьезный удар по руководящим кадрам провинции, нехватка которых была катастрофической. Так, например, в Костромской губернии на 1 300 вакантных мест имелось всего 365 работников. После чистки загруженность некоторых ответственных работников была просто колоссальной. Например, член бюро Костромского губкома Н. В. Хронин занимал 15 различных должностей³.

Таким образом, новая экономическая политика коренным образом изменила практику выдвижения по сравнению с первыми годами советской власти – она стала массовым явлением. Политикой выдвиженчества большевики предполагали бороться с разрастающимся бюрократизмом, использовать выдвижение как в целях поощрения, так и наказания.

Правда, очень часто эти благие намерения не приводили к нужным результатам. На практике местные советско-партийные органы подходили к выдвижению как к очередной ударной кампании. Жестко детерминированная система связей, когда сверху спускались указания, циркуляры, распоряжения, приказы, а нижестоящие органы должны были только подчиняться, не способствовали выявлению инициативных и знающих работников. Массовое выдвижение рабочих без соответствующей подготовки и обучения привело к резкому снижению культурно-образовательного уровня ответственных работников и дальнейшему укреплению административной системы. Кроме того, выдвиженцы не всегда выдерживали бремя власти. Быстро стала развиваться система привилегий, деление на «низы» и

«верха». НЭП, при сокращении монополии РКП(б) на власть, только способствовал укреплению этих явлений.

Однако кардинальные изменения, происходившие в стране, требовали большого количества новых кадров специалистов. Рабочая масса, занимаемая через систему выдвиженчества ответственные посты почти во всех отраслях народного хозяйства, постепенно меняла образ жизни, психологию поведения, а в конечном итоге и социальный статус. Без сомнения, это был только начальный этап длительного процесса, требовавший от выдвиженцев получения основательных теоретических и практических знаний. Но все же он явился одним из путей создания кадров будущей интеллигенции.

Примечания

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1983. – Т. 2. – С. 329.

² ЦДНИКО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 754. – Л. 36–49.

³ Там же. – Д. 753. – Л. 11.

С. А. Шипилов

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Глобальные изменения во всех сферах жизни современного общества заставляют по-новому взглянуть на многие явления и процессы, являющиеся неотъемлемыми компонентами и важнейшими составляющими мирового исторического процесса. К таким явлениям, несомненно, относится город.

Город является одним из наиболее сложных и многомерных объектов научного исследования, поэтому изучением его проблем занимаются ученые различных специальностей. Однако, по мнению современных ученых, рано говорить о разработке общей и универсальной теории городского развития, поскольку еще продолжается процесс накопления материала и его осмысление,

а также пересмотр ранее сложившихся подходов, идей и теорий. Изучение проблем развития населения в исторической динамике является одним из важных направлений отечественной историографии. Объективным процессом, отражающим изменения в социально-экономическом развитии городов, является динамика численности населения.

Рассмотрим данные процессы на примере трех уездных городов Костромской губернии: Галича, Чухломы и Солигалича.

К 1 января 1858 г. в Галичском уезде находилось 95 429 человек мужского и женского пола, в Солигаличском – 52 758, в Чухломском – 50 902¹. Галичский уезд имел населенность больше средней населенности уездов губернии (88 797 человек), остальные города – менее средней населенности уездов. Во всех городах и посадах Костромской губернии общее число жителей составляло 62 705 человек обоего пола, а в уездах – 1 002 872, следовательно, городское население относилось к сельскому как 1:16. В Галичском уезде городское население составляло 1/15 часть уездного населения; в Солигаличском и Чухломском уездах – едва 1/72. Численность населения в северо-западных городах Костромской губернии в 1857 г. представлено в таблице 1².

Таблица 1

Город	Число жителей мужского и женского пола
Галич	6 484
Чухлома	2 439
Солигалич	2 698

Числовое отношение народонаселения по половому признаку в Костромской губернии было следующим: на 1 000 мужчин приходилось 1 102 женщины. На 100 мужчин в Чухломском уезде приходилось 125 женщин, в Солигаличском – 115, в Галичском – 114. В городах на 100 мужчин приходилось женщин: в Галиче – 10, Солигаличе – 126, г. Чухломе – 134³.

Пространство, население и населенность уездов, городов и посадов губернии на 1870 г. приведены в таблице 2⁴.

Таблица 2

Уезды	Число кв. миль	Число кв. верст	Население		На 1 кв. миль приходится жителей	На 1 кв. версту приходится жителей
			В городах и посадах	В уездах		
Галичский	77,19	3735,1	5 651	88 670	1 225	25,2
Чухломский	62,08	3003,5	1 950	46 049	744	15,9
Солигаличский	71,23	3446,7	3 236	48 408	727	14,9

Из таблицы 2 видно, что площадь рассматриваемых уездов примерно одинакова. Однако население Галичского уезда почти в 2 раза превышало население Чухломского и Солигаличского. Население г. Галича также превышало население г. Чухломы более чем в 2 раза и население г. Солигалича – более чем в 1,5 раза. Плотность населения была самой высокой в том же Галичском уезде. В Чухломском и Солигаличском уездах плотность населения была примерно одинаковой и уступала Галичскому уезду более чем на 1/3.

Данные о числе населенных мест в конце 1860-х гг. представлены в таблице 3⁵.

Таблица 3

Населенные места	Галичский уезд	Чухломский уезд	Солигаличский уезд
Города и посады	1	1	1
Крестьянские селения	1 199	773	709
Частновладельческие усадьбы	233	98	138
Церковные погосты	94	45	36
Монастыри и общины	1	1	–
Почтовые станции	4	2	1
Заводы и фабрики, составляющие отдельные населенные места	–	1	2
Общее число отдельных населенных мест	1 332	840	810
Число населенных мест на 1 кв. милью	17,3	13,5	11,4
Число жителей на одно населенное место	66	54	59

Более всего крестьянских селений было в Галичском уезде. Это свидетельствует о большей плотности населения в этом уезде и лучшей освоенности земель в сельскохозяйственном и ином отношениях. Частновладельческих усадеб было больше в том же Галичском уезде. Это показатель большого развития в данном

уезде крепостного права (больше всего помещичьих крестьян было в Галичском уезде, затем шли Солигаличский и Чухломский уезды). Количество почтовых станций показывает, что почтовая служба была также больше развита в Галичском уезде. Большее число населенных мест, число населенных мест на 1 кв. милю, число жителей на одно населенное место также было в Галичском уезде, что говорит о большем экономическом развитии этого уезда.

Таким образом, данные статистики свидетельствуют, что наиболее развитым в экономическом, социальном и демографическом отношениях был Галичский уезд.

Непосредственная численность населения в изучаемых городах была следующей (табл. 4)⁶.

Таблица 4

Город	Население		
	М.п.	Ж.п.	Всего
Галич	2 677	2 910	5 587
Чухлома	831	1 032	1 863
Солигалич	1 296	1 692	2 988

Рассмотрев данные первой всеобщей переписи населения 1897 г., можно сделать следующие выводы. В Костромской губернии проживали 1 387 015 чел. обоего пола. Большинство населения Костромской губернии относилось к сельскому населению (93,2 %); в городах была сосредоточена очень незначительная его часть. Среди изучаемых нами городов по численности населения выделяется г. Галич (6 237 жит. об. пола). В Солигаличе и Чухломе проживало соответственно 3 419 и 2 202 жит. об. пола.

Возрастной состав населения городов характеризовался преобладанием групп моложе 10 лет и от 10 до 19 лет среди всех прочих возрастных групп. Далее наблюдалось падение, в особенности группы 20–29 лет по сравнению с предыдущей (10–19 лет), притом в мужском населении больше, чем в женском. Явление это может быть объяснено отходом городского населения на заработки (этим можно объяснить и преобладание женского населения над мужским). Значительное превосходство группы

детей моложе 10 лет над следующей возрастной группой 10–19 лет, особенно в Солигаличе (815 детей до 10 лет и 689 чел. от 10 до 19 лет) и Чухломе (428 детей до 10 лет и 358 чел. от 10 до 19 лет) можно объяснить большой детской смертностью.

Важный момент, который следует рассмотреть, – это сословный состав городов региона. Значимость этого объясняется большой ролью, которую играл сословный статус человека в дореволюционной России, что не могло не отражаться на многих сферах жизни горожан.

Одним из наиболее массовых сословий Российской империи являлось мещанство. По данным статистики, в конце 1860-х гг. мещан насчитывалось в Галиче – 2 886, в Чухломе – 593, в Солигаличе – 1 539⁷. Они составляли соответственно 51,7 %, 31,8 %, 51,5 % населения этих городов. Наименьшей доля мещанства была в Чухломе. В конце 90-х гг. XIX в. в Галиче насчитывалось 3 431 мещан, в Чухломе – 856, в Солигаличе – 1 478 чел.⁸ В процентном отношении они составляли соответственно 55, 38,9 и 43,2 %. Заметно уменьшение в количественном и в процентном отношении мещан в г. Солигаличе.

Мещанство являлось основным носителем городской культурной традиции. Мещане участвовали в общественной жизни своего города. Особенно заметно это было в небольших городах региона, где дворян и купцов было мало. Представители этого сословия часто избирались членами городских дум и управ.

Количество потомственных и личных дворян в городах и уездах в конце 50-х гг. XIX в. приведено в таблице 5⁹.

Т а б л и ц а 5

Город (уезды)	Потомственные		Личные	
	М.	Ж.	М.	Ж.
Галич	38	35	61	52
Чухлома	45	42	44	52
Солигалич	33	27	24	17
Галичский уезд	359	517	6	7
Чухломский уезд	152	240	11	6
Солигаличский уезд	309	385	10	16
Костромская губерния	2 353	2 733	1 407	1 391

В Галичском, Солигаличском и Чухломском уездах находилось большое количество дворян (сравнительно с другими уездами Костромской губернии). Как отмечал в своем исследовании Я. Крживоблоцкий, «большое число дворян живут вовсе без крестьян, нигде не служат, не имеют никакого образования. Они потеряли все достоинство дворянского звания и приблизились к крестьянскому быту». По данным Крживоблоцкого, в Галичском, Солигаличском, Буйском и Чухломском уездах находилось около 600 таких дворян. «Дворяне, имеющие менее 50 душ, в нравственном отношении стоят так же, как и беспоместные дворяне, на довольно низкой степени; большая часть из них считает службу священною обязанностью, тем не менее, по достижении первого офицерского чина как в военной, так и в гражданской службе, выходят в отставку и если не могут попасть на службу по выборам, то поселяются в своих поместьях и занимаются сельским хозяйством. Остальные дворяне, почти безвыездно живя в пределах своей губернии, зиму проводят в городах, и только очень богатые помещики, имея по несколько тысяч душ и обязанные службою в Санкт-Петербурге и Москве, живут в столицах. Средства существования здешних дворян, – отмечал далее Крживоблоцкий, – довольно скудны, что видно из доходов со всех имений, которые простираются до 3000000 руб. серебром, что составляет средним числом менее 600 руб. на душу; а если вычесть сумму на плату процентов за заложенные имения, то доход значительно уменьшится; так что большая часть дворян не в состоянии даже удовлетворить своим первым потребностям жизни, а тем более дать приличное, подобающее своему сословию, воспитание детям»¹⁰. В конце 1860-х гг. количество дворян было следующим (табл. 6)¹¹.

Т а б л и ц а 6

Города и уезды	Потомственные		Личные	
	М.	Ж.	М.	Ж.
Галич	116	101	44	55
Чухлома	69	73	36	41
Солигалич	65	81	29	23
Галичский уезд	248	326	26	32
Чухломский уезд	89	104	17	12
Солигаличский уезд	133	161	17	19
Костромская губерния	2 283	2 713	983	1 086

На конец XIX в. статистика о количестве дворян в городах и уездах представлена в таблице 7¹².

Т а б л и ц а 7

Город (уезд)	Потомственные		Личные	
	М.	Ж.	М.	Ж.
Галич	63	74	110	130
Чухлома	24	33	67	73
Солигалич	32	32	92	109
Галичский уезд	234	291	179	242
Чухломский уезд	97	157	115	138
Солигаличский уезд	167	237	137	174
Костромская губерния	1 992	2 640	2 944	3 507

Численность духовного сословия в конце 1960-х гг. представлена в таблице 8¹³.

Т а б л и ц а 8

Город (уезд)	Черное		Белое		Число мирян на душу духовного звания
	М.	Ж.	М.	Ж.	
Галич	–	45	321	140	12
Чухлома	–	–	42	50	26
Солигалич	–	–	93	105	13
Галичский уезд	17	–	951	1 294	42
Чухломский уезд	40	–	352	715	41
Солигаличский уезд	–	–	385	354	71
Костромская губерния	385	336	8 429	10 086	–

В состав черного духовенства могли поступить лица всех сословий. Белое духовенство пополнялось детьми священно- и церковнослужителей, получивших первоначальное образование в уездных духовных училищах, а окончательное – в губернской семинарии. Чтобы поставить сельских священников в возможную независимость от мирских нужд, правительство назначило жалованье духовенству от 58 руб. 85 коп. до 111 руб. 90 коп. каждому. Но нужно отметить, что на практике эта мера реализовывалась не везде¹⁴.

Количество купцов в изучаемых городах в 1857 г. было следующим (табл. 9)¹⁵.

Т а б л и ц а 9

Город (уезд)	Количество купцов	
	М.	Ж.
Галич	270	220
Чухлома	94	99
Солигалич	126	100
Галичский уезд	17	18
Чухломский уезд	55	80
Солигаличский уезд	4	6

В 1867 г. положение изменилось следующим образом (табл. 10)¹⁶.

Т а б л и ц а 10

Город (уезд)	Количество купцов	
	М.	Ж.
Галич	154	159
Чухлома	74	87
Солигалич	66	68
Галичский уезд	16	21
Чухломский уезд	32	29
Солигаличский уезд	12	14

Наконец, в конце XIX в. по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. количество купцов было следующим (табл. 11)¹⁷.

Т а б л и ц а 11

Город (уезд)	Количество купцов	
	М.	Ж.
Галич	91	98
Чухлома	89	72
Солигалич	66	80
Галичский уезд	103	114
Чухломский уезд	95	82
Солигаличский уезд	78	99

Сельские жители (крестьяне) составляли самое многочисленное сословие в уездах, в городах же их количество было незначительным. В конце XIX в., по данным всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., количество крестьян было следующим (табл. 12)¹⁸.

Т а б л и ц а 12

Город (уезд)	Количество крестьян	
	М.	Ж.
Галич	896	768
Чухлома	380	400
Солигалич	571	611
Галичский уезд	42 117	56 252
Чухломский уезд	19 154	28 475
Солигаличский уезд	24 770	32 676

Еще один важный вопрос, требующий рассмотрения, – это национально-конфессиональный состав населения городов. Сложность изучения национального состава населения России дореволюционного периода заключается в том, что вплоть до конца XIX в. в империи практически не проводился учет населения по национальному признаку. Если в XVIII в. ревизии, как правило, фиксировали отдельно различные этносы империи, то в 1-й половине XIX в. ревизии постепенно перестали фиксировать этническую принадлежность жителей России. Начиная с 40-х годов XIX в. в ежегодных отчетах губернаторов, составляемых на основании данных ревизского, церковного и текущего административно-полицейского учетов населения, вновь появляются сведения об этническом составе населения (в графах «инородцы и иноверцы»).

Во второй половине XIX – начале XX в. этническая принадлежность фиксировалась текущим административно-полицейским учетом. Однако подобный учет проводился далеко не всегда и не везде. Гораздо чаще учитывался вероисповедный состав населения. Наиболее полные данные о национальном составе населения имеются в материалах переписи 1897 г., которая фиксировала родной язык. Необходимо сказать, что учет этнического состава населения на основании языковой

принадлежности искажал численность ряда этносов, в частности, несколько завышал численность русских. В силу этого изучение национального состава населения уездных городов Костромской губернии представляет определенные сложности. Состав наличного населения обоего пола по родному языку в конце XIX в. представлен в таблице 13¹⁹.

Т а б л и ц а 13

Город (уезд)	Всего обоего пола	Великорусский с мало- и белорусским	Польский	Латышский	Немецкий	Еврейский	Черемисский	Татарский	Остальные
Кострома	41 336	39 443	513	30	123	531	16	580	100
Галичский уезд	107 609	107 335	13	189	10	56	–	5	1
Галич	6 237	6 167	7	3	5	55	–	–	–
Солигаличский уезд	62 543	62 461	11	29	7	2	–	22	11
Солигалич	3 419	3 401	5	–	1	–	–	9	3
Чухломский уезд	52 407	52 308	15	38	23	7	–	11	5
Чухлома	2 202	2 180	5	1	6	3	–	3	4
Всего в губернии	1 387 015	1 381 778	703	327	289	830	2 001	729	358

Согласно статистике, подавляющее большинство населения городов и уездов говорило на великорусском, мало- и белорусском языках (Галич – 98,9 %, уезд – 99,7 %, Солигалич – 99,5 %, уезд – 99,9 %, Чухлома – 99 %, уезд – 99,8 %).

Национально-конфессиональный состав населения уездных городов Костромской губернии не был однородным. В таблице 14 показан состав наличного населения обоего пола по вероисповеданию в конце XIX в.²⁰

Согласно таблице 14, подавляющее большинство населения городов – православные (в Галиче – 99,8 %, в Солигаличе – 99,2 %, в Чухломе – 99,1 %). То же можно сказать о Костромской губернии в целом (96,9 % православного населения) и об уездах (99,6 % в Галичском, 99,9 % в Солигаличском и 99,8 % в Чухломском). Кроме православных, к числу русских можно также отнести и старообрядцев, официально именовавшихся раскольниками.

Т а б л и ц а 14

Город (уезд)	Всего обоего пола	Правосла вные с единовер цами	Старообр ядцы и уклоняю щиеся от православ ния	Римско-католики	Протеста нты разных исповеда ний	Магометане	Иудеи	Остальные	
								Христиане	Нехристиане
Кострома	41 336	39 216	201	599	172	582	546	18	2
Галицкий уезд	107 609	107 225	116	14	195	5	54	-	-
Галич	6 237	6 163	1	9	11	-	53	-	-
Солигаличский уезд	62 543	62 458	9	14	36	22	2	2	-
Солигалич	3 419	3 395	8	7	-	9	-	-	-
Чухломский уезд	52 407	52 286	30	17	57	10	-	-	-
Чухлома	2 202	2 184	5	3	5	3	2	-	-
Всего в губернии	1 387 015	1 344 103	39 718	837	657	798	863	37	2

Таким образом, изучаемые уездные города относятся к числу малых (Чухлома и Солигалич) и средних (Галич). Рост населения в изучаемый период был очень незначительным. Динамика численности населения была неравномерна на протяжении изучаемого периода. Демографические спады сменялись ростом и наоборот. Уровень грамотности населения в городах был достаточно высоким (в Солигаличе чуть менее, а в Галиче и Чухломе более 50 % мужского населения) и был незначительно ниже, чем в губернском городе Костроме (средний процент грамотного населения по всей Костромской губернии составлял в конце XIX в. всего 24 %). Кроме того, в этом отношении на протяжении изучаемого периода наблюдалась положительная динамика.

Население городов региона имело сложный сословный национальный и конфессиональный состав. Самым массовым сословием городов было мещанство. Весьма значительную часть городского населения середины XIX – начала XX в. составляли выходцы из деревни. Подавляющее большинство жителей городов были русскими и православными.

Примечания

¹ Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – СПб., 1861. – С. 169–170.

² Статистическое обозрение Костромской губернии на основании переписи 1867 г. – СПб., 1871. – С. 7.

³ Крживоблоцкий Я. Указ соч. – С. 172 – 174.

⁴ Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. 1. – Кострома, 1870. – Л. 4, 5.

⁵ Там же. – Л. 6.

⁶ Там же. – Л. 8, 9.

⁷ Там же. – Л. 48–53.

⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел / Под ред. Н. А. Тройницкого. XVIII. Костромская губерния.

⁹ Крживоблоцкий Я. Указ. соч. – С. 189–190.

- ¹⁰ Там же. – С. 191.
¹¹ Материалы для статистики... – Л. 48–53.
¹² Первая всеобщая перепись Российской империи...
¹³ Крживоблоцкий Я. Указ. соч. – С. 191–192.
¹⁴ Там же. – С. 193.
¹⁵ Там же. – С. 193.
¹⁶ Материалы для статистики... – Л. 48–53.
¹⁷ Первая всеобщая перепись Российской империи...
¹⁸ Там же.
¹⁹ Там же.
²⁰ Там же.

Р. В.Рябинцев

**О ПРОЕКТЕ РЕОРГАНИЗАЦИИ ФАБРИЧНОЙ
ПОЛИЦИИ В 1901 ГОДУ**

В конце XIX – начале XX в. в России происходит рост революционного движения среди рабочих, борьба которых в основном выражалась в стачках. Только за период с 1894 по 1897 г. стачечное движение возросло в 3,5 раза, а число стачечников увеличилось в 1,5 раза¹. С каждым годом движение становилось все более массовым и организованным. Так, по числу стачек в 1895–1904 гг., в сравнении с предшествующим десятилетием (1885–1894) наблюдался рост в 3 раза, а по числу участников – в 2,5 раза².

Все это обусловило процесс реформирования всей системы политического сыска, в том числе и усиление губернских жандармских управлений (ГЖУ).

В октябре 1900 г. Штаб корпуса жандармов рассылает в ГЖУ предписание «о предоставлении в Штаб своих соображений относительно изменения организации и порядка деятельности этих учреждений». В ответ на письмо в течение двух лет начальники жандармских управлений присылали свои отчеты, справки, предложения и проекты по реорганизации политического сыска на местах. Так, например, начальник Воронежского ГЖУ Н. В. Васильев подготовил доклад на тему: «Обзор современных условий служебного положения губернского жандармского

управления и ряд соображений относительно изменения их организации и порядка деятельности». Автор критически оценивал состояние политического сыска и предлагал для более эффективной деятельности жандармских управлений организовать курсы повышения квалификации работников сыска³.

Сотрудники Костромского жандармского управления не остались в стороне и подготовили проект, связанный с реорганизацией фабричной полиции в губернии.

В конце весны 1901 г. из Департамента полиции на имя начальника КГЖУ пришло извещение о запланированной на летние месяцы поездке министра внутренних дел Д. С. Сипягина по ряду губерний, включая Костромскую. Департамент приказал полковнику К. Е. Кемпе принять все меры для обеспечения безопасности министра⁴.

Д. С. Сипягин пробыл в Костромской губернии семь дней⁵. Все эти дни местные полицейские и жандармские власти обеспечивали его личную охрану. Во время посещения Костромы министр дал указание местному жандармскому управлению предоставить свои соображения о проекте реорганизации фабричной полиции путем замены ее жандармскими частями.

Полковник К. Е. Кемпе подготовил расчеты по проекту и пояснительную записку. В ней он отметил, что фабричная полиция состоит из полицейских надзирателей и полицейских служителей, подчиненных исправнику или полицмейстеру. В силу занятости, ни полицмейстер, ни исправник не имеют возможности уделять особое внимание фабричным делам. Отсутствие особого контроля со стороны начальства способствовало тому, что надзиратели менее ответственно подходили к выполнению своих обязанностей.

Начальник КГЖУ в своей записке отмечал рост числа совершенных преступлений на фабриках губернии, причем не столько уголовных, сколько политических: антиправительственные выступления, стачки и забастовки. Жандармам, расследовавшим преступления, иногда очень трудно определить причины выступлений рабочих. Сведения они получают в основном из донесений агентов, которые зачастую очень расплывчаты и не всегда достоверны. В

результате чего, делает вывод полковник Кемпе, фабричная полиция не справляется со своими обязанностями по охране порядка⁶.

Начальник жандармского управления предлагал направить унтер-офицеров в те районы губернии, где, по его мнению, ослаблен полицейский контроль на фабриках. Новая, как он назвал, жандармская полиция должна состоять из нескольких унтер-офицеров под руководством вахмистра, деятельность которых курирует жандармский офицер, отвечающий за порядок в этом районе. Унтер-офицерам настоятельно рекомендовалось ознакомиться со всеми работниками на фабриках, для этого предполагалось, что фабричные чиновники будут приносить им на ознакомление заявления рабочих о приеме на работу.

Полковник Кемпе предлагал ввести в штат управления новую должность помощника, который будет курировать деятельность жандармских унтер-офицеров на фабриках. Также планировалось, что по всем «выдающимся» происшествиям расследования должны проводить жандармские офицеры. Нижним чинам необходимо доложить о случившемся и до приезда на место происшествия офицера охранять следы преступления и собирать все необходимые для дознания сведения. Начальник КГЖУ предлагал подчинить унтер-офицерам сторожей, дворников фабрики, которые могли оказывать им содействие в охранной службе. Так, например, конвоировать рабочих в арестантские дома⁷.

К пояснительной записке министру авторы проекта представили ведомость распределения жандармских унтер-офицеров для замены существовавшей фабричной полиции, с указанием их содержания. Предлагалось заменить надзирателей на фабриках в трех уездах: Нерехтском, Кинешемском, Юрьевецком, а также в городе Костроме (см. табл.).

Таблица

Территория	Вахмистр (денежное содержание)	Унтер-офицер (де- нежное содержание)	Канц. товары	Обмундиро- вание	Итого
Кострома	2 (480 руб.)	8 (1 440 руб.)	50 руб.	325 руб.	2 295 руб.
Нерехтский уезд	3 (720 руб.)	17 (3 060 руб.)	100 руб.	450 руб.	4 530 руб.
Кинешемский уезд	4 (960 руб.)	33 (5 940 руб.)	185 руб.	1 202 руб.	8 287 руб.
Юрьевецкий уезд	1 (240 руб.)	5 (900 руб.)	30 руб.	195 руб.	1 365 руб.
Итого на реорга- низацию	10 (2 400 руб.)	63 (11340 руб.)	965 руб.*	2 372 руб.	17 077 руб.

*Дополнительно выделялось 600 руб. на канцелярские расходы двух помощников начальника КГЖУ в Костроме и в Кинешемском уезде.

Таким образом, из таблицы видно, что по проекту полковника Кемпе предполагалось увеличение штата жандармского управления на 75 человек (включая двух помощников начальника управления). На момент подготовки пояснительной записки на указанных территориях службу несли 8 жандармских унтер-офицеров, на содержание которых уходило 1 740 рублей в год. В связи с тем, что в Кинешемском уезде располагалось значительное количество фабрик и заводов, на которых трудились многочисленные группы рабочих, подверженных революционной агитации, начальник КГЖУ планировал разместить большой штат жандармов, которые смогли бы обеспечивать порядок на местности.

Сотрудники жандармского управления подготовили для Д. С. Сипягина ведомость о распределении чиновников существующей фабричной полиции на заводах и фабриках Костромской губернии. По ведомости выходило, что в губернии служат 94 чиновника фабричной полиции. На содержание полицейских уходило 19 347 рублей в год, что на две с половиной тысячи рублей больше предлагаемого жандармами проекта⁸.

Полковник К. Е. Кемпе вместе с наиболее опытными сотрудниками КГЖУ пришел к выводу, что замена фабричной полиции на жандармов будет выгодной как в экономическом, так и в политическом отношении⁹.

К сожалению, нам не удалось обнаружить документов, свидетельствовавших о реакции министра внутренних дел на подготовленный костромскими жандармами проект реорганизации фабричной полиции. В своем отчете Д. С. Сипягин кратко упомянул о деятельности костромской полиции: «Мною в действии чинов полиции Костромской губернии, при обзоре последней, усмотрено усердие и надлежащая распорядительность, но недостаток личного состава чинов полиции и скудность их содержания являются значительным тормозом в их деятельности, требующим возможно скорого устранения»¹⁰.

Примечания

¹ См: История КПСС. Т. 1. – М., 1965. – С. 189.

² Белов М. Н. О борьбе пролетариата центральной России накануне первой русской революции (к вопросу о статистике

стачек в 1895–1904 гг.). // Из истории классовой борьбы и национально-освободительного движения. – Ярославль, 1976. – С. 47.

³ См.: Перегудова З. И Политический сыск России (1880–1917). – М., 2000. – С. 111.

⁴ См.: ГАКО. – Ф. 749. – Оп. 1. – Д. 145. – Л. 1.

⁵ См., напр.: Сорокин Н. В. Д. С. Сипягин о кустарных промыслах Костромской губернии // История крестьянства в России: Материалы Шестнадцатой Всероссийской заочной науч. конф. – СПб., 2000. – С. 33–35.

⁶ ГАКО. – Ф. 749. – Оп. 1. – Д. 145. – Л. 5.

⁷ Там же. – Л. 7.

⁸ Там же. – Л. 19.

⁹ Там же. – Л. 22.

¹⁰ РГИА. – Ф. 1282. – Оп. 3. – Д. 549. – Л. 101–102.

И. В. Шильникова

«ЖЕНЩИНЫ СГОВОРЧИВЕЕ МУЖЧИН И ЛАДИТЬ С НИМИ ЛЕГЧЕ»: К ВОПРОСУ ОБ ОПЛАТЕ ТРУДА И ПОЛОЖЕНИИ НА ПРОИЗВОДСТВЕ ЖЕНЩИН-РАБОТНИЦ В НАЧАЛЕ XX В. (НА МАТЕРИАЛАХ ЯРОСЛАВСКОЙ БОЛЬШОЙ МАНУФАКТУРЫ)*

Ярославская Большая Мануфактура (ЯБМ) – одно из крупнейших и старейших текстильных предприятий России, основанное в 1722 г. по личному указу Петра I. Предприятие за свою историю неоднократно меняло владельцев, которые стремились укреплять его экономическое положение и расширять производство. После пожара, происшедшего летом 1845 г. и уничтожившего несколько производственных зданий, предприятие пришло в упадок. В 1857 г. за бесценок (85 000 рублей) мануфактура была выкуплена московскими купцами Карзинкиными и Игумновым. Они занимались розничной торговлей полотняными изделиями, обладали немалыми

* Работа поддержана РГНФ (проект № 05-01-01240а).

капиталами, хорошо знали текстильное производство. Основание в 1858 г. Товарищества на паях со значительно суммой капитала позволило московским предпринимателям создать одно из передовых предприятий текстильной отрасли в России. К началу 1890-х гг. предприятие состояло из двух самостоятельных фабрик, на которых были сосредоточены основные производства – прядильное и ткацкое. Помимо этого на ЯБМ существовало значительное количество вспомогательных производств: лесопильное, столярно-модельное, токарно-катушечное, чугунно-литейное, медно-бронзо-литейное.

К 1890 г. по величине производства ЯБМ занимала среди всех фабрично-заводских предприятий Европейской России 9-е место, а среди текстильных – 4-е. Прибыли Товарищества постоянно росли. К началу XX в. основной капитал компании составил 6 млн., а запасной – 1,5 млн. рублей. Увеличивалось количество станков (особенно крутильных веретен и ткацких станков), соответственно возрастала и численность рабочих, трудившихся на предприятии, причем состав их постепенно менялся. Если в 1888 г. мужчины составляли более 62 % от числа всех рабочих, то к 1893–1894 гг. эта цифра снизилась до 55 %. За тот же период доля женского труда возросла с 35,7 до 44 % . В последующие годы данная тенденция сохранялась.

В 1913 г. на предприятии работало 9 280 человек (по сравнению с 6 431 рабочим в 1888 г.). ЯБМ являлась крупнейшим производством в губернии и входила в число самых значительных, высокоприбыльных предприятий России.

В Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО) имеется фонд Ярославской Большой Мануфактуры, в котором сохранился большой комплекс документов, позволяющих составить представление не только о деятельности предприятия в целом, но и охарактеризовать положение различных групп рабочих (в том числе отдельно мужчин и женщин). Уникальную информацию порой содержат личные дела рабочих, которых в фонде предприятия насчитывается порядка 20 тыс. В них указывался возраст работника, территориальное и социальное происхождение, семейное положение, место проживания. В «Справке о прохождении службы на ЯБМ» приводятся данные

о прогулах и взысканиях, об изменении занимаемой должности и соответственно размера заработка, о каких-либо дополнительных выплатах (пособия, награды и пр.) и т. д. Ценность этого источника в том, что он позволяет «спускаться» на уровень отдельного работника, рассматривать конкретные ситуации, которые в своей сумме и дают возможность вывести закономерности, определить преобладающие тенденции.

Важным источником стали расчетные ведомости, по которым рабочим предприятия выдавался заработок. На ЯБМ они представляли собой ежемесячную документацию: на каждый месяц приходилась одна ведомость, причем в ней зачастую могла находиться информация по рабочим сразу нескольких отделений. В такой расчетной ведомости указаны фамилия и имя рабочего, его специальность, число отработанных дней, размер причитающегося заработка и вид его начисления (месячная или почасовая ставка, сдельный заработок). Также указываются иные выплаты и вычеты: квартирные деньги, долг конторы за прошедшие месяцы, штрафы, выплаты долга по ссудам. Используя сохранившиеся расчетные ведомости в комплексе с другими источниками, можно составить достаточно точное представление о размерах заработка и видах его начисления в зависимости от квалификации, половозрастных характеристик работников¹.

Помимо вышеуказанных групп источников, нами использовались сохранившиеся за ряд лет «Книги уволенных рабочих»; книги записи просьб рабочих, поступавших в фабричную администрацию; книги выплаты ссуд, наград, пособий и т. д.

В исследовательской литературе давно укрепился тезис о неравном положении на предприятиях дореволюционной России мужчин и женщин. В первую очередь акцент

делался на неравенстве оплаты труда этих групп рабочих. Мы попытались определить, следствием чего являлась ситуация, когда положение на производстве мужчин и женщин – работников одного предприятия – заметно различалось, причем не только размером заработка.

Сразу следует отметить, что далеко не во всех сферах женщины находились в менее выгодном положении по сравнению с

мужчинами. В ряде вопросов пол работника не имел никакого значения. Эти сферы, на наш взгляд, также необходимо выделить для того, чтобы получить более объемную картину, более полно охарактеризовать положение на производстве работников в зависимости от их половозрастных характеристик, квалификации.

В первую очередь обратимся к вопросам оплаты труда мужчин и женщин, работавших на ЯБМ. В конце XIX в. большинство специальностей находились на временной оплате труда. Дифференциация в оплате труда была весьма значительной: зарплата квалифицированных рабочих, как правило, в 1,5–3 раза превосходила зарплату неквалифицированных.

Фабричная администрация могла использовать различные формы оплаты труда работников предприятия: сдельную, временную форму, реже – месячную ставку. Расчетные ведомости показывают, что независимо от формы оплаты труда женский труд оплачивался значительно ниже мужского. Например, у ткачей разница могла составлять 12–15 коп. в день, у ленточников – 18–19 коп., у банкаброшников на толстых машинах около 20 коп. Работники этих специальностей в начале XX в. находились на сдельной оплате труда.

Поденные ставки женщин, работавших в ткацком и отбельном отделениях фабрики, были значительно ниже, чем у мужчин той же специальности. Например, в 1908 г. ставка уборщицы товара в отбельном отделении составляла 40–50 коп. в день, тогда как у мужчин, выполнявших ту же работу, достигала 85 коп. Эта разница сохранялась и в 1913–1914 гг.

В 1913 г. женщины составляли около 15 % от числа всех рабочих ткацкого отделения и около 35,5 % рабочих отбельного отделения. Размер их поденной ставки, независимо от специальности, по-прежнему колебался в пределах 40–55 коп., составляя в среднем около 47 коп. в ткацком отделении и около 49 коп. в отбельном. У мужчин в этот же период разница в размере поденных ставок для рабочих различных специальностей была значительно больше: в отбельном отделении она составляла 0,50–1,50 руб. (т. е. максимальная ставка превышала минимальную в 3 раза), в ткацком отделении 0,35–1,40 руб. (в 4 раза), в слесарной мастерской 0,30–1,40 руб. (в 4,7 раза).

Ставка оплаты женского труда практически не зависела от стажа. При найме на фабрику новой работницы ей могли первоначально платить лишь половину поденной ставки остальных работниц этой специальности. Но через 1–3 месяца она, как правило, начинала получать полную ставку, размер которой мог не меняться на протяжении нескольких лет.

Анализ материалов из личных дел работников ЯБМ показан, что месячная ставка была предпочтительнее для рабочего с точки зрения возможности дальнейшего профессионального и должностного роста и укрепления материального положения. На этот вид оплаты труда женщины переводились крайне редко. Среди работавших в начале XX в. на ЯБМ женщин нам встретилась лишь одна, находившаяся на месячной ставке. В 1913 г. уборщица товара в отбельном отделении получала 20 руб. в месяц, тогда как остальные работницы этой же специальности, находившиеся на поденной ставке, около 12 руб. Возможно, это объясняется тем, что она являлась старшей и несла ответственность за работу всей группы (50 человек). Тем не менее, размер ее ставки был ровно в 2 раза меньше, чем у мужчины той же специальности и выполнявшего те же обязанности.

Интересные замечания по поводу оплаты женского труда содержатся в «Записке» А. Ф. Грязнова² на имя владельцев предприятия, которую он подготовил в конце 1904 г. и в которой обосновывал оправданность и рациональность перевода всей мануфактуры на 18-часовую работу (т. е. одна смена – 9 часов), в опережение общероссийского законодательства. Управляющий пишет: «... одним из основных последствий перехода Мануфактуры на 18-часовую работу явится возможность замещения должностей газовщиков, ленточников и банкаброшников, **ЗАНЯТЫХ НЫНЕ ВЗРОСЛЫМИ МУЖЧИНАМИ, ЖЕНЩИНАМИ И ПОДРОСТКАМИ.** ...Замена эта даст Мануфактуре, во-первых, некоторое удешевление стоимости производства, ибо *труд женщин на Мануфактуре оплачивается дешевле мужчин* [курсив автора]; во-вторых, [позволит] расширить область применения женского труда, соответственно сократив применение труда мужского, – обстоятельство особо важное для Мануфактуры при ее

хроническом недостатке взрослых рабочих-мужчин и избытке женщин»³.

В этой же «Записке» можно найти одно из возможных объяснений меньшего размера жалования женщин, выполнявших одинаковую с мужчинами работу. До 1905 г. в целом ряде специальностей рабочий день мужчин, находившихся на повременной оплате, мог составлять 10 часов, а женщин, выполнявших ту же работу и находившихся на такой же форме оплаты, – 9 часов. В частности, А. Ф. Грязнов отмечал: «...одним из последствий перехода Мануфактуры на 18-часовую работу явится ВОЗМОЖНОСТЬ РАСШИРИТЬ ПРИМЕНЕНИЕ В ТКАЦКОЙ ЖЕНСКОГО ТРУДА. В настоящее время работа в ткацкой на ЯБМ ведется двумя комплектами рабочих: мужчинами и женщинами. В ткачах на мануфактуре всегда, а в особенности в летние месяцы, чувствуется недостаток, почему всегда бывает некоторый простой станков; в ткачихах же, наоборот, всегда избыток. Так как ткацкая работает по 20 часов в сутки, то по силе требований *ст.122 Уст. о пром.* заменять недостающих ткачей ткачихами, хотя бы в летние месяцы, невозможно. При переходе же ткацкой на 18-часовую работу и при работе обеих смен по 9 часов в сутки ткачихи, по силе *ст. 123 Уст. о пром.*, могут работать с 4-х часов утра до 10-ти часов вечера, и поэтому условия пользования трудом ткачей и ткачих сделаются одинаковыми. Тогда, в случае недостатка ткачей, места их можно будет замещать женщинами, и таким образом недостаток ткачей устранится»⁴.

Как свидетельствуют источники, за период 1908–1914 гг. очень существенно выросла задолженность предприятия рабочим по заработной плате. Это хорошо просматривается по сохранившимся расчетным ведомостям ряда отделений ЯБМ и слесарной мастерской за некоторые месяцы 1908, 1913 и 1914 гг.⁵, причем, рабочим ряда специальностей (сравнительно высокооплачиваемых, а значит – преимущественно «мужских») зарплату почти всегда выдавали целиком. Долги росли, прежде всего, за счет невыплат жещинам-работницам фабрики. Этот момент можно рассматривать как элемент дискриминации, являвшейся следствием сложившейся практики. Фабричная администрация приводила два основных довода в пользу именно

такого решения вопроса: 1) женщины были в меньшей степени склонны к активным формам протеста по сравнению с мужчинами (А. Ф. Грязнов: «...женщины сговорчивее мужчин и ладить с ними легче»⁶); 2) в случае увольнения по инициативе рабочего, женщину на предприятии было заменить несравнимо легче, чем квалифицированного работника-мужчину.

Помимо заработной платы, работники предприятия, как мужчины, так и женщины, имели возможность получения иных видов дохода и так называемых «дополнительных услуг», предоставляемых фабричной администрацией.

В начале XX в. для поощрения фабричного рабочего за длительную службу на ЯБМ существовало две категории наград (награда как единовременная выплата): 1) награда «за долголетнюю службу» полагалась работникам с 25-летним трудовым стажем; она включала денежную выплату (25 руб.) и памятный жетон, сделанный из чистого золота с эмалевой вставкой, где указывалась фамилия, имя и отчество работника; 2) «добавочную» награду (10 руб.) выплачивали работникам с 35-летним стажем.

Специальность рабочего, уровень его квалификации не влияли на факт выдачи денежного вознаграждения за многолетний стаж и его размер. Различий между мужчинами и женщинами при выплате награды не делалось⁷. Фабричные рабочие, награжденные за многолетний стаж, имели больше шансов по сравнению с остальными получать ежемесячное пособие (пособие пенсионного типа) после увольнения с предприятия.

Посмотрим теперь, какова была практика предоставления работникам фабрики «дополнительных услуг». Как свидетельствуют источники, в начале XX в. почти всегда удовлетворялись просьбы рабочих о выдаче им мелких ссуд и единовременных пособий.

Выплата работникам единовременных пособий по различным случаям не зависела от пола подателя прошения. В случае потери имущества (в результате пожара, наводнения, кражи), тяжелой болезни, которая требовала платных медицинских услуг, на похороны, свадьбы и т. д. на получение единовременного пособия могли рассчитывать в равной степени мужчины и женщины, работавшие на ЯБМ.

Та же ситуация наблюдалась при выплате ежемесячных пособий. Более того, женщина-работница мануфактуры, лишившаяся мужа и оставшаяся одна с детьми, имела больше шансов на получение «детских денег», чем мужчина, оказавшийся в такой же ситуации⁸.

В фонде ЯБМ сохранились списки работников, получавших ежемесячное пособие из сумм штрафного капитала (СШК) за 1906 и 1909 г. В течение 1906 г. из СШК было выплачено 493 рубля, пособие получали 139 человек (в том числе 46 мужчин и 93 женщины). В среднем каждый мужчина получал 3,95 руб. в месяц, а женщина – 3,30 руб.⁹ В 1909 г. пособия из СШК получали 104 работника фабрики (30 мужчин и 74 женщины), и средний размер выплаты на одного человека составил для мужчин 3,66 руб., для женщин – 2,52 руб.¹⁰. Мы видим, что размер пособия у женщин был ниже, чем у мужчин, причем показатели стажа работы на ЯБМ и возраста работников у мужчин и женщин примерно одинаковы.

Помимо выплат из СШК, в начале XX в. существовали пособия для работников ЯБМ, выдававшиеся из средств Товарищества. Точные данные о размере этих выплат сохранились за 1910 и 1912 г.

«Ежемесячные пособия бывшим рабочим», как правило, выдавались тем, кто по каким-либо причинам (возраст, болезнь, травма и т. п.) не мог продолжать трудовую деятельность, не получал пособие из СШК, но, по мнению администрации, заслуживал по тем или иным причинам денежное вспомоществование от фабрики. В 1910 г. из фабричных средств пособия получали 107 человек (в том числе 50 мужчин и 57 женщин). Средний размер пособия на одного человека для мужчин составлял 4,06 руб., для женщин 3,04 руб.¹¹. В 1912 г. пособие получали 134 бывших рабочих ЯБМ (70 мужчин и 64 женщины). В среднем каждый работник получал 4,02 руб., работница 3,20 руб.¹² – опять-таки заметных различий в возрасте и количестве проработанных на предприятии лет у мужчин и женщин не наблюдается.

«Добавочное пособие к жалованию» получали исключительно мужчины – работники предприятия, имевшие большой стаж работы, находившиеся на хорошем счету у администрации

вследствие добросовестного выполнения своих обязанностей. Большинство из них по каким-либо причинам вынуждены были перейти на нижеоплачиваемую должность, вследствие чего им не хватало средств на содержание семьи. Они могли подать прошение руководству предприятия и в случае положительного ответа получать дополнительную сумму к заработку. В 1910 г. «добавочное пособие» получали 28 рабочих, в среднем по 2,20 руб. на человека¹³; в 1912 г. – 27 рабочих, в среднем по 2,06 руб. на каждого¹⁴. Женщины подобного вспомоществования не получали.

Похожая ситуация просматривается при выплате значительных ссуд. Все крупные ссуды (например, на постройку, покупку или ремонт дома) выдавались мужчине-рабочему ЯБМ как главе семьи, и долг по выплате взятой суммы числился именно за ним. Однако при выдаче ссуды и зачастую при определении ее размера (иногда выдавали меньше, чем просил работник) учитывалось, работает ли жена взявшего ссуду на ЯБМ. Если мужчина, получивший крупную ссуду, вынужден был по каким-либо причинам уволиться с фабрики (потеря трудоспособности вследствие болезни или несчастного случая, а также смерть), то долг автоматически переносился на его жену.

Рассмотрим еще одну сферу – прием работников на предприятие и увольнение их по решению администрации. После крупной забастовки 1895 г. на ЯБМ была заведена книга, куда заносили всех желающих поступить на фабрику, а также указывалось наличие или отсутствие у них родственников, работавших ранее или на тот момент на предприятии. Одиноким мужчинам, особенно если они имели неплохую квалификацию и некоторый опыт работы на других текстильных предприятиях, имел хорошие шансы получить место на ЯБМ. Однако на фабрику практически не принимали одиноких женщин, не имевших близких родственников среди рабочих мануфактуры.

Нарушения трудовой дисциплины не были чем-то исключительным для рабочих, причем мужчины допускали их значительно чаще, чем женщины. За ряд нарушений работник мог быть уволен с предприятия. Как правило, в случае увольнения мужа не по собственному желанию, а по распоряжению

руководства предприятия, жена также подлежала увольнению. Почти все женщины-работницы в таких случаях подавали прошения с просьбами оставить их на мануфактуре, ссылаясь на беспорочную службу в течение долгого срока, тяжелое материальное положение семьи или приводя иные аргументы. Иногда такие прошения удовлетворялись, но и тогда работницу, в большинстве случаев, увольняли по окончании срока найма.

В «Книге уволенных рабочих»¹⁵ зафиксированы все фабрично-рабочие ЯБМ, получившие расчет по решению администрации в период с июня 1908 по июнь 1910 г. Список содержит 636 фамилий, из них мужчин – 459 человек, женщин – 177. Из 177 женщин 94 (или 53,1 %) подлежали расчету в связи с увольнением руководством ЯБМ их мужей. Из этих 94 человек 21 – уволены сразу, а 73 женщины получили возможность остаться на предприятии до окончания срока найма. При предельно аккуратном и тщательном исполнении ими своих обязанностей и отсутствии дисциплинарных нарушений они могли быть оставлены на предприятии и на более долгий срок, но, как правило, выселялись из фабричных казарм (если прежде там проживали). Так, в списке требований рабочих, предъявленном администрации ЯБМ 26 февраля 1907 г., фигурировал следующий пункт: «...чтобы ткачиха Андропова была оставлена жить в казармах и после Пасхи сего года». Ответ был предельно четкий: «... ткачиха Андропова, как жена уволенного с мануфактуры рабочего, также подлежала увольнению с мануфактуры, но, по просьбе самой Андроповой, была оставлена на работе при условии выезда ее на Пасху сего года на вольную квартиру, что она и обязана исполнить»¹⁶.

Проживание в фабричных квартирах (казармах), несмотря на далеко не идеальные условия, было более выгодным в денежном отношении для работников, чем «на вольной квартире». Если мужчину-работника ЯБМ выселяли из фабричных казарм в случае дисциплинарных нарушений, то для выселения женщин, как мы видим, могли быть и иные поводы. Есть примеры, когда выселяли незамужнюю женщину-работницу фабрики с незаконнорожденным ребенком. Иногда такое выселение происходило вслед за увольнением с фабрики¹⁷.

Подводя некоторые итоги, хочется отметить следующее. На наш взгляд, неравное положение мужчин и женщин на фабрике объяснялось, с одной стороны, объективными причинами. В дореволюционной России процент грамотных среди мужского населения был заметно выше, поэтому и квалифицированная работа, лучше оплачивавшаяся и требовавшая хотя бы элементарной грамотности, доставалась мужчинам. В случае, если должность не требовала обладания высокими профессиональными навыками, от рабочего требовались значительные физические усилия. В этом случае труд мужчин был более производительным, чем и объясняется больший размер их заработка. С другой стороны, разница в положении мужчин и женщин объяснялась присутствием некоторых элементов практической дискриминации со стороны владельцев предприятия и фабричной администрации (по законодательству или в силу сложившейся практики). В то же время мы видим, что в целом ряде вопросов (например, в возможности получения некоторых видов дополнительных доходов) руководство предприятия не делало различий между мужчинами и женщинами, ориентируясь в первую очередь на поведение работника на производстве.

Примечания

¹ ГАЯО. – Ф. 674. – Оп. 1. – Д. 5845, 5846, 5847, 5848, 5849, 5850, 5851, 5852, 5853, 7688, 7689, 7690, 7691, 7692, 7693, 8244, 8246, 8248, 8249.

² Алексей Флегонтович Грязнов – управляющий (директор) ЯБМ в 1898–1918 гг.

³ ГАЯО. – Ф. 674. – Оп. 3. – Д. 144.

⁴ ГАЯО. – Ф. 674. – Оп. 3. – Д. 144.

⁵ Там же. – Оп. 1. – Д. 5845, 5846, 5847, 5848, 5849, 5850, 5851, 5852, 5853, 7688, 7689, 7690, 7691, 7692, 7693, 8244, 8246, 8248, 8249.

⁶ Там же. – Оп. 3. – Д. 1444.

⁷ ГАЯО. – Ф. 674. – Оп. 1. – Д. 4040, 6073.

⁸ Там же. – Оп. 3. – Д. 126. – Л. 245–259; Оп. 1. – Д. 7568. – Л. 1–6.

- ⁹ Там же. – Оп. 2. – Д. 97. – Л. 6–8.
¹⁰ ГАЯО. – Ф. 674. – Оп. 3. – Д. 126. – Л. 256–259.
¹¹ Там же. – Л. 245–248.
¹² Там же. – Оп. 1. – Д. 7568. – Л. 1–3.
¹³ Там же. – Оп. 3. – Д. 126. – Л. 249–250.
¹⁴ Там же. – Оп. 1. – Д. 7568. – Л. 3 об.
¹⁵ ГАЯО. – Ф. 674. – Оп. 1. – Д. 6074.
¹⁶ ГАЯО. – Ф. 674. – Оп. 3. – Д. 254. Л. 74.
¹⁷ Там же. – Оп. 1. – Д. 21518.

Н. М. Александров
ПОМЕЩИКИ ЛУГИНИНЫ И ВЕТЛУЖСКОЕ
КРЕСТЬЯНСТВО

Проблеме взаимоотношения в дореволюционной России помещиков и крестьян посвящено много работ. Благодаря исторической литературе советского периода в массовом сознании сложился образ помещика не просто как безжалостного эксплуататора, стремившегося выжать все жизненные силы из крестьянства, но и желавшего нанести ему возможно больший ущерб. Действительно, “салтычихи” в России были, но они являлись исключением из правила, так как большинство помещиков понимало, что ущерб, причиненный своим крепостным, – это вред, причиненный собственному хозяйству, а значит, самому себе. В пореформенный период в связи с развивавшейся гуманизацией общества и стремлением некоторой части российской интеллигенции связать будущее страны с “мужиком” в помещичью среду все сильнее стали проникать идеи поддержки крестьянства. Среди помещиков появлялось все больше и больше людей, стремившихся разными способами помочь крестьянам, выйти из нищеты и отсталости. Среди них были и помещики Лугинины.

Предки Лугиновых были тульскими купцами, получившими при Петре I, одновременно с известными заводчиками Демидовыми, в аренду железоделательные заводы на Урале.

Кроме добычи железа, они занялись производством парусины для кораблей, построив для этого в селе Ананине Тульской губернии полотняную фабрику. В XVIII веке купцы Лугинины входили в десятку крупнейших торговцев России. Однако постепенно их роль в промышленной жизни станы стала падать, в то время как сословный статус повысился – они получили дворянство.

Связь Лугининых с Костромским краем началась в 1789 г. с покупки Николаем Лугининым крупного лесного имения с двумя усадьбами на реке Ветлуге в Костромской губернии у князя Николая Васильевича Репнина. Продажа Репниным имения была вызвана его тяжелым финансовым положением. Лугинины же хотели кроме лесных промыслов развить в данной местности производство льна для снабжения им своей тульской фабрики¹. Таким образом, Лугинины вошли в число крупнейших землевладельцев России, каковыми и оставались до 1917 г.² До отмены крепостного права в их Ветлужской вотчине насчитывалось более 300 тыс. десятин земли и свыше четырех тысяч крестьян мужского пола³. В конце XIX в., когда часть земли по реформе 1861 г. перешла крестьянам, ветлужские владения составляли 196 308,4 дес. земли⁴, что равнялось 15 % всей площади самого большого уезда Верхнего Поволжья.

Николай Лугинин, купивший вотчину Репниных, дал своему сыну Федору (1805–1884) блестящее образование. Федор Николаевич Лугинин служил в генеральном штабе, принимал участие в войне с Турцией (1825–1829). Свою военную службу он начал в Кишиневе, где познакомился со ссыльным поэтом А. С. Пушкиным, дружба с которым многое определила в его жизни. По собственному признанию Федора Николаевича, пушкинская ода “Вольность” стала его путеводной звездой на всю дальнейшую жизнь⁵.

После выхода в отставку бывший гвардейский полковник поселился в Москве. Здесь он вскоре женился на дочери сенатора Полуденского – Варваре Петровне, знаменитой московской красавице, двоюродной сестре известного декабриста Михаила Лунина. Родством с декабристом в семье Лугининых очень гордились⁶. У Федора Николаевича и Варвары Петровны родилось трое сыновей: Владимир (1834–1911), Святослав (1837–1866),

Юрий (1841–1867) – и дочь Мария. Все они получили не только прекрасное образование, но и были воспитаны в лучших традициях российской интеллигенции. Наибольшую известность получил старший из сыновей – Владимир Федорович, вошедший в историю прежде всего как ученый-химик, “основоположник термохимии в России”⁷. Вместе с тем он сыграл заметную роль и в общественной жизни страны⁸. Святослав Федорович больше известен как общественный деятель. Он, принимавший активное участие в реализации реформы 1861 г. в качестве мирового посредника, являлся учредителем статистического общества в Ветлужском уезде. Это было “первое из местных обществ такого характера в России”⁹. Кроме этого, Святослав Федорович вместе с Владимиром Федоровичем являлись “пионерами русской кредитной кооперации”. Оба брата в конце 50-х – начале 60-х г. XIX в. были тесно связаны с революционным движением в России. О Юрии Федоровиче, умершем в 26 лет, данных очень мало, а о Марии Федоровне известно только то, что в молодости она преподавала в домашней воскресной школе для девочек, организованной в доме Лугининых в Петербурге.

До 1884 г. имение в Ветлужском уезде вместе с другой собственностью принадлежало Федору Николаевичу, который и руководил всем хозяйством¹⁰. Со временем сыновья также стали привлекаться к управлению семейным имуществом. Кроме поместья, Лугинины владели акциями железной дороги, пароходства, торговых фирм. Старшие сыновья Владимир и Святослав, как это показывают дневниковые записи Федора Николаевича, помогали отцу в проведении различных операций с ценными бумагами и других делах. Так, в марте 1861 г., когда стало ясно, что необходимо перестраивать систему управления имением, Владимир по поручению отца занимался заказом сельскохозяйственных орудий, семян, трав и прочих предметов, необходимых для ведения хозяйства в новых условиях.

Несмотря на то, что при ведении дел Федор Николаевич испытывал финансовые трудности (имение было заложено в Опекунском совете и приходилось постоянно изыскивать средства для уплаты процентов по ссуде), он активно занимался улучшением положения своих крестьян.

В 1830 г. Федор Николаевич открыл в селе Рождественском больницу и аптеку. Одновременно с больницей в имении была основана школа для крестьян, из которой вышли после получения дальнейшего специального образования и все служащие в имении: землемеры, фельдшеры, конторщики, механики. Специалисты из крепостных крестьян имели, кроме готового содержания, хорошее жалование. Вследствие этого все они и после отмены крепостного права остались на своих местах. Следует отметить, что расходы по управлению таким большим имением, каким являлась Ветлужская вотчина Лугининых, были значительными. Так, в 1862 г. на жалование и содержание служащих в имении было потрачено свыше 4 тыс. руб. серебром¹¹.

Помощь крестьянству со стороны Федора Николаевича была вызвана его гражданской позицией, а не простым разбрасыванием денег. Да и расточительным человеком Ф. Н. Лугинина назвать трудно. Он был из тех людей, кто очень бережно относился к деньгам. Его личный дневник свидетельствует, насколько тщательно он контролировал как свои расходы, так и расходы сыновей.

Помощь крестьянству вовсе не означала, что Ф. Н. Лугинин был сторонником радикального изменения положения крестьянства. Наоборот, Федор Николаевич принадлежал к тем русским помещикам, которые с большой тревогой ожидали отмены крепостного права. Опасаясь волнений крестьян из-за недовольства условиями реформы, Ф. Н. Лугинин просил у губернских властей прислать роту солдат в Ветлужский уезд. Опасения Федора Николаевича оказались напрасны. В марте 1861 года он получил известие от управляющего помещьем, что “провозглашение свободы” в их имении и во всем Ветлужском уезде прошло спокойно и “даже пьяных было немного”¹².

Его дневниковые записи свидетельствуют, что Ф. Н. Лугинин был критически настроен в отношении реформы 19 февраля 1861 г. После обнародования “Положений” он в кругу близких ему людей часто обсуждал ее и считал недостаточно подготовленной. Интересно отметить, что одним из лиц, с кем Федор Николаевич часто и подолгу беседовал о реформе, был ярый крепостник, владелец имения в Кинешемском уезде Костромской губернии адмирал Г. И. Невельской.

Сыновья Федора Николаевича Владимир и Святослав принадлежали к той части российского общества, формирование которой совпало с общественным подъемом 50–60 гг. XIX в., основной причиной которого была борьба вокруг вопроса об уничтожении крепостного права. В связи с этим оба брата оказались активными участниками революционного движения в России.

В начале 1860-х г. Владимир и Святослав, будучи за границей, интересовались состоянием кооперативных учреждений, рабочих обществ и ассоциаций. Особую активность в исследовании зарубежной кооперации проявлял Владимир. В 1863–1864 годах он вместе с Н. П. Колюпановым – управляющим имением их отца – находился в Германии и подробно на месте изучал устройство и работу ссудных товариществ Г. Шульце-Делича. Святослав разработал план устройства подобного же товарищества у себя на родине. Эту идею поддерживали и остальные члены семьи. Отсутствие не только кредитных, но любых других финансовых учреждений в глухой провинции приводило подчас к трагикомическим ситуациям. Так, у одного из бывших крепостных крестьян Федора Николаевича – Петра Кириллова – из-за хранения денег в “домашнем банке” мыши объели кредитные билеты на очень значительную сумму – 112 руб. серебром. Федор Николаевич помог пострадавшему. Для этого ему пришлось обращаться в столичный банк, где испорченные кредитные билеты в марте 1862 г. были заменены новыми и через управляющего имением переданы крестьянину¹³. Этот случай подтолкнул Федора Николаевича обратиться к властям с проектом об учреждении “сберегательной кассы для крестьян по городам при уездном казначействе”¹⁴.

Вернувшись в Россию, Святослав Федорович Лугинин с жаром принялся за организацию ссудосберегательного товарищества в имении своего отца. Ветлужское поместье состояло из двух участков земли. Расстояние между ними было всего 40 верст, поэтому они составляли единое хозяйство с центром в селе Рождественском. Это был настоящий “медвежий угол”. Местное население расселялось “как бы в оазисах среди громадных лесных пространств”¹⁵. В конце XIX в. академик В. П. Безобразов дал

следующую характеристику этой части Костромской губернии: “До сих пор ее северо-восточные лесные края такие глухие и малонаселенные, каких уже давно нигде больше не найдется в Московской промышленной области; в них до сих пор продолжается колонизация, о которой давно нигде нет более помину в нашей области. Здесь в этих пустынных с.-в. краях Костромской губ. еще продолжается расчистка лесов и заселение, которые напоминают о давно прошедшем, за несколько столетий назад, всего Ростово-Суздальского края”¹⁶. Если в конце пореформенного периода Ветлужский край представлял “медвежий угол” мало затронутый цивилизацией, то в 60-х гг. XIX в. положение было еще хуже. Вот как описывал местность, где предстояло организовать ссудосберегательное товарищество, В. Ф. Лугинин: “Итак, бедное земледелие, малое развитие ремесел и торговли, полное отсутствие отхожих промыслов и преобладание одних только местных выработок – вот в общих чертах экономический характер нашей бедной местности; нравственное развитие крестьян также стоит на довольно низкой степени. Характер лесного промысла, при котором они проводят целые месяцы в лесах, положение местности, удаленной от больших путей сообщения и больших центров, вероятно, влияние самой северной лесной угрюмой природы – все это образовало тип характера грубого и дикого. Пьянство кажется мне более распространенным здесь, нежели где-либо.

Общие праздники, праздники отдельных деревень, на которые стекаются все волости, особенно праздники, так неудачно падающие в самую рабочую пору конца лета, – все это предлог к пьянству, продолжающемуся нередко, два, три и даже четыре дня сряду. Отсутствие предприимчивости, апатия, черствость в семейных отношениях – вот непривлекательная картина нравственного состояния здешнего крестьянства”¹⁷. Еще до отмены крепостного права Владимир Федорович, заметив, что находившаяся в имении винокурня способствовала развитию пьянства среди крестьян, настоял на ее закрытии, не смотря на прямой экономический ущерб этого решения. Интересно отметить, что в имении “Карабиха”, в пореформенный период принадлежавшей Некрасовым, винокурное производство было основой хозяйства¹⁸.

Единственную надежду на лучшее будущее В. Ф. Лугинин возлагал на молодое поколение, которое охотно училось грамоте.

Таким образом, совершенно понятен вывод Владимира Федоровича, что “едва ли можно найти в России много местностей менее благоприятных для такого сложного дела, как кооперативный банк”, и успех здесь нового дела указывает на полную пригодность его для всей России вообще¹⁹.

Ветлужская глушь стала лабораторией социально-экономических экспериментов Лугининых. Ссудосберегательное товарищество создавалось для обеспечения денежными средствами на основе кредитования в первую очередь промысловой деятельности окрестных крестьян, подрабатывавших сплавом леса. Весной 1864 г. Святослав Федорович уговорил 21 местного жителя, среди которых 12 человек были крестьяне, а остальные в основном служащие имения, вступить в товарищество и подписать устав²⁰. Однако “высочайшее” утверждение этого устава произошло только в октябре 1865 г. К тому времени Святослав Федорович Лугинин уже был вынужден покинуть Ветлужский край для лечения за границей. Весной 1866 г. он умер в Ницце от скоротечной чахотки.

Владимир Федорович Лугинин решил довести начатое братом дело, и 1 августа 1866 года первое в России кредитное товарищество открыло свои операции. При открытии товарищество получило от отца организаторов – братьев Лугининых беспроцентный кредит в размере тысячи рублей сроком на 10 лет 21 и помещение на территории усадьбы.

В Западной Европе ссудосберегательные товарищества появились в конце 40-х г. XIX в. Это были своеобразные союзы лиц, основывавшиеся на взаимной ответственности, с той целью, чтобы из денежных капиталов, полученных путем членских взносов или иными путями, предоставлять участникам краткосрочный кредит. Товарищества организовывались лицами, не обладавшими большими денежными средствами, например ремесленниками, крестьянами, мелкими торговцами. Благодаря объединению в товарищество они увеличивали доверие к ним со стороны других юридических и физических лиц и облегчали возможность пользоваться кредитом со стороны. Потребность в

кредите среди мелких производителей всегда была особенно велика, так как, с одной стороны, они, как правило, испытывали недостаток в оборотных средствах для ведения производства, а с другой – банковский кредит для них по большей части был закрыт из-за невозможности выполнять требуемые коммерческими банками условия.

Владимир Федорович, подобно многим своим современникам, критически относился к экономическому строю Западной Европы. Он считал, что Россия не должна следовать за Западом, у нее есть свой особый путь, и для развития русского сельского хозяйства необходимой формой является коллективный крестьянский труд.

В. Ф. Лугинин рассматривал ссудные товарищества как первую ступень на пути развития в России коллективного уклада крестьянской жизни. По его мнению, идеал землевладения – “земледельческая ассоциация”, в которой земля общины должна принадлежать всем ее членам, не разделяться на личные участки и обрабатываться общими усилиями с применением таких средств, которые недоступны мелкому собственнику. Общину в России должна сменить “земледельческая ассоциация”²².

К созданию системы “земледельческих ассоциаций” В. Ф. Лугинин относился как к конечной цели социального освобождения русского крестьянина, а создание сельских ссудных товариществ считал первостепенной экономической помощью сельскому труженику. “Ссудные товарищества, – писал он, – могут служить не только средством для достижения отдаленной цели, они имеют не только воспитательное значение, но и удовлетворяют насущные потребности настоящей минуты, доставляя дешевый кредит крестьянам, без которого экономическое развитие их немислимо”²³.

Первый же год работы Рождественского ссудного товарищества выявил сложности в работе. Несмотря на то, что взятые в ссуду деньги, как правило, своевременно возвращались, несколько раз для взыскания ссуд с неплательщиков пришлось прибегать к помощи волостного правления и мирового посредника, “причем было произведено две или три продажи имущества у неплательщиков”²⁴.

Крестьяне сначала относились с некоторым недоверием к совершенно новому для них явлению; некоторые видели в нем

спекуляцию помещика, прибегавшего к этому последнему средству для поправки дел, расстроенных в результате отмены крепостного права. Сумма вкладов не увеличивалась, члены товарищества относились к нему очень пассивно, ограничиваясь взятием ссуд и платежом процентов и паевых взносов. Постепенно крестьяне стали понимать выгодность получения денег под небольшие проценты, и число членов товарищества стало расти. В течение второго года деятельности товарищества его численность увеличилась до 178 членов. Однако, вступая в товарищество, «крестьяне желали пользоваться лишь дешевым кредитом, по-прежнему всячески старались отклониться от паевых взносов»²⁵.

Тем не менее, В. Ф. Лугинин в этот период еще продолжал считать, что за сельской кредитной кооперацией большое будущее. Так, анализируя опыт работы Рождественского ссудного товарищества по итогам нескольких лет его деятельности, он писал: «В течение первых двух лет существования Рождественскому ссудному товариществу не удалось привлечь никаких посторонних вкладов, но мало-помалу, по мере распространения между крестьянами доверия к новому предприятию, крестьяне начали делать вклады, и в настоящее время в кассе товарищества, сверх первоначально занятого капитала, лежит около полутора тысяч крестьянских вкладов. Если вспомнить, что результаты эти достигнуты в лесном Ветлужском уезде, среди весьма мало развитого населения, удаленного от больших городов и главных путей сообщения, занятом почти исключительно лесным промыслом, то можно надеяться, что в местностях, более благоприятно обставленных, можно будет достигнуть результатов еще более удачных»²⁶.

В то же время на основе деятельности Рождественского товарищества Владимир Федорович уже к концу 1860-х гг. пришел к мысли, что крестьяне сами не могут руководить такого типа организациями. «Тут, – по мнению Лугинина, – необходима помощь человека, знающего дело, бескорыстно преданного ему и одаренного достаточною выдержкою, чтобы взяться за медленный и невеселый труд приучения к порядку и отчетности людей совершенно к этому непривыкших»²⁷. В. Ф. Лугинин считал напрасным ожидание того, что сельская кредитная

кооперация будет развиваться успешно по инициативе одних крестьян. Он полагал, что это является “несбыточной мечтой, идеализацией нашего сельского сословия”²⁸.

Постепенно В. Ф. Лугинин разочаровался в социальных возможностях крестьянства и как следствие этого – в идее преобразования жизни крестьянства с помощью кооперации. Это, по-видимому, и было основной причиной отхода В. Ф. Лугинина от кооперативного движения и полного ухода в науку. Доказательством подобного разочарования служит тот факт, что Владимир Федорович, завещавший значительные суммы на разные общественные цели (например, 283,5 тыс. руб. на нужды больницы),²⁹ в самые последние годы своей жизни, пожертвовавший на постройку храма в родном селе 55 тыс. руб., ничего не оставил на нужды кооперации³⁰.

Таким образом, пример семьи Лугининых демонстрирует, что в XIX в. традиционно мыслявший помещик (Ф. Н Лугинин) осуществлял поддержку крестьянства из благотворительных целей, а его радикально настроенные преемники (Владимир и Святослав) стремились, прежде всего путем помощи крестьянству, реализовать идеи социального переустройства российского общества.

Примечания

¹Войтюк Т. В. Семья Лугининых // Ветлужская старина. Историко-краеведческий сборник. – Кострома, 1995. С. 115.

² См.: Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. М., 1971. С. 13–19, 54.

³ Коллюпанов Н. Из прошлого // Русское обозрение. – 1895. – Т. 33. – С. 600.

⁴ ЦГИА г. Москвы. – Ф. 275. – Оп. 2. – Д. 121. – Л. 212; Д. 122. – Л. 148–149.

⁵ Войтюк Т. В. Указ. соч. – С. 115.

⁶ См.: Тимирязев К. А. Владимир Федорович Лугинин (некролог) // Собр. соч. Т. VIII. – М., 1939. – С. 353; Новикова Н. Н. Братья Владимир и Святослав Лугинины в годы первой революционной ситуации (Новые материалы) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. – М., 1974. С. 139.

⁷ Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. – М., 2001. – С. 281.

⁸ Биография ученого содержится во многих справочных изданиях, но наиболее полно она изложена в специальной работе: Соловьев Ю. И., Старосельский П. И. Владимир Федорович Лугинин. 1834–1911. М., 1963.

⁹ Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XVIII. – СПб., 1896. – С. 72.

¹⁰ После смерти Ф. Н. Лугинина в 1884 г. владельцем имения стал В. Ф. Лугинин.

¹¹ Новикова Н. Н. Указ. соч. – С. 148.

¹² Там же. – С. 142.

¹³ Там же. – С. 150.

¹⁴ Там же. – С. 146.

¹⁵ ЦГИА г. Москвы. – Ф. 275. – Оп. 2. – Д. 122. – Л. 148–149.

¹⁶ Безобразов В. П. Народное хозяйство России. Московская (Центральная) промышленная область. Ч. III. – СПб., 1889. – С. 5.

¹⁷ Практическое руководство к учреждению сельских и ремесленных банков по образцу немецких ссудных товариществ / Сост. Н. П. Колюпанов. – М., 1870. – С. 172–173.

¹⁸ См.: Александров Н. М. Карабиха – образцовое помещичье хозяйство конца XIX в. // VII Золотаревские чтения: Тезисы докл. науч. конф. Рыбинск, 1998. – С. 84–87.

¹⁹ Практическое руководство... С. 173.

²⁰ XIII Отчет комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах. – СПб., 1888. – С. XV; Практическое руководство... С. 174.

²¹ См.: Меркулов А. Пионеры русской кредитной кооперации (братья Лугинины) // Вест. кооперации. – 1912. – № 5. – С. 13–14.

²² См.: Лугинин В. Ф., Яковлев В. А. Сельские ссудные товарищества (их устройство и назначение). – СПб., 1870.

²³ Там же. – С. 72

²⁴ Практическое руководство... С. 176.

²⁵ Там же. – С. 177.

²⁶ Там же. – С. 5.

²⁷ Там же. – С. 181.

²⁸ Там же. – С. 181.

²⁹ Соловьев Ю. И., Старосельский П. И. Указ. соч. – С. 44.

³⁰ Меркулов А. Указ. соч. – С. 24.

Н. В. Панурина

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ ТРУДА
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ РАБОЧИХ В ФАБРИЧНО-
ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Труд несовершеннолетних рабочих является важным аспектом истории рабочего класса России. Изучение данной проблемы в различные периоды, способствует более глубокому изучению и выявлению общих закономерностей и, вместе с тем, особенностей социально-экономического, правового положения, участия в революционном движении молодого поколения рабочего класса.

Быстрое развитие крупной фабрично-заводской промышленности России в конце XIX – начале XX в. способствовало росту числа рабочих, среди которых были и несовершеннолетние труженики.

В целом, истории рабочего класса посвящена достаточно обширная литература. Различные аспекты истории пролетариата России вызвали устойчивый интерес исследователей на протяжении длительного периода времени. В центре внимания дореволюционных авторов находилось преимущественно экономическое и правовое положение рабочих России, их численность, состав. Также определенное внимание уделялось вопросам истории рабочего и социал-демократического движения. При рассмотрении указанных вопросов затрагивалась и проблема применения труда несовершеннолетних рабочих в фабрично-заводской промышленности.

Так, например, в работе М. И. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем»¹ освещается история появления и развития фабричной промышленности в России, доведенная до конца XIX в., затрагиваются вопросы экономического и правового положения рабочих. Непосредственно проблема использования труда несовершеннолетних рабочих затрагивается при анализе фабричного законодательства, деятельности правительственных комиссий по разработке законопроектов, регулирующих трудовые отношения. Автор дает высокую оценку

© Панурина Н. В., 2005

законодательной деятельности правительства в 80-е гг. XIX в.: «Отношения хозяев и рабочих подверглись весьма тщательной регламентации, надзор фабричной инспекции сделан более действительным, ночная работа женщин и детей в важнейших отраслях промышленности уничтожена»².

В исследовании Е. М. Дементьева «Фабрика, что она дает населению, и что она у него берет»³ рассматривается широкий круг вопросов: связь фабричных рабочих с землей, условия труда и быта рабочих, показатели продолжительности рабочего времени в течение года, суток, заработной платы. Сравняется экономическое и правовое положение рабочих России, Англии и Америки. Правда, автором используются в основном данные, собранные в 1884–1885 гг. по трем промышленным уездам Московской губернии: Серпуховскому, Коломенскому и Бронницкому. Е. М. Дементьев считает, что эти данные могут служить характеристикой, прежде всего, для Московской губернии и промышленной области Центральной России. При рассмотрении указанных выше вопросов затрагивается и проблема использования труда детей и подростков. В частности, анализируется средняя продолжительность рабочего дня, сравнивается среднемесячная зарплата взрослых рабочих, женщин, детей и подростков обоего пола. При этом подчеркивается, что средняя месячная заработная плата как в Московской губернии, так и в целом по Российской империи была в 2–3 раза ниже, чем в Англии и Америке, в России «заработок дает только возможность существовать полуживотную жизнью»⁴. Автором отмечается пагубное влияние существующих условий труда на фабриках и заводах на здоровье рабочих, развитие растущего организма детей и подростков, результатом которого является «вымирание слабейших и прогрессивное ухудшение физических качеств населения, т.е. то, что называется вырождением расы»⁵.

В книге К. А. Пажитнова «Положение рабочего класса в России»⁶ рассматривается численность рабочего класса как в целом по России, так и по ее регионам, отраслям производства, его экономическое и правовое положение. Большое внимание уделяется рабочему движению, его особенностям и правительственным мероприятиям по рабочему вопросу в период с 1880 по 1903 гг. Анализируется изменение положения рабочих

после революции 1905 г. Проблема применения труда детей и подростков в фабрично-заводской промышленности затрагивается фрагментарно. В частности, дается оценка законов, регулирующих работу указанной категории рабочих.

В работе А. В. Погожева «Фабричный быт Германии и России»⁷ подчеркивается необходимость совершенствования российского законодательства по рабочему вопросу, рассматриваются нормы трудового законодательства и их применение в Германии. Показывается германский опыт ограничения использования труда детей и подростков в промышленном производстве. Достаточно подробно анализируется закон 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», на практическое применение, которого в России автором возлагаются большие надежды. Также поднимается вопрос о необходимости страхования рабочих от несчастных случаев на производстве. Анализируя количество и причины травм как у взрослых рабочих, так и у детей, подростков, автор отмечает, что «малолетние более чем вчетверо чаще подвергаются травматическим повреждениям, нежели подростки или взрослые рабочие»⁸.

В другом исследовании А. В. Погожева «Учет численности и состава рабочих в России»⁹ затрагиваются вопросы численности, поло-возрастного состава рабочих России и ее регионов, распределения по отдельным отраслям производства в период с 1893 по 1902 гг. Приводятся данные о численности и процентном отношении к общему числу работающих малолетних и подростков обоего пола по отдельным группам производства за 1894—1895 гг. и непосредственно малолетних за 1900 г., а также рассматривается численность работающих и неработающих членов рабочих семей, в том числе детей и подростков за 1897 г.

В работе В. П. Литвинова-Фалинского «Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России»¹⁰ анализируется процесс разработки и принятия, содержание законов пореформенного периода, регулирующих трудовые отношения между промышленниками и рабочими, деятельность фабричной инспекции. Рассматриваются правовые акты и положения, нормирующие рабочее время, условия взимания штрафов, правила найма рабочих, охраны их жизни и здоровья,

оказание врачебной помощи, страхование рабочих от несчастных случаев на производстве. В том числе достаточно подробно показывается разработка и принятие положений, регулирующих непосредственно вопросы применения труда малолетних и подростков в промышленном производстве. При этом отмечается, что «работа детей, подростков и женщин в промышленных заведениях есть великое зло...»¹¹, с которым необходимо бороться «правительственным вмешательством и давлением закона...»¹².

Основные положения фабричного законодательства, в том числе и затрагивающие правовое положение несовершеннолетних рабочих пореформенного периода затрагиваются и в книге И. Х. Озерова «Политика по рабочему вопросу в России за последние годы»¹³. В целом же, автор пытается раскрыть основные причины революционных событий 1905 г. в России. Главной из них И. Х. Озеров считает политику правительства по рабочему вопросу и деятельность фабричной администрации.

В большинстве работ, посвященных рабочему движению, степень участия молодежи в нем не раскрывается¹⁴.

Непосредственно проблеме применения труда детей и подростков посвящены исследования П. Волкова «Детский труд на фабриках»¹⁵, И. И. Янжула «Детский и женский труд в Англии и России»¹⁶, В. Андреева «Работа малолетних в России и Западной Европе»¹⁷. Авторы подчеркивают важность данной проблемы, необходимость усовершенствования законодательства, контроля со стороны правительства. Так, И. И. Янжул приводит данные о санитарном состоянии российских фабрик и заводов, отмечая, что условия, в которых живут и трудятся дети и подростки, а также продолжительный рабочий день пагубно сказываются на их здоровье. Большое внимание автор уделяет анализу норм английского трудового законодательства, касающихся регулирования продолжительности рабочего времени, оплаты труда, возрастного ценза, образования указанной категории работников. Указывается на необходимость «пользования готовым примером и опытом чужих стран»¹⁸.

В книге В. Андреева «Работа малолетних в России и Западной Европе»¹⁹ сравнивается правовое положение несовершеннолетних рабочих в Российской империи и Западной

Европе, показывается отношение к проблеме использования труда детей и подростков правительственных и земских учреждений, общественных организаций. Подробно анализируется процесс разработки и принятия закона 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», его основные положения. На основе данных за период с 1 декабря 1882 г. по 1 августа 1883 г. автором анализируется число фабрик, использующих детский труд, численность малолетних, подростков на них, средняя продолжительность рабочего дня, наличие ночных смен, уровень заработной платы указанной категории рабочих, наличие школ при заводах и уровень посещения их малолетними как в целом, так и по отдельным производствам.

Таким образом, можно отметить, что проблема использования труда несовершеннолетних рабочих вызвала определенный интерес дореволюционных исследователей, которые подчеркивали ее важность и злободневность. Ими затрагивались вопросы условий труда и быта, уровня заработной платы, продолжительности рабочего времени указанной категории рабочих, их численности. Также подвергалась анализу политика правительства и промышленных кругов по данному вопросу.

После Октябрьской революции 1917 г. история российского пролетариата становится одной из центральных проблем исторической науки. Среди наиболее исследуемых вопросов, рассматриваемых в литературе советского периода, можно выделить следующие: периодизация истории пролетариата и рабочего движения, его формирование и источники пополнения, динамика изменения состава, численности, культурный уровень, социально-экономическое, правовое и политическое положение рабочих как в масштабе всей России, так и в рамках отдельных регионов, применительно к промышленности в целом и по отдельным отраслям производства.

Значительное место отводилось созданию и деятельности социал-демократических, марксистских организаций в рабочей среде, истории рабочих организаций. Указанные проблемы рассматривались комплексно или отдельно.

В той или иной степени исследователи касались и проблемы применения труда несовершеннолетних рабочих в фабрично-

заводской промышленности, их численности, социально-экономического, правового положения, культурного уровня, степени участия в рабочем движении.

Рассмотрим сначала работы, посвященные в целом истории российского рабочего класса, ее отдельным аспектам, в которых затрагивается проблема применения труда несовершеннолетних рабочих в фабрично-заводской промышленности России в конце XIX – начале XX в.

В ряде коллективных трудов, таких как: «Очерки истории пролетариата СССР. Пролетариат царской России», «Очерки истории российского пролетариата (1861–1917 гг.)», «История рабочего класса России (1861–1900 гг.)», «История рабочего класса СССР. Рабочий класс от зарождения до начала XX века»²⁰ рассматривается широкий круг вопросов – анализируются формирование, источники пополнения, численность, состав, территориальное размещение, изменения в экономическом и правовом положении рабочего класса России, рабочее движение и другие. Затрагиваются и некоторые аспекты проблемы применения труда детей и подростков в промышленности. Так, например, отмечается широкое применение труда несовершеннолетних, в частности, в пореформенную эпоху. Анализируется их общая численность в целом по России на основании данных переписи населения 1897 г. Подчеркиваются крайне тяжелые условия труда. В качестве основных причин использования труда детей и подростков указывалось, во-первых, на то, что промышленникам было выгодно использовать труд этих возрастных категорий, т.к. механизированное производство не требовало большой физической силы, и труд детей и подростков стоил дешевле, чем взрослых рабочих; во-вторых, сказывалось тяжелое материальное положение семей, вынужденных отдавать своих детей на работу. Рассматриваются некоторые вопросы фабрично-трудового законодательства пореформенного периода по рабочему вопросу, в том числе и законы, ограничивающие труд детей и подростков, их применение на практике. В основном, исследователи схожи в оценке практического применения этих законов, указывая на то, что хотя они в известной мере и ограничили безудержное использование труда детей и подростков,

труд этих возрастных категорий продолжал применяться в промышленности, в том числе по уже указанным причинам. Однако, в целом, указанные выше проблемы рассматриваются по отношению ко всему пролетариату.

Остановимся также на исследованиях посвященных изучению отдельных аспектов истории рабочего класса России, например, на работах освещающих вопросы формирования пролетариата Российской империи. К их числу относится книга А. Г. Рашина «Формирование рабочего класса России»²¹. В данной работе, охватывающей большой хронологический отрезок времени (1861–1917 гг.), на основе широкого круга источников рассматриваются вопросы формирования пролетариата, источники его пополнения, изменения его численности и состава. В работе уделяется внимание проблеме труда детей и подростков. Анализируется динамика численности детей и подростков по отдельным отраслям производства как в целом по России, так и ее регионам. Также приводятся данные о возрасте, в котором рабочие впервые начали работать в промышленности, о распределении фабрично-заводских рабочих по возрастным группам, данные об образовательном уровне рабочих по возрастным и половым группам по отдельным отраслям производства, регионам России.

В числе других вопросов изучалось экономическое положение и быт рабочих, в частности, в конце XIX – начале XX в.²². В работе Э. Э. Крузе «Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг.»²³, анализируется динамика изменения численности, процесс пополнения и роста рабочих кадров, их квалификация, заработная плата, продолжительность рабочего дня в 1900–1914 гг. и состав всех категорий наемных рабочих в неразрывной связи с развитием промышленности России. При анализе профессионального, полового, возрастного состава фабрично-заводских рабочих анализируются данные об удельном весе труда малолетних (12–15 лет) и подростков (15–17 лет), также продолжительность рабочего времени по разным отраслям производства в указанный период. Особое внимание уделяется закону 2 июня 1897 г., регламентировавшему рабочее время трудящихся всех возрастных групп, и, по мнению автора, «несмотря на недостатки... несомненно, улучшал положение рабочих»²⁴.

В монографии Ю. И. Кирьянова «Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX века)»²⁵ внимание сосредотачивается, прежде всего, на вопросах динамики заработной платы, питания, жилищно-бытовых условиях, а также соотношении рабочего и свободного времени пролетариата, начиная с периода утверждения крупной промышленности и заканчивая кануном первой мировой войны, как на территории всей России, так и непосредственно ее отдельных промышленных регионов. При анализе численности, продолжительности рабочего дня и заработной платы рабочих некоторых отраслей фабрично-заводской промышленности России и ее регионов автором указываются данные и о малолетних тружениках.

В исследованиях о фабрично-заводском законодательстве, политики властей и промышленников по рабочему вопросу освещалось правовое и политическое положение, как в целом пролетариата России, так и несовершеннолетних рабочих²⁶.

В работах, посвященных истории рабочего движения, рассматриваются вопросы его форм, численности и состава рабочих, принимавших участие в революционной борьбе²⁷. Однако в большинстве из них вопросы степени участия в рабочем движении несовершеннолетних не выделяется.

Некоторые аспекты проблемы применения труда несовершеннолетних рабочих в фабрично-заводской промышленности затрагивались и в исследованиях, посвященных изучению особенностей истории рабочего класса отдельных регионов России (28).

Однако, наиболее полно проблема применения труда указанной категории рабочих в фабрично-заводской промышленности освещается в работах, посвященных непосредственно истории труда несовершеннолетних рабочих в России²⁹.

Так, в работе И. Волошина «Очерки по истории рабочего подростка» рассматриваются вопросы истории зарождения и применения труда малолетних не только в России, но и за рубежом³⁰. Анализируются формы использования, условия, оплата детского труда в России как в дореформенный период, так и в последующие годы, включая начало советского периода. Уделяется определенное внимание разработке, принятию и

применению на практике закона 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», ограничивающего определенным образом возрастные и временные рамки использования труда малолетних рабочих. В частности, показано отношение к принятию этого закона петербургских и московских промышленников. Подчеркивая сопротивление московских фабрикантов принятию указанного закона, автор указывает причину этого: «петербургские фабриканты работали при лучшем техническом оборудовании, нежели московские, поэтому последние могли выдержать конкуренцию петербургских фабрикантов только при усиленной эксплуатации детей»³¹. Приводятся сведения о процентных показателях числа малолетних по отдельным видам производства в начале 80-х гг. XIX в. Подчеркиваются низкие показатели заработной платы малолетних. При оценке последствий законодательного ограничения использования труда малолетних автор отмечает, что в России «...наблюдается то же явление, что и на Западе – масса малолетних переместилась из фабрик в мелкие предприятия, не подведомственные фабричной инспекции»³². Однако в целом, данная работа не дает возможности проследить динамику численности, изменений в условиях труда и быта, правовом положении несовершеннолетних рабочих, их участие в рабочем движении.

В. А. Зайцев в исследовании «Труд и быт рабочих подростков»³³ пытается показать изменения положения несовершеннолетних рабочих до Октябрьской революции 1917 г. и после нее – в 20-е гг. XX в. В работе рассматриваются вопросы социального происхождения, возрастных рамок привлечения подрастающего поколения к работе по найму, профессиональный состав и стаж, продолжительности рабочего дня, жилищных условий, питания индустриальных рабочих подростков, в том числе и в конце XIX – начале XX в. В качестве основных причин применения детского труда с раннего возраста в фабрично-заводской промышленности автор называет следующие: «чрезвычайно низкий заработок рабочих, с одной стороны, и легкость применения труда детей с раннего возраста с другой»³⁴. Причем подчеркивается, что «в самом молодом возрасте

поступали на работу дети наименее обеспеченных родителей, и к их ужасным жизненным условиям присоединилось еще вредное влияние фабрики»³⁵. При анализе возрастных рамок начала работы, автор отмечает, что «наемный труд начинался с самых ранних лет»³⁶. Автор рассматривает влияние закона 1882 г. на применение детского труда в фабрично-заводской промышленности и делает вывод, что количество детей, поступавших на работу начало сокращаться еще до издания закона 1882 г. Этот закон лишь ускорил вытеснение детского труда³⁷. Автор указывает, что «применение новых усовершенствованных машин становилось выгоднее, чем применение даже дешевого детского труда», «усложнявшаяся техника уменьшала поле применения детского труда, сложная машина требовала взрослых рабочих, и место детей занимают взрослые работницы»³⁸. Правда, автор делает оговорку, что это относится, главным образом, к текстильной промышленности, и притом находящейся вне крупных центров. Однако, далее отмечается, что такое же положение наблюдалось и в крупных центрах³⁹.

В работе «Положение труда подростков и его оплата в промышленности»⁴⁰ В. А. Зайцев проводит сравнение социально-экономического положения рабочих подростков фабрично-заводской промышленности до Октябрьской революции 1917 г. и после нее, акцентируя внимание на его улучшении при советской власти. Автор анализируется численность указанной возрастной категории трудящихся в конце XIX – начале XX вв. в России. На основе приведенных данных автор делает вывод, «что подростковый труд находил большее применение в производстве в условиях капиталистического хозяйства»⁴¹. Далее анализируется возраст начала работы несовершеннолетних на фабриках и заводах, рассматриваются их условия труда.

Исследование В. Ю. Гессена «Труд детей и подростков в России с XVII века до Октябрьской революции»⁴² посвящено следующим аспектам использования труда несовершеннолетних рабочих в фабрично-заводской промышленности: анализу динамики численности и состава рабочих, условий труда, некоторых аспектов правового положения рабочих-подростков по регионам и отраслям производства России. Автор отмечает, что «в пореформенное

время, от опубликования акта об освобождении крестьян до издания закона 1 июня 1882 г. о труде малолетних, т.е. за время промышленного подъема, число малолетних рабочих, занятых в предприятиях фабрично-заводской промышленности и в абсолютных и в процентных цифрах сильно и заметно возросло»⁴³. После же издания указанного закона число малолетних рабочих уменьшилось не только абсолютно, но и в процентном отношении. Если же сравнивать масштабы применения детского и подросткового труда, то В. Ю. Гессеном подчеркивается, что к началу XX века число подростков начинает превалировать над количеством малолетних детей, причем с каждым годом разница становилась больше⁴⁴. Этот факт автор объясняет следующим образом: «...большую роль в этом отношении играли те технические усовершенствования, которые, освобождая мускульную силу, требовали в то же время более сознательного труда; поэтому, именно предприятия, оборудованные по последнему слову современной техники, стремясь с одной стороны, заменить взрослых рабочих менее строптивым и менее независимым элементом, а с другой – принужденные считаться с сознательностью и производительностью своего рабочего стали использовать в гораздо больших размерах труд несовершеннолетних, которые в большей, чем какие-либо другие группы рабочих, степени отвечали указанным требованиям»⁴⁵.

В другой работе В. Ю. Гессена «История законодательства о труде рабочей молодежи в России»⁴⁶ раскрывается процесс развития законодательства о труде детей и подростков на предприятиях фабрично-заводской промышленности – разработка и принятие законодательных актов, к которым относятся законодательные акты: «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» от 1 июня 1882 г.; «О взыскании за нарушения постановлений о работе малолетних на заводах, фабриках и в ремесленных заведениях» от 5 июня 1884; «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» от 3 июня 1885 г.; «О работе малолетних, подростков и женщин» от 24 апреля 1890 г. Подробно рассматриваются дебаты вокруг указанных законов, подчеркивается активное противодействие ограничению труда

детей и подростков фабрикантов Центрального района, и прежде всего, Московского региона.

В монографии А. Н. Ацаркина «Жизнь и борьба рабочей молодежи в России. 1900–1917 гг.»⁴⁷ рассматриваются вопросы численности и состава, условий труда и быта, продолжительности рабочего дня и заработной платы, уровня общего и профессионального образования несовершеннолетних рабочих России. Большое внимание уделяется возникновению и деятельности социалистических союзов рабочей молодежи.

Как видно из вышесказанного, советскими учеными продолжалась разработка основных вопросов труда несовершеннолетних рабочих в конце XIX – начале XX в. Большое значение, помимо анализа численности, изучения правового и экономического положения, образовательного и профессионального уровня указанной категории рабочих, а также отношения правительственных и промышленных кругов к данной проблеме придается выявлению причин использования их труда в фабрично-заводской промышленности.

В постсоветский период в работах отечественных авторов находят свое отражение новые аспекты истории рабочего класса. К ним, в частности, можно отнести исследование облика, менталитета, процесса самоопределения рабочих как социального слоя общества, вопросы формирования рабочей интеллигенции, проблема религиозных, расовых, этнических различий в рабочей среде, особенности мотивации труда и трудовой этики рабочих. Большое внимание уделяется вопросам взаимоотношений, взаимодействия рабочих с интеллигенцией, предпринимателями, политическими партиями, государственной властью. Проблема же использования труда несовершеннолетних рабочих в фабрично-заводской промышленности в конце XIX – начале XX вв. в большинстве случаев затрагивается косвенно и фрагментарно. Так, например, в исследовании А. В. Хохлова «Российское законодательство о труде в конце XIX – начале XX в.»⁴⁸ показывается законодательная деятельность правительства по рабочему вопросу, дается характеристика основных правовых актов, в том числе и непосредственно регулирующих вопросы труда детей и подростков в указанный период.

В другой работе «Рабочие России и культура: полемика на страницах консервативной и либеральной периодики начала XX в.» Т. В. Бойко⁴⁹ анализируются материалы консервативной и либеральной печати начала XX века по вопросам общего и профессионального образования рабочих. Рассматриваются основные подходы царской администрации и различных групп российского общества к рабочему вопросу, в том числе и к вопросу о повышении культурно-образовательного уровня рабочих. Характеризуется культурный облик российского пролетариата на рубеже XIX – XX вв. При рассмотрении указанных вопросов затрагивается проблема труда и обучения малолетних рабочих, их культурно-образовательного уровня на рубеже веков.

В книге В. И. Соколова «История молодежного движения России (СССР) со второй половины XIX до XXI в.»⁵⁰ анализируется процесс зарождения и деятельности юношеского движения, молодежных организаций в России и Западной Европе. Кратко затрагиваются и вопросы формирования юношеского движения рабочей молодежи.

Таким образом, российская историческая наука накопила обширный фактический и теоретический материал при разработке общих и конкретных вопросов истории рабочего класса. Определенное внимание исследователей, прежде всего в дореволюционный и советский период уделялось изучению проблемы применения труда несовершеннолетних рабочих в фабрично-заводской промышленности России, в том числе и в конце XIX – начале XX в.

Примечания

¹ Туган – Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. – М., 1997.

² Туган – Барановский М. И. Указ. соч. – С. 395.

³ Дементьев Е. М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. 2-е изд. дополн. и исправлен. – М., 1897.

⁴ Дементьев Е. М. Указ. соч. – С. 182.

⁵ Дементьев Е. М. Указ. соч. – С. 249.

⁶ Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. 2-е изд. дополн. и исправлен. – М., 1908.

- ⁷ Погожев А. В. Фабричный быт Германии и России. – М., 1882.
- ⁸ Погожев А. В. Указ. соч. – С. 94.
- ⁹ Погожев А. В. Учет численности и состава рабочих в России. (Материалы по статистике труда). – СПб., 1906
- ¹⁰ Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. 2-е изд. дополн. и исправлен. – СПб., 1904.
- ¹¹ Литвинов-Фалинский В. П. Указ. соч. – С. 177.
- ¹² Литвинов-Фалинский В. П. Указ. соч. – С. 178.
- ¹³ Озеров И. Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. – М., 1906.
- ¹⁴ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. Женева, 1892; Мартов Л. Очерк истории русского рабочего движения. Женева, 1900; Аксельрод П. Б. Рабочий класс и революционное движение в России. – СПб., 1907; Гриневич В. Профессиональное движение рабочих в России. – СПб., 1908 и др.
- ¹⁵ Волков П. Детский труд на фабриках. // Неделя. – 1882.
- ¹⁶ Янжул И. Детский и женский фабричный труд в Англии и России. // Отечественные Записки. – 1880. – № 2–4.
- ¹⁷ Андреев В. Работа малолетних в России и Западной Европе. Вып. 1. – СПб, 1884.
- ¹⁸ Янжул И. Детский и женский фабричный труд в Англии и России. // Отечественные Записки. – 1880. – №2. – С. 459.
- ¹⁹ Андреев В. Работа малолетних в России и Западной Европе. Вып. 1. – СПб, 1884.
- ²⁰ Очерки истории пролетариата СССР. Пролетариат царской России М., 1931; Очерки истории российского пролетариата (1861–1917 гг.) – М., 1963; История рабочего класса России (1861–1900 гг.) – М., 1972; История рабочего класса СССР. Рабочий класс от зарождения до начала XX века. – М., 1989 и др.
- ²¹ Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. – М., 1958.
- ²² Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. – Л., 1976; Кириянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX века). – М., 1979.
- ²³ Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. – Л., 1976.

²⁴ Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. – Л., 1976, – С. 249.

²⁵ Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX века). – М., 1979.

²⁶ Шельмагин И. И. Фабрично-трудовое законодательство в России (вторая половина XIX века). – М., 1947; Шельмагин И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917 гг. – М., 1952; Вовчик А. Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895–1904 гг.). – Львов, 1964; Лаверычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России. – М., 1972; Кризис самодержавия в России. 1895–1917 гг. – Л., 1984.

²⁷ Покровский М. Н. Очерки русского революционного движения XIX – XX вв. – М., 1924; Пионтковский С. А. Краткий очерк истории рабочего движения в России (1861–1917 гг.) – Л., 1925; Панкратова А. М. Рабочий класс и рабочее движение накануне революции 1905 г. // 1905: История революционного движения в отдельных очерках: Предпосылки революции. – М.; Л., 1926; Краткая история рабочего движения в России (1861–1917 гг.). – М., 1962; Очерки истории революционного движения в России в 60–80-х гг. XIX века. – Киров, 1979; Рабочее движение в России в период империализма. – М., 1982; Кирьянов Ю. И. Переход к массовой политической борьбе: Рабочий класс накануне первой российской революции. – М., 1987 и др.

²⁸ Ушаков А. В. Рабочий класс и рабочее движение в Москве в 1898 – 1903 гг. Дисс...канд. ист. наук. – М., 1954; Ушаков А. В. Рабочее движение в Москве накануне первой российской революции // Ученые записки Карело-Финского пед. ин-та. – Петрозаводск, 1955; Серый Ю. И. Рабочие Юга России в период империализма, 1900–1913 гг. – Ростов н/Дону, 1971; История рабочего класса Восточного Забайкалья (1707–1922). – Иркутск, 1981; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. – Новосибирск, 1982; Морозовская стачка 1885 г. и рабочие Центрального промышленного района в конце XIX – начале XX в. – М., 1984 и др.

²⁹ Волошин И. Очерки по истории рабочего подростка. – М.; Л., 1924; Волошин И. Очерки по истории рабочего подростка. 2-е издание дополн. и переработ. – М.; Л., 1925; Зайцев В. А. Положение труда подростков и его оплата в промышленности. –

М., 1924; Зайцев В. А. Труд и быт рабочих подростков. – М., 1926; Гессен В. Ю. Труд детей и подростков в России с XVII века до Октябрьской революции. – Т. 1. – М.; Л., 1927; Гессен В. Ю. История законодательства о труде рабочей молодежи в России. – Л., 1927; Татаров И. Л. Классовая борьба вокруг законов о труде и образовании рабочей молодежи во второй половине XIX в. – М.; Л., 1928; Ацаркин А. Н. Жизнь и борьба рабочей молодежи в России (1900 – октябрь 1917 гг.). – М., 1976.

³⁰ Волошин И. Очерки по истории рабочего подростка. – М.; Л., 1925.

³¹ Волошин И. Указ соч. – С. 35.

³² Волошин И. Указ. соч. – С. 36.

³³ Зайцев В. А. Труд и быт рабочих подростков. – М., 1926.

³⁴ Зайцев В. А. Указ. соч. – С. 111.

³⁵ Зайцев В. А. Указ. соч. – С. 111.

³⁶ Зайцев В. А. Указ. соч. – С. 105.

³⁷ Зайцев В. А. Указ. соч. – С. 105.

³⁸ Зайцев В. А. Указ. соч. – С. 114.

³⁹ Зайцев В. А. Указ. соч. – С. 115, 117.

⁴⁰ Зайцев В. А. Положение труда подростков и его оплата в промышленности. – М., 1924.

⁴¹ Зайцев В. А. Указ. соч. – С. 16.

⁴² Гессен В. Ю. Труд детей и подростков в России с XVII века до Октябрьской революции. – Т. 1. – М.; Л., 1927.

⁴³ Гессен В. Ю. Указ. соч. – С. 57.

⁴⁴ Гессен В. Ю. Указ. соч. – С. 79.

⁴⁵ Гессен В. Ю. Указ. соч. – С. 80.

⁴⁶ Гессен В. Ю. История законодательства о труде рабочей молодежи в России. – Л., 1927.

⁴⁷ Ацаркин А. Н. Жизнь и борьба рабочей молодежи в России (1900 – октябрь 1917 гг.). – М., 1976.

⁴⁸ Хохлов А. В. Российское законодательство о труде в конце XIX – начале XX в. – Иваново, 1993.

⁴⁹ Бойко Т. В. Рабочие России и культура: полемика на страницах консервативной и либеральной периодики начала XX в. – М., 1997.

⁵⁰ Соколов В. И. История молодежного движения России (СССР) со второй половины XIX до XXI в. – Рязань, 2002.

Научное издание

РАБОЧИЕ – ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ – ВЛАСТЬ В XX ВЕКЕ

Материалы III Международной научной конференции
Кострома, 22–23 сентября 2005 года

Часть II

Корректоры Г. Д. Неганова, М. В. Петрова
Компьютерная верстка И. М. Каравановой

Подписано в печать 09.09.2005
Формат 60х90 / 16
Уч.-изд. л. 11,3
Тираж 500 экз.
Изд. №. 96

ГОУВПО КГУ им. Н. А. Некрасова
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14

